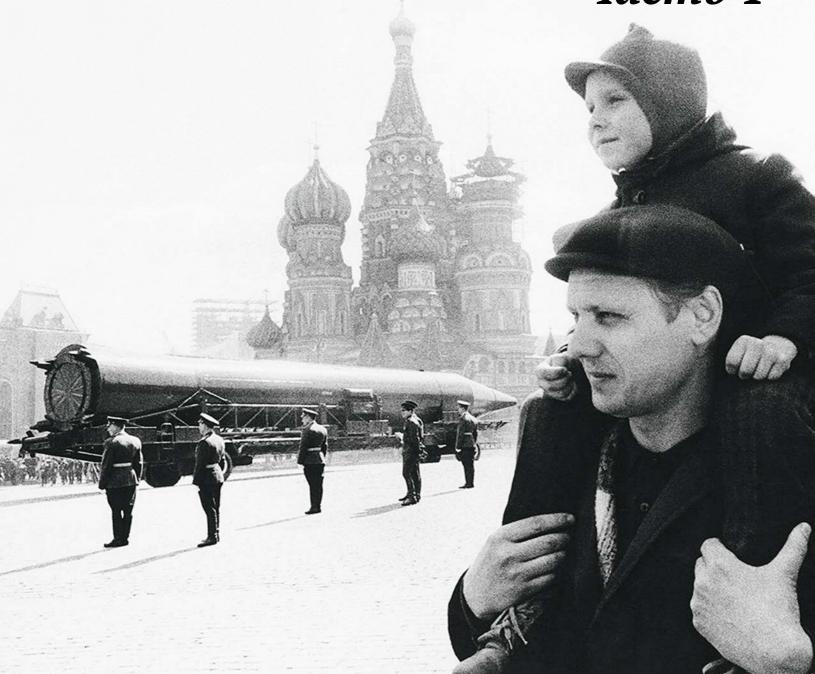

№9 (107), 2022

Россия и Запад: глубинный разлом. Часть 1

К двухсотлетию Николая Яковлевича ДАНИЛЕВСКОГО

Содержание:

- Александр ПРОХАНОВ.
 Религия Справедливости
- **6** Теория Данилевского как основа идеологии для России (беседа Андрея КОБЯКОВА с Александром БУРЕНКОВЫМ)
- 22 Вардан БАГДАСАРЯН.Реактуализация Данилевского:2022 год в повестке «России и Европы»
- **32** Константин ЧЕРЕМНЫХ. **Истина и блеф**
- **52** Евгений ПАВЛОВ. **Обретение русскости**
- **60** Михаил ЕРМОЛАЕВ. **Страсти Запада и мы**
- 74 Георгий МАЛИНЕЦКИЙ. Россия и Европа в зеркале теории самоорганизации
- 90 Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ. Украина: агрессия Постмодерна
- 108 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
 Нацпроект «Славянская письменность»
- 110 Библиотекарь
- 111 Хронология мероприятий клуба
- **112** Илья КИРИЛЛОВ: **Я, должно быть, чувствую вину...** *(стихи)*

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб» №9 (107), 2022 год**

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Андрей КОБЯКОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ, 2-я обложка — Юрий СЕЛИВЁРСТОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

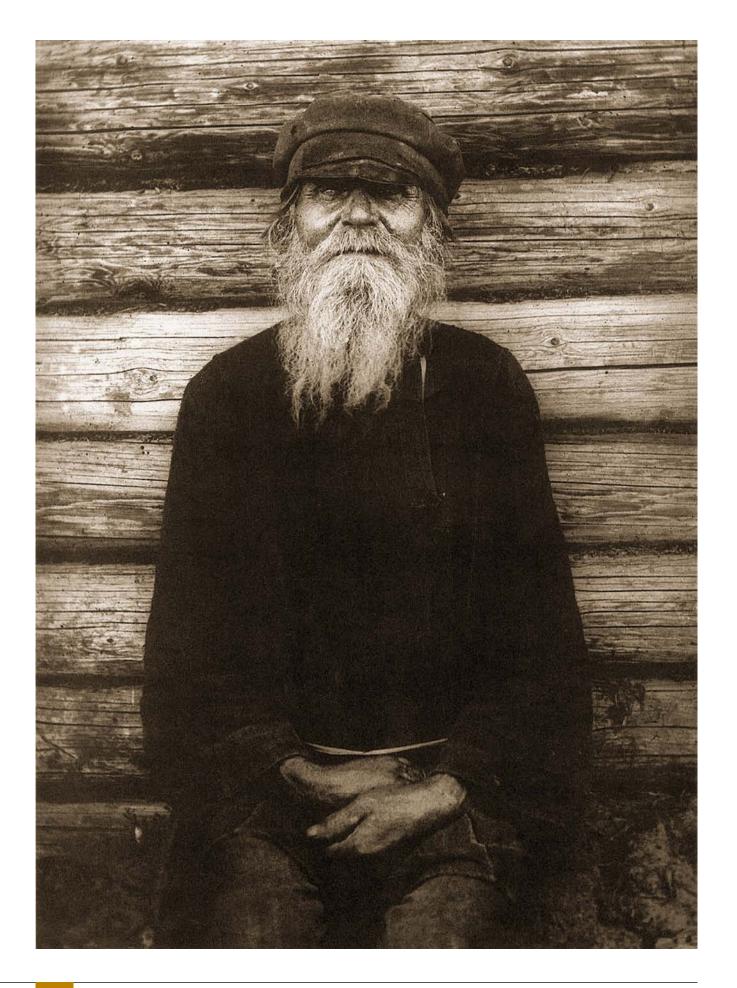
Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI По вопросам распространения: телефон +7 (910) 421 92 07 E-mail: redaction@izborsk-club.ru Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120 Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 16.01.2023

Отпечатано в ООО «Типография "Печатных Дел Мастер"» Тираж 700 экз. Заказ № 230118

/ Александр ПРОХАНОВ/

Религия Справедливости

валдайский форум 2022 года был великолепен. Среди подмосковного осеннего леса, тёмных сосен и золотых берёз в чудесном дворце, напоминающем белоалые дворцы Баженова, собрались мыслители со всех континентов. На этот раз было гораздо меньше политологов и философов из Европы, Америки и Австралии. Англосаксонский мир был потеснён. Сегодня здесь господствовали китайцы, индусы, азиаты, африканцы, латиноамериканцы. Видно, что Россия поворачивается с одного бока на другой, скрипя изношенной мировой кроватью, на которой она покоилась все эти десятилетия.

На подиуме появлялись экономисты, политологи, философы, послы, профессора, генералы. Из разношёрстных суждений, эмоций, интеллектуальных экспромтов вырисовывалась новая картина мира. Мир лишается на глазах гегемона и властителя, мир напоминает не выстриженный под линейку английский парк, но гигантскую великолепную клумбу со множеством цветов, где каждый, самый малый бутон готов расцвести и украсить собой этот вселенский сад. Все говорили о завершении однополярного англосаксонского мира, чья мечта о вековечном стремлении доминировать выражается метафорой «Град на холме».

Из этой американской крепости, помещённой на вершине горы, стражи озирают другие народы и страны, приютившиеся на склонах. И если в этих покорённых народах и странах забрезжит смута и неповиновение, из американских башен их посыпают крылатыми ракетами и усмиряют. Сегодняшний мир — это крах американской мечты.

Манифестальной была речь президента Владимира Путина. Он произносил её с амвона Русской Мечты — мечты, облечённой в метафору «Храм на холме». Русская Мечта — это стремление к идеальному бытию, к гармонии, к небесному фаворскому свету,

к тому идеальному царству, где нет несправедливости, гнёта, насилия могущественного над слабым, где побеждена самая жестокая вселенская несправедливость — смерть.

Путин обращался с амвона русского храма ко всему человечеству. Избрал то место, из которого слышится далеко и высоко. Он говорил о Западе, который заковал мир в тысячу видимых и невидимых цепей, заманил в свою ловушку и держит на коротком поводке народы и целые континенты. Владеет экономикой, финансами, рынками сбыта, умами, элитами, запустив свои чуткие щупальца во все сферы народной жизни, лишая народную жизнь самобытности, возможности цвести, обрекая её на унылое бездуховное прозябание. Путин говорил, что мир рвёт эти бесчисленные цепи. Разрыв этих цепей даётся миру нелегко, порождает жестокие схватки. Сегодняшний мир есть схватка, где рушится истлевающая идея мирового господства западной цивилизации. Другие великие цивилизации — востока и юга планеты — вырываются из-под западного цивилизационного ига. Эта борьба — жестокая, кромешная. Россия сражается сегодня с западным монстром почти в одиночку, в напряжении всех своих исторических сил и возможностей.

Война на Украине — это бесстрашный вызов, который бросила Россия мировому гегемону. Этот русский удар сдвинул с места тектонические мировые платформы. Мир содрогнулся, заскрипел и пришёл в движение.

Мир лишается на глазах гегемона и властителя, мир напоминает не выстриженный под линейку английский парк, но гигантскую великолепную клумбу со множеством цветов, где каждый, самый малый бутон готов расцвести и украсить собой этот вселенский сад.

Угрюмый, задуманный Западом монолит мира раскалывается на множество миров. Россия на Украине ведёт войну не с киевским режимом, не с Зеленским, не с полком «Азов»¹. Она ведёт борьбу с громадной, могучей сатанинской силой, которая возжелала управлять мировым развитием и судьбами покорённых народов. И эта борьба вновь выводит Россию на передовую человеческих мечтаний, человеческих стремлений к свободе, независимости. Россия подаёт миру пример, как сбрасывать со своих плеч иго Запада, пример того, как справедливость становится главным инструментом мирового развития.

В осколках разбегающегося ветхого мира уже брезжат неясные образы нового, загадочного, ещё не сформулированного миропорядка. Россия принимает участие в конструировании нового мира и предлагает этому миру идеологию — идеологию справедливости.

Путин произнёс свою речь ярко, взволнованно. Своей чёткостью речь напоминала изысканную резьбу на камне, утончённую графику на сверкающем бивне мамонта. Эту речь сегодня осваивают и расшифровывают в закрытых политических клубах, в тайных сообществах, генеральных штабах, центрах мировых разведок. При всей чёткости, в этой речи много таинственного, что дано угадать людям, владеющим смыслами.

Русская Мечта — это мечта об идеальном бытие, о Царствии Небесном, куда стремится народ на всём протяжении своего тысячелетнего пути. В этом мире Русской Мечты нет войн, насилий, покорённых и убиваемых

Сегодняшний мир есть схватка, где рушится истлевающая идея мирового господства западной цивилизации. Другие великие цивилизации — востока и юга планеты — вырываются из-под западного цивилизационного ига. И эта борьба вновь выводит Россию на передовую человеческих мечтаний, человеческих стремлений к свободе, независимости. Россия подаёт миру пример того, как справедливость становится главным инструментом мирового развития.

народов, а царят гармония, симфонизм, царит справедливость не только социальная, но и божественная, устанавливающая гармонию между всем сотворённым миром. В храме божественной справедливости не будет обижен ни один человек, не затоптан ни один цветок, не погаснет ни одна звезда.

Божественная справедливость кроется в недрах всех мировых религий, и сама является надмирной священной религией, храмом, в котором все мировые религии имеют свои алтари. В своём приближении к Русской Мечте, в стремлении к божественной справедливости русским приходится преодолевать невероятные препятствия, выдерживать кровавые сражения, одолевать непроглядные бездны. Нам приходится одерживать победы во вселенских битвах. Русская Победа — это Победа над силами ада, победа божественного небесного света. Вероучение Русской Мечты, религия справедливости, идеология Русской Победы — это и есть сокровенные возвышенные смыслы, именуемые русской идеей.

Справедливость есть кодовое слово, понятное всем народам, всем вероучениям, всем мировым культурам. Исламская революция Ирана — это восстание справедливости. Жестокая борьба палестинцев — это мученичество во имя справедливости. Китайская мечта о великом китайском возрождении, которое веками попиралось иноземцами, — это упование на вековечную справедливость. Африка — это кипяток, в котором бурлит попранная справедливость. Венесуэла, Куба, Никарагуа начертали на своих гербах «справедливость».

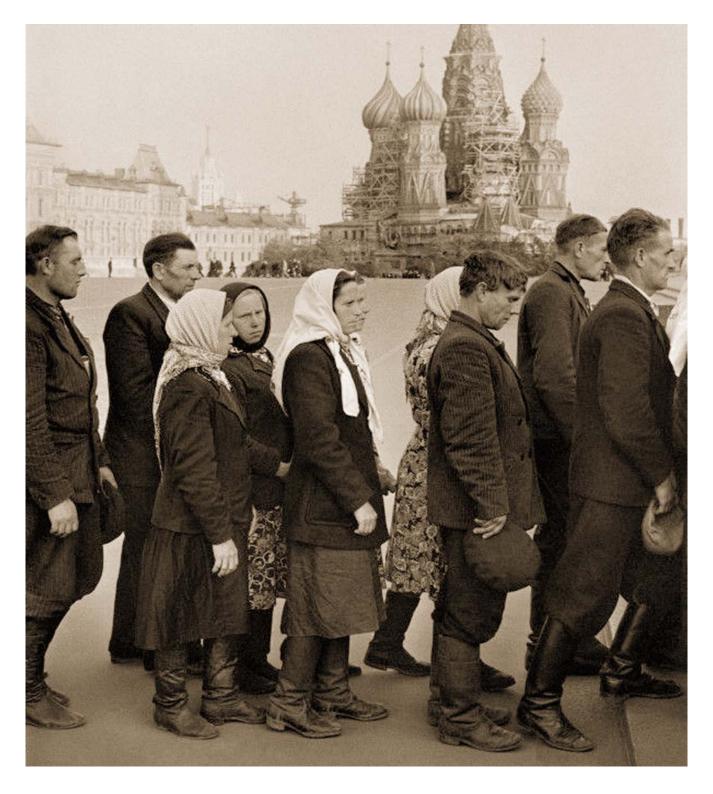
Война, которую ведёт на Украине Россия, — это война за справедливость. Избавление людей Донбасса от избиений — что может быть справедливей? Соединение в единое целое рассечённого, расчленённого народа — что справедливее этого? Восстановление единства российских земель, разрубленных в 1991 году американским топором, — в этом божия справедливость.

Мы сражаемся на Украине с фашизмом — с этим воплощением адской несправедливости. На Украине мы вступили в жестокий бой с Западом, указывая другим народам путь к освобождению, принося великую российскую жертву во имя всё той же божественной справедливости.

Запрещённая в РФ террористическая организация.

Теория Данилевского как основа идеологии для России

Заместитель главного редактора журнала «Изборский клуб» Андрей КОБЯКОВ беседует с директором АНО «Институт Русско-славянских исследований имени Н.Я. Данилевского» Александром БУРЕНКОВЫМ

лександр Васильевич, в декабре 2022 года мы отмечаем 200 лет со дня рождения Николая Яковлевича Данилевского, выдающегося русского мыслителя, основателя цивилизационной историософии, утверждающей, по сути, идею многополярного мира, борьбу за которую сегодня возглавляет именно Россия. Цивилизационный подход к истории, как известно, впоследствии разделяли многие ученые, мыслители, политологи -Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Питирим Сорокин, Уильям Макнилл, Фернан Бродель, Сэмюэл Хантингтон... Вы один из немногих авторов, который постоянно пишет о творческом наследии Данилевского, о теории культурно-исторических типов, создали даже целый негосударственный исследовательский институт. Перед тем как мы поговорим о Данилевском, расскажите о том, как вы, предприниматель, инженер, пришли к творчеству Данилевского, да ещё так, что и кандидатскую диссертацию по его творчеству защитили. Цивилизационная историософия Данилев-

— цивилизационная историософия данилевского стала для меня естественной заменой марксизма, на котором было воспитано моё поколение. К учению Данилевского я пришёл в результате поиска ответов на многие волновавшие всех нас вопросы: мы же были сильно идеологизированы, верили в «прекрасное далёко», верили, что оно «не будет к нам жестоко». В основе этой веры лежало марксистское учение даже для тех, кто его не знал. Я относился к той части граждан, которые изучили основательно марксистско-ленинское учение. Не поверите, но я прочитал все 55 томов Ленина, будучи молодым человеком, и почти всё, что было издано из трудов Маркса и Энгельса.

Материалистическая философия в качестве идеологии играла большую положительную роль, как мы хорошо видим сегодня, в сравнении с ситуацией отсутствия идеологии, так как отвечала на все основные вопросы:

откуда произошла жизнь, как образовались народы, утверждала в качестве движущей силы истории борьбу классов, которая разрешала противоречие производительных сил и производственных отношений, очень логично выводила закономерность перехода к новому типу общественно-экономического устройства — социалистическому, а затем коммунистическому, увязывая эту возможность с концентрацией тысяч рабочих на фабриках и заводах. Казалось верным, что от этого один шаг к тому, чтобы убрать «капиталистовкровопийц», а управленцев оставить, лучше воспитать из рабочих, но можно и старых. Молодой человек в СССР, глядя вокруг себя, действительно видел огромные предприятия без капиталистов, которыми управляли простые люди, большинство — выходцы из рабочих и крестьян. Телевизор и газеты беспрестанно говорили нам, что всё это наше, социалистическое, общенародное в государственной форме.

А дальше начались разочарования, особенно со вступлением во взрослую жизнь в самом начале 1980-х годов, когда ты невольно изучал практику «коммунистического строительства». В наше время партия уже говорила об этапе развитого социализма, что не соответствовало действительности, так как социализм предполагает многоукладность экономики. Сама же КПСС этому нас учила, а на деле вся система управления оказалась «раннекоммунистической»: государственная собственность доминировала, планировалось почти «всё и вся», с соответствующими ошибками в планировании, которые накапливались из года в год.

Разочарование происходило у каждого поколения в разное время, в зависимости от возраста и личных обстоятельств жизни. У меня— с самого начала трудовой деятельности и даже раньше. Но полный крах произошёл в связи с развалом СССР. СССР рухнул, вокруг оголтелый капитализм или даже анархия. Сваливать произошедшую трагедию только на случайность, на отдельных руководителей,

на мой взгляд, неверно. Смена общественноэкономического строя, произведённая сверху, может свидетельствовать только о каком-то системном сбое в общественной теории, которой руководствовалась правящая партия, и о проблемах практического её воплощения.

Реалии позднего СССР — это резкое торможение экономического роста, народнохозяйственные диспропорции, дефицит продуктов и потребительских товаров, массовыми явлениями были халатность и нерадивое отношение к труду. Общественные отношения, построенные, а также стихийно сложившиеся в нашей стране, оказались весьма далеки от идеала. Но самый большой недостаток советской системы управления — это уравниловка среди ИТР и вообще всех руководителей, в основе которой абсолютно неверный постулат всей марксистской теории: все люди равны от рождения. Идея равенства людей, а не равенства возможностей и равенства прав и обязанностей, стала кодом разрушения общественно-экономического строя.

Интересная мысль, можете раскрыть подробней, что вы имеете в виду?

 Тогда пора перейти к Данилевскому. Мне бы хотелось изложить не просто само учение, а показать, как оно может работать в объяснении нашей истории, а значит, в планировании Настоящего, через формирование Образа Будущего и дорожной карты к нему. С этой целью хочу привести цитату Данилевского о счастье и равенстве. Николаю Данилевскому было всего 26 лет, когда он высказал эти глубокие мысли с критикой теории равенства и указал на приоритет понятия «счастья» в определении «основ общественного устройства»:

«Различные принципы принимаемы были за основы общественного устройства. Таким априористическим принципом было, например, равенство, принимаемое философами XVIII века и доведённое до крайних результатов новейшими коммунистами. Но почему равенство есть основной закон — коренный догмат, на котором должны быть основаны отношения людей, никто и не думал этого доказывать, — между тем как это требовало бы очень сильных доказательств, ибо видимость и опытное знание наше этому догмату противуречит. Не только между людьми, но и во всей природе видим мы только ряд неравенств во всех отношениях. Положим даже, что порядок вещей, при котором отношения людские были бы основаны на равенстве, что толку в этом? <...> Человек жаждет не равенства, не свободы, а счастья, а между тем никто из приверженцев теории равенства не доказывал и не думал доказывать,

чтоб оно необходимо влекло за собою счастье— да трудно бы и было это сделать. Равенство, по их мнению, есть необходимое требованье человеческого разума— и во что бы то ни стало надо его достигнуть, принося таким образом отвлечённой идее в жертву и жизнь, и счастье людей— подобно тому как языческие народы приносили человеческие жертвы богам своим, которые также были олицетворёнными отвлечениями их разума»¹.

Человечество в лице Генеральной ассамблеи ООН только в 2011 году приняло резолюцию, призывающую государства оценивать счастье своего народа и использовать «индекс счастья» в качестве ориентира своей политики. Недавно прошла информация, что в Объединённых Арабских Эмиратах создано Министерство счастья. Люди действительно не стремятся к равенству, потому что, в отличие от философов, хорошо видят, что неравенство «зашито» в самые основы их бытия. Это, прежде всего, неравенство генетическое от рождения: все люди рождаются неравными по своим задаткам, талантам, как физическим, так и интеллектуальным. Второе неравенство связано с воспитанием: все люди рождаются в разных семьях, с разным достатком, с разным пониманием задачи родителей в воспитании детей. Третий вид неравенства — это личное волевое неравенство: каждый человек в разной степени напрягает свою волю в достижении каких-то целей в жизни, которые входят в понятие успеха, иные вообще не напрягаются.

Вот это естественное неравенство людей советское государство пыталось преодолеть с двух сторон. С первой очень верной: стремясь дать образование среднее и высшее на одинаково высоком государственном стандарте. Если не брать в расчёт ряд научно-технических вузов, которые изначально готовили элиту, прежде всего, для оборонной промышленности и космоса, то образование в СССР, особенно среднее, было более-менее одинаковым и давало более-менее равные стартовые возможности. А вот вторым способом борьбы с естественным неравенством людей была уравниловка в оплате труда руководителей и ИТР, зарплата которых строго соизмерялась с зарплатой рабочих и уравнивалась между собой. Страна держалась на том небольшом проценте сильных личностей, которые хорошо работают вне зависимости от зарплаты, но с годами и им это надоело. Такая ситуация создала атмосферу недоверия к власти и к заявленным целям развития. На практике нарушался заявленный государством принцип «развитого социализма»: каждому по труду. Государство уравниловкой словно подталкивало к коммунизму, в котором обещалось «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Практика сложилась такая в отношении ИТР, конструкторов, руководителей: от всех по способностям, а всем по потребностям, которые мы вам за вас установим приблизительно одинаковые.

Поэтому громадная часть народной энергии ушла в 1970–1980-х годах в бытовое творчество на дачах, в отделку квартир, а в некоторых случаях в изобретательство в собственных гаражах. То есть стали ковать своё счастье сами. А в результате ограбления народа в 1990-х годах многие сумели минимизировать свои потребности и найти счастье в кругу своих близких, опять же на дачах и т.п. А общественно-экономический строй должен создавать условия для реализации своего понимания счастья, не уходя из общества, а на благо его. Данилевский вывел категорию народных начал, которая является краеугольным камнем его теории культурно-исторических типов, типические черты которых и определяют особенности и различия понимания счастья у разных народов.

— Я так понимаю, судя по вашим статьям, вы считаете, что творческое наследие Данилевского можно взять, по крайней мере, за основу формулирования национальной идеологии, которой нам сейчас ох как не хватает, особенно в условиях СВО на Украине. Ведь всегда представляет интерес не только само учение того или иного мыслителя прошлого, но и то, как к нему пришли современники, почему его отстаивают. Вы рассказали, что путь был

Данилевский вывел категорию народных начал, которая является краеугольным камнем его теории культурно-исторических типов, типические черты которых и определяют особенности и различия понимания счастья у разных народов.

¹ Н.Я. Данилевский. Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Том 2, с. 292.

через разочарование в марксистской общественной теории, на которой воспитано наше поколение, но от одного разочарования в марксизме и до цивилизационной историософии Данилевского — громадная пропасть.

— С началом перестройки открылся новый пласт литературы, прежде недоступный. Например, Священное Писание, которое я тогда прочитал в изложении учебника Закона Божия Серафима Слободского, показало, что существует, оказывается, другая точка зрения на происхождение как самой материи, так и человека, утверждающая, что весь видимый и даже какой-то невидимый миры сотворены Высшей силой — Богом. Вера пришла позже, конечно, но прочитанное запало, так как такое объяснение было конечным, в отличие от объяснений материалистической философии.

— Ну а как возник интерес к самому Священному Писанию? Ведь расстояние между материалистической философией и религией огромно.

— На самом деле не такое большое для отдельного человека. Если человек гармонизировал свой внутренний мир верой в материализм, то значит, у него вообще есть потребность в том, чтобы решить для себя проблему своего отношения к внешнему миру. Когда с возрастом накопленные знания и опыт приходят в противоречие с принятой системой ценностей, возникает кризис и поиск новой системы ценностей. Хуже, если человек вообще не задумывается над этими вопросами. В этом случае пропасть почти непреодолимая.

Надо, наконец, понять, что холодную войну мы не проиграли в 1991 году, а проиграли только сражение, так как Россия осталась, а следовательно, задачи холодной войны Запад не решил. Сегодня западная политическая элита это осознала и прямо ставит задачу уничтожения России, нашей государственности. На Украине мы ведём СВО, а Запад против нас ведёт настоящую войну, сделав из ВСУ свою наёмную армию, вооружая её за счёт своего военнопромышленного комплекса и управляя ею через своих офицеров — от штабов до боевых порядков.

Большую роль для своего времени сыграли книги ряда православных авторов митрополита Иоанна (Снычева), Ивана Солоневича, Льва Тихомирова. С начала 1990-х годов я активно начал помогать исследователю гонений на Русскую православную церковь отцу Дамаскину. Знакомство с житиями новомучеников и исповедников поразило, как ни странно, не периодом самих гонений в советское время, а дореволюционной частью их жизни. Они оставили нам очень нелицеприятные свидетельства о том времени, все они пророчествовали о неизбежном крахе России в связи с не только потерей веры, но и человеческого облика у части русского народа. Пьянство, разврат, убийства с целью грабежа стали обыденным явлением. К сожалению, некоторые православные авторы ввели общество в заблуждение, нарисовав картину Святой Руси до 1917 года. Жития новомучеников свидетельствуют как раз об обратном — о потере веры, особенно у высших сословий, ставших русскими европейцами и по внешнему облику, и по образу мыслей, и даже по языку. Получилась в голове какая-то вилка: когда мы разочаровываемся в чем-то, то хотим быстро заменить прежнее на другое. На это другое просилась идея «Москва — Третий Рим», «Святая Русь», но жития новомучеников не подтверждали её практическую реализацию непосредственно в дореволюционный период. И вот тут мне отец Дамаскин посоветовал книгу «Россия и Европа», а ему, в свою очередь, отец Николай Доненко, который занимался восстановлением могилы Данилевского в Крыму. Вы не поверите: я проглотил книгу за два-три дня, а ведь ее считают очень тяжелой для чтения. Книга поразила стройностью логического изложения совершенно новой для меня общественной теории и обилием прогнозов о будущем России, которые сбылись, что само по себе служит доказательством серьёзности теории, ведь практика — это критерий истины. При этом книга написано живым народным языком, и если текст трудно воспринимается, то не из-за языка, а из-за того, что автор «зашивает» в него много мыслей. Отсюда обилие сложноподчинённых предложений, которыми современные авторы редко пользуются.

— Вы сказали о сбывшихся прогнозах. Можете привести примеры?

— Самый неприятный прогноз, который полностью совпадал с прогнозами новомучеников, — о неминуемой катастрофе Рос-

сии. Только будущие святые это связывали с падением нравственности в русском народе, а Данилевский делал свой вывод на основании сформулированной им болезни «европейничанья», которая разделила русский народ на два: русских европейцев и русское простонародье. А, как известно, царство, разделившееся само в себе, не устоит. При этом Россия в результате петровской европейской революции вошла в политическую систему стран западной цивилизации во вред себе самой, потеряла понимание своих самобытных интересов, стала выполнять служебную роль в решении противоречий Европы. Без выхода России из политической системы Запада будущего у страны нет. Практически Данилевский невольно спрогнозировал будущую революцию, хотя основной тон его труда состоит в том, что России революция не грозит, при этом, правда, он добавляет: «Если она не займётся собственным самоубийством», которое он связывал с болезнью «европейничанья».

— Действительно, эту болезнь мы наблюдаем и сегодня — прежде всего, у той части культурной элиты, которая открыто выступает против СВО на Украине и даже уехала на Запад.

— Не только культурной: у многих высокопоставленных чиновников звучит тональность вроде «а может, всё обойдётся». Дело в том, что мы последние тридцать лет развивались

как раз по пути «европейничанья», или «вестернизма» в более широком смысле слова, имея в виду США. Поэтому круг оппозиции гораздо шире.

Вернёмся к прогнозам Данилевского.Какие еще примеры?

 Это прогноз о будущем военном столкновении с частью Европы или с объединённой Европой. И ведь это уже произошло. Но надо видеть, что Данилевский имел в виду не только две мировые войны, которые, по сути, были гражданскими войнами внутри западной цивилизации, а агрессию против нас объединённой западной цивилизации, которая является для нас самой опасной. Такая война под названием «холодная» началась в 1946 году с Фултонской речи Черчилля. Надо, наконец, понять, что холодную войну мы не проиграли в 1991 году, а проиграли только сражение, так как Россия осталась, а следовательно, задачи холодной войны Запад не решил. Сегодня западная политическая элита это осознала и прямо ставит задачу уничтожения России, нашей государственности. На Украине мы ведём СВО, а Запад против нас ведёт настоящую войну, сделав из ВСУ свою наёмную армию, вооружая её за счёт своего военно-промышленного комплекса и управляя ею через своих офицеров — от штабов до боевых порядков.

Другой прогноз — о необходимости создания Всеславянского союза, который только

и мог бы противостоять объединённому Западу. Царское правительство хоть и не разделяло эту идею, но действовало в духе прогноза Данилевского в войне за Болгарию, которую выиграла на самом деле, но отдала большую часть победы на Берлинском конгрессе, испугавшись угроз Англии. Произошло это только потому, что Россия не выполнила главное условие победы во внешнеполитической сфере: не вышла из политической системы стран Запада, не перестала исходить из их интересов, не обрела свои интересы в идее Всеславянского союза.

А вот в советский период прогноз Данилевского о Всеславянском союзе сбылся, но только в той идеологической форме, на которой держался СССР. Поражает, что в СЭВ и Варшавский договор входили все страны, обозначенные Данилевским как участники Всеславянского союза, кроме Греции, которая просилась в лице восставших коммунистов, но Сталин не захотел. Естественно, спрогнозировать появление ГДР и «особую» позицию Югославии Данилевский не мог.

Надо не забывать о самой цивилизационной историософии, которая сегодня является единственной теорией, претендующей, как и марксистская теория, не только на объяснение истории, но и на управление Будущим из Настоящего. Прогнозов на самом деле очень много, приведу ещё один. Это очень важный и совершенно блестящий прогноз, относится он к прогнозированию развития науки химии. Данилевский вынужден был, чтобы доказать свою теорию культурно-исторических типов, сформулировать более общую теорию естественной системы науки.

- Расскажите, пожалуйста, об этом подробней, потому что эта часть творческого наследия Данилевского практически не освещается. А ведь эта тема относится к чисто философскому вопросу выбора методологии исследования, даже больше: к теории познания.
- Совершенно верно. Теория естественной системы науки и есть новая теория познания. Если коротко, то Данилевский вывел её на примере описания истории развития ряда наук, которые имеют общее сходство в прохождении одних и тех же этапов. Например, астрономия. Этап первичного накопления фактов, этап искусственной научной системы, которой для астрономии стала геоцентричная система (Гиппархова, или Птолемеева), утверждающая, что Солнце вращается вокруг Земли; только

после того, как появилась естественная система науки астрономии, утверждающая гелиоцентричность (Коперникова система), наступил период частных Кеплеровских законов, после которого — период общего рационального закона, которым стал закон Ньютона: сила притяжения пропорциональна массе тел. Так вот, применив свою теорию естественной системы науки к истории химии, Данилевский спрогнозировал, что этой науке ещё предстоит выйти на ступень общего рационального закона, которым она пока не обладает! И действительно, в том же году, когда была издана книга «Россия и Европа», наш другой гениальный соотечественник открывает периодическую систему химических элементов, которую мы знаем со школы под названием таблицы Менделеева. Именно этот научный прогноз Данилевского бесспорен и доказывает верность разработанной им новой теории познания, а значит если с её помощью сделаны верные прогнозы в естественнонаучной сфере, то и открытие с её помощью теории культурноисторических типов абсолютно верно.

— Очень интересно. Перейдём теперь к самой теории культурно-исторических типов.

— Чтобы понять какое-то новое явление, лучше его сравнивать с чем-то знакомым. Мы со школы знаем, что история делится на Древнюю, Среднюю и Новую с добавлением Новейшей. При этом подразумевается, что это деление верно для всего человечества, которое является действующим субъектом истории. В основе деления здесь берётся один признак: возраст. Данилевский доказал, что история человечества делится первоначально по типам культурно-исторического движения, а потом уже по возрасту внутри каждого типа. Такая методологическая ошибка произошла из-за того, что западные учёные присвоили всю историю Римской цивилизации в качестве своей Древней истории до V века, когда они завоевали Рим. Присвоили, можно сказать, чужое даже в исторической науке, сделали то, что они любят делать в геополитике, именно поэтому ввели понятие «история Древнего Рима», у которого есть своя Древняя история, в которой присутствуют племена этрусков и пр. На самом деле Древняя история германских народов не имеет ничего общего с историей Рима. Данилевский вместо «Древняя история» вводит понятие «Этнографический этап истории», который у германских народов находится в истории прагерманских племён

варваров, вандалов, франков и т.д., которые не являются родственными народам Рима. Затем свою историю с V века до начала эпохи Великих географических открытий (XV век) они назвали Средней историей, а с её завершением началась Новая история. При этом история одной Западной цивилизации была отождествлена с историей всего человечества. Данилевский доказал, что первичность деления истории по возрасту лежит в основе искусственной системы исторической науки. Данилевский ввёл науку «история» в естественную научную систему, указав на первичность деления истории по типам культурно-исторического движения, каждый из которых имеет свою периодизацию по возрасту. Поэтому Данилевский является новатором. Он открыл новую парадигму науки «история». Более того, он обосновал, что историческое развитие культурно-исторического типа проходит ряд этапов: этнографический, который длится неопределённо долго; государственный этап, в котором идёт образование государствообразующих народов и отстаивание своих самобытных государств; цивилизационный период, в котором приносятся плоды развития в четырёх сферах народной жизни — религиозной, культурной, политической, общественно-экономической, но особые достижения происходят в той сфере, к которой имеются особые дарования; и постцивилизационный период, нисходящий, который также может длиться неопределённо долго, если соседние народы не помогут испустить дух.

А сколько может длиться цивилизационный период? Вы об этом не сказали.

— Цивилизационный период длится всего 400–600 лет. Это время Данилевский вывел методом аналогии с историей других типов, которые прошли свой полный цикл: Римской, Греческой и Романо-германской цивилизациями и ряда других.

Но кажется, что это справедливо только для Рима, который уже исчез, а греки и западные народы существуют и ныне.

— Данилевский точен в своих оценках. Римскому типу помогли умереть насильственной смертью германские племена, поэтому их постцивилизационный период закончился быстро. А вот грекам повезло: они вначале вошли в состав Римской империи, а после её развала еще 1000 лет были элитой в Византийской империи; попав после её падения

Западная цивилизация находится на постцивилизационном этапе развития, но имея преимущество в научно-техникопромышленном развитии, обеспечив себе военное преобладание, может, вероятно, ещё очень продолжительное время существовать в этом периоде. На земле столь агрессивной цивилизации, как западная, больше нет. Она является постоянным источником опасности для всего человечества, так как не может существовать без подпитки ресурсами от других цивилизаций. Раньше не могла в силу молодости цивилизации, которая требовала экспансии, а сегодня в силу старости.

> под османское иго, смогли в начале XIX века добиться независимости, решившись на бескомпромиссную борьбу под девизом «Свобода или смерть». Западная же цивилизация находится на постцивилизационном этапе своего развития, но, имея преимущество в научно-технико-промышленном развитии, к которому она имеет особое дарование, обеспечив себе военное преобладание, может, вероятно, ещё очень продолжительное время существовать в этом периоде, так как он может длиться неопределённо долго, на что указал Данилевский. Кроме того, похоже, на земле столь агрессивной цивилизации, как западная, которая свою внешнюю политику строит на идее завоевания, больше нет. Поэтому Западу вообще не угрожает смерть от внешней агрессии и по этой причине. А вот она является постоянным источником опасности для всего человечества, так как не может существовать без подпитки ресурсами от других цивилизаций. Раньше не могла в силу молодости цивилизации, которая требовала экспансии, а сегодня в силу старости.

Какие ресурсы вы имеете в виду? Материальные, сырьевые?

— Безусловно, материальные ресурсы важны, но приоритетность этой цели внешней экспансии уже в прошлом. Сегодня для Запада как цивилизации, прошедшей свой апогей развития, важны не только чужие материальные ресурсы, но и интеллектуальные. Именно с этой целью

США устраивают бесконечные управляемые хаосы, забирая из их зон к себе лучшие умы. За примером далеко ходить не надо: сколько талантов уехало из нашей страны в США после развала СССР в 1991 году? Цивилизационная историософия Данилевского позволяет нам смотреть на мир широко открытыми глазами и видеть настоящие мотивы наших исторических оппонентов. Они нас не любят не за то, что мы что-то сделали против них, а за то, что мы существуем. Здесь мы подходим к главной категории теории культурно-исторических типов — категории «народные начала», базовой категории его учения, а также к двум другим — «энергия общественных творческих сил» и «закон экономии энергии общественных творческих сил».

— Об этом говорится в трудах Данилевского или это ваша интерпретация?

- Прежде всего, речь идёт о прямых категориях, которые использует Данилевский, но есть и интерпретация, которая выводится из контекста его учения. Я поясню. Книга «Россия и Европа» требует своей дешифровки. В ней содержится огромное количество идей, некоторые из которых даются побочными ремарками. Например, когда он рассуждает о физике и законе Ньютона как общем рациональном законе физики, он делает одно замечание о том, что из всего закона мы не понимаем только природу силы тяжести. В других местах говорит о том, что мы не понимаем, почему стареет человек, когда все клетки его тела постепенно заменяются новыми, также не понимаем, почему стареет народ точно так же, как стареет организм человека. А ведь из этих замечаний, рассыпанных по разным местам книги, постепенно складывается гипотеза о принципиальной непознаваемости материального мира, что соответствует креационной теории, а не эволюционной, что вообще-то сегодня косвенно подтверждает естествознание. Если основатель материалистической философии Демокрит предположил существование неделимых атомов как первокирпичиков материи, то квантовая физика, уйдя внутрь этих атомов, с удивлением обнаружила исчезновение самой материи. Невозможно исчислить два параметра одновременно. Это принцип неопределённости Гейзенберга. Если невозможно знать одновременно положение и скорость частиц, из которых состоит атом (кажется, это касается и массы частицы), то получается, что никаких первокирпичей в природе нет, а вместо них есть энергия, которая проявляется только

с какого-то более высокого уровня как материя, а на более низком она сама — энергия — и есть «первопричина» бытия всего существующего. Отсюда один шаг до «научной гипотезы» существования Бога, на энергиях которого и держится всё мироздание. Священноисповедник Лука, архиепископ Крымский, по всей видимости, одним из первых обратил на это внимание. Данилевский часто вспоминает о Боге в своих трудах: не только в «России и Европе», но и в «Дарвинизме», например. Данилевский — великий мыслитель, он рассыпал массу идей по страницам своих трудов слишком щедро, так что потомки до сих пор не могут освоить. Поэтому я считаю, что мы обязаны не только изучить его научное наследие, но и творчески развить его или интерпретировать, как вы сказали.

Например, понятие «народные начала» содержится в книге, и именно об этом понятии автор постоянно пишет. Наряду с этим понятием используются понятия «душа народа», «народный характер». Сегодня мы часто слышим про «генокод», «архетип». Мы предлагаем понятие «этнокультурный код», который зашит в самих народных началах. Типические черты народных начал разные у разных народов. Данилевский дал сравнительный анализ этих черт у народов Романо-германского историкокультурного типа и русских славян. Он вывел эти черты как типические, которые проявляются на протяжении всей истории. У германских народов это индивидуализм, насильственность, материализм. У русских — коллективизм, терпимость, созерцательность. Именно поэтому наши истории так отличаются. Индивидуализм главного типа личности народов западной цивилизации проявляется устроением общества на принципе конкуренции всех за всё; конкуренция в рыночной экономике всего лишь одно из проявлений индивидуализма личности. Насильственность проявляется во внешней политике в агрессии как языке общения с другими народами, во внутренней политике в феодализме, рабовладельческом строе в США и т.д. Материализм народных начал проявляется в «американской мечте» обогащения любой ценой; в протестантском постулате, что материальный успех есть признак любви Бога к тебе и избранности к спасению; в отказе от христианства и постепенной замене его атеизмом.

Когда англосакс смотрит на карту России, он искренне считает, что русские такую большую территорию могли только завоевать огнём и мечом, как они сделали в своё время с по-

ловиной мира, уничтожая местное население не только с помощью оружия, но подбрасывая индейцам одеяла, заражённые оспой, уничтожая бизонов, чтобы вызвать голод. А когда ближе знакомятся с нами, то не понимают нас ещё больше. Отсюда та неприязнь к русским, которую Данилевский показал нам на многочисленных примерах. Эта неприязнь находится в самых глубинах их народных начал, преодолеть которую они как народ не могут ни при каких обстоятельствах. Неприязнь логично переходит в ненависть. Сегодня мы все можем убедиться в этом по заявлениям лидеров Запада, которые открыто говорят о том, что Россия должна быть уничтожена.

Только к нам есть неприязнь, или это чувство касается и других народов?

— Конечно, это касается всех народов. Но сегодня на очереди стоим мы. Западная цивилизация как этно-социо-культурно-исторический организм (обобщающий термин в развитие категорий Данилевского) ненавидит Россию именно за то, что именно мы не дали во вре-

мена Александра Невского осуществиться её национальной идее в геополитике — натиску на Восток, не дали и во все другие времена, не дали разбомбить себя ядерным оружием по «дропшотовским» планам, создав своё ядерное оружие и средства доставки. Ненавидят и за неполный развал СССР, так как мы посмели сохранить Россию и поднять её с колен с 2000-х годов. Запад сейчас опомнился, понял, что в 1991 году он выиграл только сражение и хочет сегодня выиграть войну, уничтожив нас.

Давайте вернёмся к категориям учения Данилевского, о которых вы говорили.

— Понятие «общественные творческие силы» используется Данилевским. О накоплении этих сил в этнографический и государственный периоды развития он говорит как о законе. А вот закон экономии энергии общественных творческих сил мы выводим из контекста учения Данилевского, заменяя понятие «сила» на более современное понятие «энергия». В результате понимание исторического процесса с точки зрения цивилизационной историософии выглядит следующим образом. Субъектом мировой истории является не общечеловечество, а культурно-

исторические типы. Первичные родственные племена, которые существуют в этнографическом периоде, принимаются за данность. Вопросы происхождения видов органического мира Данилевский рассмотрел в другом труде — «Дарвинизм». Эти родственные племена осуществляют свое историческое движение в направлении слияния в более крупные образования — государствообразующие народы, которые создают свои самобытные государства и отстаивают их независимость, что происходит на государственной ступени развития. Именно на этих двух ступенях народный организм взрослеет и накапливает жизненную энергию подобно процессам, происходящим в человеческом организме до 30-40 лет, а затем вступает в период цивилизации, в котором эта энергия растрачивается, принося плоды в той или иной сфере народной жизни, к которой имеет особые дарования, или в нескольких сразу. Время высшего действия силы или энергии творческих народных сил не совпадает со временем наибольших плодов, как не совпадает наибольшее проявление силы Солнца в 12 часов дня со временем наибольших результатов в виде дневной температуры, которое наступает в 15 часов. Первому случаю соответствует время расцвета искусства, которое для Запада было в XVI-XVII веках, а второму — время наивысшего результата на научном и промышленном поприще, которому соответствует XIX век для Запада и которое, наверное, можно продлить на XX век, когда ещё происходили фундаментальные открытия в науке. Но это уже не три часа дня, а гораздо позже к вечеру, однако ещё и не ночь, которая будет полным закатом Запада. Поэтому есть вероятность того, что Западная цивилизация развалится от внутренних причин просто от старости. Но они занимаются постоянной «культурной трансплантацией», как богатые старики, которые создали рынок человеческих органов. Дэвид Рокфеллер стал рекордсменом по количеству пересадок сердца — семь сердец — и умер, прожив 101 год. Население Украины в 1991 году было более 50 миллионов человек, сегодня, говорят, 25 миллионов. Большая часть оказалась в Европе, США, Канаде. Это и есть «культурная трансплантация». Поэтому надеяться на то, что Запад загнётся от кризиса, не стоит. Хотя такую возможность предусматривает цивилизационная историософия Данилевского, но только в случае замкнутой системы. Как часто оговариваются в термодинамике: тепловая система стремится к равновесному

состоянию первичного хаоса только в случае, если нет подпитки энергией снаружи. А она как раз в данном случае есть и идёт за счёт других народов, и нашего — прежде всего. Кроме того, отрыв в научно-промышленной сфере за счёт особых дарований даёт западной цивилизации большое преимущество в военной сфере, правда, оно уже может быть снивелировано догоняющим сценарием развития других цивилизаций. Лучший пример — достижение СССР ядерного паритета с США.

Так что же представляет собой закон экономии общественных творческих сил, в чём он заключается?

Этот закон выводится из контекста учения Данилевского, хотя он один-два раза говорит об экономии сил как общем законе природы и общества. Напомним, что субъектами истории являются культурные типы-организмы, внутри которых зашиты свои самобытные этнокультурные коды развития; эти коды определяют движение к своим самобытным целям в той или иной сфере народной жизни. Достижение таких результатов и есть прогресс, именно на него тратится основная народная энергия. Греки достигли прогресса в искусстве, Рим — в праве, Романо-германская цивилизация — в культуре, науке, технико-промышленной сфере и в политической, Еврейская цивилизация — в религиозной сфере, дав миру христианство. Прогресс — это не движение всех в одну сторону, что нам навязывает западная цивилизация в виде глобализма и универсализма, основанного на пересадке всем народам своей культуры, своих народных начал. Прогресс — это развитие своих сторон народной жизни, к которым есть особенные способности, и в гармоничном устроении всех сфер народной жизни даже на основе заимствования достижений прогресса других цивилизаций, но не в сфере народности. Для достижения самобытного прогресса народы накапливают энергию, которую тратят безвозвратно на ступени цивилизации, как раз для принесения плодов своей цивилизации, то есть прогресса в той или иной сфере народной жизни. Закон экономии энергии общественных творческих сил естественным образом вытекает из основных категорий учения Данилевского: если энергия накапливается, а потом тратится безвозвратно, то, значит, надо осуществлять государственное управление максимально бережно, экономя народную энергию, избегая ошибок в управлении, которые обрекают народ

на проявление массового героизма при их исправлении. Массовый героизм, с одной стороны, есть доказательство национального здоровья, с другой стороны — это сильнейшее расходование народной энергии. Напомним: если это происходит на цивилизационной ступени, то эта энергия уже не восстанавливается, как у взрослого организма, потому что он больше не растёт.

- Тогда встает вопрос о том, на какой ступени развития находится Россия? Раз это так важно с точки зрения цивилизационной историософии. Ответ на этот вопрос даёт понимание, сколько нам история отпускает времени, если мы находимся на цивилизационной ступени развития?
- Можно считать, что с началом второй половины XIX века мы находимся на цивилизационной ступени развития. То есть из 400-600 лет цивилизационного периода мы прошли всего 150 лет. Но здесь есть один нюанс. Периоды истории отделены друг от друга не как море и суша, а как степь и лес, между которыми есть лесостепные зоны, как и лес от тундры, между которыми есть лесотундра. Я сейчас работаю над книгой с рабочим названием «Русская цивилизационная доктрина: Россия — не Европа; Россия — страна-цивилизация». Там эти проблемы будут рассмотрены. По всей видимости, такими переходными периодами являются: между этнографическим и государственным — этногосударственный период; а между государственным и циви-

Субъектами истории являются культурные типы-организмы, внутри которых зашиты свои самобытные этнокультурные коды развития; эти коды определяют движение к своим самобытным целям в той или иной сфере народной жизни. Достижение таких результатов и есть прогресс, именно на него тратится основная народная энергия. Прогресс — это не движение всех в одну сторону, что нам навязывает западная цивилизация в виде глобализма и универсализма, основанного на пересадке всем народам своей культуры. Прогресс — это развитие своих сторон народной жизни, к которым есть особенные способности.

лизационным — государственно-цивилизационный. Такой подход цивилизационной историософии позволяет ввести естественную периодизацию истории Руси-России, из которой можно увидеть причины драматизма нашей истории. Анализ истории убедительно свидетельствует, что перед Россией с начала второй половины XIX века встала генеральная задача нового этапа истории: реформирование общественно-экономического строя. Отсюда отмена крепостного права в 1861 году, которая открывала возможность для индустриализации страны — материальной основы политической независимости. Отсюда же вытекала задача просвещения нации, без чего не провести индустриализацию; возвращения религиозной жизни русского народа в её нормальное состояние через восстановление института патриаршества и другие. Но важнейшей частной задачей, которая стояла перед Россией, было преодоление раздвоения русского народа на русских европейцев и русское простонародье и выхода из политической системы Запада.

Когда эти задачи были решены? Только в советский период. К началу второй половины XX века, то есть к рубежу 1950–1960-х годов. Именно в этот период Россия-СССР стала способна противостоять объединённому Западу в холодной войне, которую Запад постоянно хотел перевести в горячую. Но создание советского ядерного оружия и средств доставки в этот период сделали невозможной эту войну.

Получается, что с позиции естественной периодизации нашей истории, сделанной на основе законов цивилизационной историософии, период истории России с начала второй половины XIX века до начала второй половины XX века — это один период: государственно-цивилизационный. Такое деление нашей истории «примиряет» монархистов и коммунистов, только здравомыслящих, конечно, а не фанатиков. Промысел попустил революции 1917 года с целью спасения Отечества. В самом деле: индустриализация проведена, введено обязательное среднее образование, высшее образование выведено на блестящий уровень, прежде всего, в технических специальностях, религиозная элита страны в 1917 году сумела собрать Поместный собор и восстановить институт патриаршества, аграрная реформа проведена жёстким образом, но всё-таки в сторону учёта коллективистских начал русского народа. И раздвоение русского народа было преодолено: все стали советскими, сословия ликвидированы. Это не был возврат к самобытным русским формам, но другой формы, кроме советско-социалистической, большевики и не могли предложить. Это могли сделать Романовы, но не стали, не увидели такой задачи, остались европейцами. Надо помнить, что у власти большевики оказались случайно (или Промыслительно), так как по марксистскому учению революция должна была произойти в передовой промышленной стране Запада, а не в аграрной России. Вот здесь мы подошли к моменту истины в сравнении двух общественных теорий: марксистская не сработала в своих прогнозах, а цивилизационная сработала. Оправдался именно прогноз Данилевского о крахе России в случае, если она не избавится от европейничанья и не выйдет из политической системы Запада, если не вернётся на самобытный путь развития. С точки зрения цивилизационной историософии революционные изменения в России были неизбежны. Только они стали не следствием классовой борьбы, а скорее «народно-освободительным восстанием» против европейской колонизации России высшими сословиями — русскими европейцами. Это хорошо видно по истории Гражданской войны, в которой большевиков поддержало крестьянство.

 Из ваших слов следует, что государственно-цивилизационный период закончился на рубеже 1950–1960-х годов, а цивилизационный, получается, наступил после него? Можно ли полагать, что тот ограниченный отрезок времени в 400–600 лет, отпущенный на период цивилизации, начинается с этих годов?

— Очень хочется, конечно, убавить себе годков и увеличить срок зрелой жизни. Но лучше исходить из более пессимистической, или скорее реалистической, оценки, чтобы не расслабляться, так как это нам всегда вредит: видимо, стоит исторический срок цивилизации засчитывать с начала государственно-цивилизационного периода, который можно рассматривать как первый этап цивилизационного.

Мы живем в цивилизационном периоде. С начала 1960-х годов перед Россией-СССР встала задача приведения идеологизированных форм, связанных с коммунистической марксистской идеологией, в соответствие с чаяниями и требованиями русского народанации. Все условия для этого были созданы в результате Великой Отечественной войны, в начале которой Сталин обратился к нации с русско-православным призывом «братья и сёстры», незадолго до войны и во время войны стали сниматься исторические фильмы, введены награды с именами русских полководцев, разрешены выборы Патриарха в 1943 году, что говорит о глубоком осознании роли русского народа, которое завершилось знаменитым тостом Сталина в июле 1945 года «За русский народ!», в котором Сталин признал «руководящую» роль русского народа, по сути, государствообразующую роль. Сталинская экономика была отчасти многоукладной, существовала промкооперация. После войны началось возрождение русской культуры. Стояла задача

Оправдался прогноз Данилевского о крахе России в случае, если она не избавится от европейничанья и не выйдет из политической системы Запада, если не вернётся на самобытный путь развития. С точки зрения цивилизационной историософии революционные изменения в России были неизбежны. Только они стали не следствием классовой борьбы, а скорее «народно-освободительным восстанием» против европейской колонизации России высшими сословиями — русскими европейцами.

реформирования общественно-экономической сферы, даже не трогая отношений собственности, сохраняя ведущую роль госсобственности везде, где она установилась. Но надо было начать приводить уровень планирования в соответствие с реальными возможностями этого самого планирования: планировать точно, не совершая ошибок, и планировать только то, что относится к вопросам оборонной безопасности, экономического и технологического суверенитета, продовольственной безопасности и т.д. В религиозной сфере надо было прекратить давление на церковь. В политической стояла задача восстановить местное самоуправление всего лишь постепенным введением выборов на соревновательном принципе, а не из одного кандидата и т.д. Ничего этого не было сделано в период с 1960-х годов, как не было сделано во второй половине XVIII века, когда государство освободило дворян от службы, показав тем самым, что уже не нуждается в сохранении поместной системы, что не было причин не освободить и крестьян, кроме страха за свою жизнь (что не уберегло Петра III от заговора). Историческое сходство очень поразительное в свете естественной системы периодизации и с другим периодом: запоздалые реформы 1860–1870-х годов, которые не учитывали чаяния и требования народных начал русского народа, проведённые несистемно, хаотично, очень похожи на перестройку, начатую в 1985 году, которой Горбачёв пытался решить разом все отложенные за-

У нас есть все условия, чтобы отстоять свою политическую независимость сегодня, но надо найти свою самобытную форму исторического движения именно в общественно-экономической сфере, к которой, как доказал Данилевский, у русской нации есть особенное дарование. В реализации этого дарования и состоит историческая миссия России — страныцивилизации. Если мы нащупаем образ Будущего своего самобытного устроения общественно-экономической сферы и найдём верные первые шаги к нему, то это и будет стрежнем национальной идеологии, обретя которую, мы легко решим все внешнеполитические задачи.

дачи, которые стояли в 1960-х годах. Сегодня не помнят, но в начале декларировалось как раз снижение госзаказа до 90%, потом ещё ниже, с разрешением госпредприятиям на этой части свободных производственных площадей работать для свободного рынка, который стал бы и формироваться. Но потом об этом быстро забыли, и политические реформы поставили впереди экономических, и всё рухнуло. Россия-СССР развалилась в 1991 году, а в конце 1990-х годов уже сама Россия стояла на грани развала. События 1991-1993 годов — результат нерешения задач начала цивилизационного периода, точно так, как события 1917-1920 годов — результат нерешения задач начала государственно-цивилизационного периода. Разве в 1990-е годы мы не стали кавалерийским наскоком решать проблемы в общественноэкономической сфере, накопившиеся ранее? И попали в оголтелый капитализм. Разве сегодня мы не начали исправлять ситуацию, создав государственный сектор экономики, то есть отчасти возвратившись к советскому периоду, но оставив достижения в малом и среднем бизнесе? Поэтому есть все основания считать, что мы живём в цивилизационном периоде и от нас зависит, чем он закончится и сколько веков будет длиться. У нас есть все условия, чтобы отстоять свою политическую независимость сегодня, но надо найти свою самобытную форму исторического движения именно в общественно-экономической сфере, к которой, как доказал Данилевский, у русской нации есть особенное дарование. В реализации этого дарования и состоит историческая миссия России — страны-цивилизации. Если мы нащупаем образ Будущего своего самобытного устроения общественно-экономической сферы и найдем верные первые шаги к нему, то это и будет стрежнем национальной идеологии, обретя которую, мы легко решим все внешнеполитические задачи.

Данилевский спрогнозировал, что России уготована миссия достичь прогресса именно в общественно-экономической сфере?

— Он показал, что ни одна цивилизация до Русско-славянской не достигла прогресса в общественно-экономической сфере. Данилевский ввёл критерий прогресса в той или иной сфере народной жизни: достигнутые результаты должны соответствовать высокой духовной природе человека. Именно этому критерию отвечало христианство, родившееся в еврейской цивилизации; искусство, особенно

пластическое, у греков; политическая сфера у римлян; научно-техническая сфера у Романо-германской цивилизации. Но ни одна цивилизация не достигла прогресса в общественно-экономической сфере. Рабовладельческий строй, феодальный, капиталистический не соответствуют критерию прогресса. А вот идея социального и справедливого государства, идея общества равных возможностей, особенно стартовых, общества и государства равных прав и обязанностей, идея многоукладной экономики — эти идеи имеют перспективы на соответствие данному критерию. Но ведь именно в этом направлении развивался общественно-экономический строй царской России в виде массового кооперативного движения, артельного способа производства, сохранения крестьянской общины, то есть чисто социалистического способа производства. И весь советский период есть героическая попытка достичь прогресса в общественноэкономической сфере, но делалось это на основе марксистской теории, которая появилась в России в то же время, в какое вышла в свет книга «Россия и Европа». Маркс и Данилевский относятся к одному поколению. Но русские европейцы, прежде всего, из «ордена русской интеллигенции», приняли марксистское учение, а не цивилизационное. И все три царя с 1869 года не приняли цивилизационную историософию. И не обладали вообще никакой

теорией, управляли государством вслепую. Поэтому и проиграли большевикам, которые обладали общественным учением, поэтому и победили, несмотря на то, что это учение, как оказалось, было искусственной научной системой. Но, как показал Данилевский, лучше иметь искусственную систему, чем не иметь никакой. Однако её ресурса хватило как раз только до начала 1960-х годов, когда надо было начать исправлять саму теорию, начать поиск другой теории. Но она есть уже более чем 150 лет. Надо, наконец, её увидеть, принять, взять за основу обретения национальной идеологии и явить миру прогресс в самобытной форме в общественно-экономической сфере впервые в истории человечества. Но у России есть все основания устроить все другие сферы народной жизни (религиозную, культурную, научно-техническую, политическую) в формах, достойных высокой духовной природы человека, и стать первым в истории четырёхосным культурно-историческим типом.

— Спасибо, Александр Васильевич. Понятно, что даже в весьма долгой беседе все вопросы цивилизационной историософии мы не могли охватить, а тем более подробно рассмотреть. Поэтому пожелаю вам закончить поскорей свою книгу, мы будем её ждать, постараемся представить в нашем журнале после выхода в свет.

/ Вардан БАГДАСАРЯН/

Реактуализация Данилевского: 2022 год в повестке «России и Европы»

22

ДАНИЛЕВСКИЙ И СТАЛИН

Существуют свидетельства, что книга Николая Данилевского «Россия и Европа» составляла предмет чтения И.В. Сталина. Мог ли создатель советской империи — а сегодня самый рейтинговый персонаж в российской истории — испытывать на себе влияние основоположника цивилизационного подхода? Такое влияние как минимум нельзя исключать. Сталин никогда публично не разрывал с марксизмом, хотя и критиковал отдельные работы Ф. Энгельса за очернение с позиций антироссийской пропаганды Европы внешней политики царизма. Всегда с большим пиететом он относился к ленинскому наследию. Но как отдельные высказывания Сталина, так и его конкретные политические шаги и стратагемы позволяют считать, что он искал пути соединения марксизма с славянофильскими воззрениями (прежде всего, в версии культурноисторических типов Данилевского).

Ещё в преддверии мировой войны происходит системное переосмысление конфликтов, в которые вовлекалась страна в истории, интерпретируемых ранее с классовых позиций, в пользу подхода цивилизационного. Именно в этом ракурсе — совершенно в логике Данилевского — был снят в 1938 году гениальный фильм «Александр Невский». Пропаганда периода Великой Отечественной войны раскрывала её как борьбу с Германией, возглавившей европейский поход против России. Осуждение низкопоклонства перед Западом в послевоенные годы также соотносилось с пафосом осуждения Данилевским преклонения российского образованного класса перед Европой.

Ещё более корреспондируют идеям автора «России и Европы» апелляции Сталина к единству славянского мира. Лидер советского государства полагал, что такое единство является единственной гарантией от угроз нового пангерманизма. В прямом

противоречии с логикой классового подхода Сталин говорил о запросе на «большевиков-славянофилов». Открывались кафедры славяноведения, создавались печатные издания, посвящённые славянской тематике. Все эти начинания будут свёрнуты уже в хрущёвские годы. Поворот в языкознании к изучению славянского лингвистического фундамента культуры и критика марризма¹ тоже соотносились с позицией Данилевского о языковой первооснове культурного единства.

Сталинская геополитика строилась также как будто по лекалам панславистского проекта Н.Я. Данилевского. Границы советского блока в Восточной Европе были близки границам описанной в его книге Славянской федерации. До разрыва с Иосипом Броз Тито в него входили все славянские республики. Входила в него и включаемая также Данилевским в Федерацию неславянская, но зато православная, Румыния. Не вошла в сталинский советский блок, в отличие от проекта, предложенного в «России и Европе», только православная Греция, но и за нее, как известно, шла ожесточённая борьба, вылившаяся в Гражданскую войну. Не удалось, как следовало из плана Данилевского, восстановить цивилизационный контроль над Константинополем, хотя Сталин пытался это сделать и предъявлял соответствующий ультиматум Турции. Как и предлагал автор «России и Европы», было проведено воссоединение с русской цивилизационной общностью Галицийского края.

Объединение проводилось при сохранении формальной самостоятельности каждой из объединяемых в советский блок республик. Так — по федералистскому принципу — предлагал выстраивать объединение и Данилевский. В замыслах Сталина было создание трёх славянских государств, объединявших, соответственно, восточных, западных и южных славян. Восточные славяне объединялись в составе СССР. Особый статус входящих в него Украинской и Белорусской ССР отражался представленностью их наряду с Советским Союзом в Организации Объединённых Наций. Западнославянское государство планировалось создать посредством объединения Польши и Чехословакии, южнославянского — Югославии и Болгарии.

Пытался опереться Сталин в выстраивании политики цивилизационной интеграции и на фактор православия. Всеправославное совещание 1948 года являлось практическим шагом в этом направлении. Так в соединении славянского единения с единением православным видел перспективу интеграционного проекта и Данилевский.

Использовал ли реально Сталин в своей политике рецептуру «России и Европы» — доподлинно неизвестно. Но если прямого использования и не было, а Сталин пришёл к по-

Использовал ли реально Сталин в своей политике рецептуру «России и Европы» — доподлинно не известно. Но если прямого использования и не было, а Сталин пришёл к пониманию целесообразности соответствующего курса без обращения к Данилевскому, это только говорит о гениальности автора «России и Европы». Получается, что Данилевский в своём труде предвосхитил сталинскую стратегию за семьдесят лет до её практического воплощения.

¹ Марризм – псевдонаучное учение о языке академика Н.Я. Марра.

<u> БОРЬБА ЦИВИЛИЗАЦИЙ</u>

ниманию целесообразности соответствующего курса без обращения к Данилевскому, это только говорит о гениальности автора «России и Европы». Получается, что Данилевский в своём труде предвосхитил сталинскую стратегию за семьдесят лет до её практического воплощения.

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ДАНИЛЕВСКОГО

Сегодня в контексте вступления в острую фазу цивилизационного конфликта Россия — Запад Данилевский оказывается востребованным более чем любой другой российский мыслитель. Ни школьные, ни вузовские современные учебники не объясняют причин этого конфликта. Такое объяснение с позиций мировой истории и отчасти — естественных наук представляет «Россия и Европа» Данилевского. Начинать в ситуации системного конфликта надо с двух опций — определения сути самого себя и определения сути противника. Собственно, это и является постановкой вопроса, вынесенного в самом названии труда Данилевского — «Россия и Европа». Данилевский писал свою книгу, когда Соединённые Штаты не играли ещё роли полюса западного мира и ввиду изменившейся с момента выхода их роли в мировой политике раскрытие дихотомии могло бы быть несколько скорректировано: вместо Россия и Европа — Россия и Запад. Попытаемся определить направления потенциальной реактуализации творчества историка.

РОССИЯ — НЕ ЕВРОПА

России принадлежит в развитии обществоведения первенство в разработке методологии цивилизационного подхода. Этот пионерский вклад связан с создателем труда «Россия и Европа» Николаем Данилевским. Между тем в западном обществоведении Данилевский совершенно неизвестен, и авторами теории множества цивилизаций позиционируются Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби. От бинарной модели Русь — Нерусь Данилевский переходил к модели множественности историко-культурных сообществ, каждое из которых функционирует на основе собственных принципов жизнеообеспечения.

На вопрос, является ли Россия частью Европы, Данилевский давал категорически отрицательный ответ. Россия не имела в фундаменте своей истории ни одной из определяющих европейский культурно-исторический тип компонент. И главное, Европа никогда не признавала и, полагал Данилевский, никогда не признает русских европейцами. Она исторически всегда была враждебна России, имея в своём арсенале ряд устойчиво воспроизводимых русофобских мифологем.

«Принадлежит ли... Россия к Европе? — ставил вопрос Данилевский и давал на него однозначный ответ. — К сожалению, или к удовольствию,

Данилевский писал об онтологической ненависти Европы в отношении России — явлении, которое в настоящее время определяется понятием русофобия. Существовала до недавнего времени распространённая позиция, сообразно с которой причина соответствующих фобий является реакцией на «коммунистическую угрозу» и рецидивы «советской тоталитарности». Между тем Данилевский показывал, что фобии в отношении к России сформировались ещё задолго до прихода большевиков к власти. к счастью или к несчастью, — нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновлённой Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось всё многоветвистое европейское дерево, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во время своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение общеевропейское в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечениям той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнёта, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой».

Польша, Венгрия и Турция являлись, по оценке Данилевского, основными плацдармами западной антироссийской экспансии. Запад не любил воевать сам, и ему было

нужно «пушечное мясо». Что изменилось в этом отношении со времён Данилевского? Может быть, только то, что в роли «пушечного мяса» поляков и турок заменили украинцы.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАПАДА

Данилевский открывает свой труд рассуждением на тему, которая бы сегодня была определена понятием «двойные стандарты». «Откуда меряние разными мерами?» — спрашивал Данилевский. И ответ его состоял в том, что разные меры применяются Европой к России ввиду ненависти к ней как к цивилизации-антиподу.

Запад прибегал к двойным стандартам и в девятнадцатом столетии, так же как он прибегает к ним в настоящее время. Позиция Запада по вопросу о Косово и по вопросу о Крыме, несмотря на то, что базовая коллизия имела определённые аналогии, оказалась прямо противоположной.

Данилевский в своей книге приводил различия в реакциях Европы по вопросам о немецком отторжении у Дании Шлезвиг-Гольштейна и российским действиям против Турции.

Очевидная агрессия против Дании никого не интересовала, и на неё европейцы реагировали вяло, тогда как военные шаги России против Османской империи вызвали взрыв негодования во всём европейском мире. Данилевский обнаруживает причину такой двойственности: справедливого решения со стороны Запада не будет никогда, если вопрос касается России. Современному прозрению на этот счёт предшествовали колоссальные уступки в пользу так называемого международного права, которых могло не быть, если бы предостережения «России и Европы» были услышаны своевременно.

ФЕНОМЕН ЗАПАДНОЙ РУСОФОБИИ: РОССИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРИМАН

Данилевский писал об онтологической ненависти Европы в отношении России — явлении, которое в настоящее время определяется понятием русофобия. Существовала до недавнего времени распространённая позиция, сообразно с которой причина соответствующих фобий является

реакцией на «коммунистическую угрозу» и рецидивы «советской тоталитарности». Между тем Данилевский показывал, что фобии в отношении к России сформировались ещё задолго до прихода большевиков к власти. «Дело в том, — пояснял он причину невозможности вхождения России в общность европейских государств, — что Европа не признаёт нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д.,- материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, всё же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твёрдое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, - которое,

следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, - которое имеет и силу и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно – чтобы не сказать невозможно - перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру ещё более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли ещё думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели не все ли средства хороши?

Не это ли проповедуют и иезуиты, и мадзинисты, – и старая, и новая Европа?.. Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации... Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. Всё самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации».

Своевременное изучение Данилевского могло бы предупре-

дить от иллюзий западной дружбы. Но в период сближения с Западом читали преимущественно других авторов. Когда в 2014 году началось новое обострение отношений с Западом, получила распространение другая иллюзия — всё дело в актуальной политической элите. Лишь сменится администрация в Белом доме, звучали успокоительные слова на самом высоком уровне, и утраченная «дружба» с западным миром вернётся. Увы, русофобия охватывает на Западе не только политическую элиту.

Данилевский показывал в своём труде, что общественность Европы была даже более антироссийски настроена, чем европейские правительства, подталкивая последние к конфликту. Автор «России и Европы» ссылался на таких представителей европейской общественности, как немецкий либеральный правовед и историк Карл фон Роттек, полагавший, что всё идущее во благо России, любые её достижения наносят ущерб мировому прогрессу. Высказывания европейского профессора вполне определённы не просто в своей русофобии, но и в своём латентном расизме: «Направление российской политики осталось враждебным свободе... Россия — заклятый враг свободного развития. Как прежде мы боялись западного деспотизма, так теперь восточного... Россия внушала страх как своими гигантскими размерами, так и азиатским, автократическим правлением, поэтому любое увеличение её интеллектуальных, военных, экономических сил — это несчастье для всего цивилизованного мира». Как видим по этим высказываниям, в отношении западной «передовой мысли» к России мало что изменилось.

Сегодня Россию представляют на Западе как политический Мордор — полюс зла. Данилевский использует метафору из зороастрийской мифологии — преподнесение России как «политического Аримана». Меняются со временем метафоры, но суть отношения к России как к полюсу зла остаётся константной.

«РУССКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ»: ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАК ПОДРЫВ СУВЕРЕНИТЕТА

Западная русофобия не имела бы никаких шансов на успех при цивилизационно-идентичном российском политическом классе и общественности. Однако европейцам внешним подыгрывали европейцы внутренние. Данилевский писал о сформировавшихся в России стереотипах смотреть на политику и ключевые вопросы общественного развития с европейской точки зрения (через европейские очки). Во внутренней политике это приводило к разрыву с народной психологией и идеалами, отступлению от православия. Во внешней - подыгрыванию европейским державам, следованию их интересам.

Глава австрийской дипломатии Клеменс фон Меттерних определялся им в качестве основного бенефициара выстроенной после победы над Наполеоном системы. «Вместо того, — оценивал Данилевский политику России в рамках системы Европейского концерта (Венской системы международных отношений), — чтобы быть знаменосцем креста и свободы действительно угнетённых народов, мы сделались рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священных преданий версальской бонтонности, — как оно и прилично ученикам французских эмигрантов. Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы себе одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа, никак не хотевшая верить нашей искренности и видевшая глубоко затаённые властолюбивые планы там, где была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму».

Принятие разрабатываемой Данилевским концепции культурно-исторических типов выводило на практические следствия — необходимость для России возвращения к самой себе. Для периода Российской империи такое возвращение подразумевало пересмотр европеизации Петра I (на что и указывал Данилевский), для Советского Союза — отказ от левого универсализма Троцкого, для современной России — отказ от установок вхождения в западноцентричный мир Горбачёва и Ельцина.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ПЕРСПЕКТИВА МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Переход от однополярной к многополярной модели мироустройства предполагает нахождение соответствующего теоретического обоснования. Критерием для выбора соответствующих концепций должно стать положение о вариативности социального развития человечества. Лучшим образом этому требованию соответствует теория цивилизаций. Данилевский при формировании методологии цивилизационного подхода был первым, предшествуя и Шпенглеру, и Тойнби, и тем более — Хантингтону. Наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал он в «России и Европе» и понятие «цивилизация», в том самом значении как его в дальнейшем будет применять А.Дж. Тойнби. Предпочтительность Данилевского состоит в том, что теория цивилизаций давалась им через призму российского взгляда.

Из столпов отечественной мысли только автор «России и Европы» и ещё Л.Н. Гумилёв обосновывали цивилизационную вариативность развития человечества, имевшую потенциалы соотнесения с многополярным мироустройством. Дру-

гие славянофилы говорили скорее о бинарности мира — «мы — они», чем о его вариативности. В этом смысле методология Данилевского отличалась существенно от славянофильской, и причисление его к славянофилам является достаточно условным.

С другой стороны, не каждое из существующих в настоящее время более чем двухсот государств мира может реально претендовать стать цивилизационным полюсом многополярного мироустройства. Количество цивилизаций в мире, как указывал Данилевский, ограничено — всего 13 (египетская; китайская; ассировавилоно-финикийско-халдейская; индийская; иранская; еврейская; греческая; римская; новосемитская (аравийская); германо-романская (европейская); мексиканская; перуанская; славянская). Если же вычесть погибшие цивилизации, то полюсов многополярного мироустройства окажется в версии Данилевского всего семь.

В эпоху доминации Запада, когда восточные страны находились в колониальном или полуколониальном положении, Данилевский отстаивал взгляд о том, что цивилизации не могут быть разделены на высокие и низкие. Он писал, в частности, об уникальных достижениях китайской цивилизации, не позволявших характеризовать её как сообщество восточной отсталости. «Возьмём, приводит пример Данилевский в доказательство теории культурно-исторических типов, — самый тип застоя и коснения — Китай, выставляемый как наисильнейший контраст прогрес-

В эпоху доминации Запада, когда восточные страны находились в колониальном или полуколониальном положении, Данилевский отстаивал взгляд о том, что цивилизации не могут быть разделены на высокие и низкие. Когда на Западе пропагандировался открыто расизм, в России Данилевский доказывал равноценность мировых цивилизаций. Его полемику можно определить в качестве русской альтернативы западной идеологии неравенства.

<u> БОРЬБА ЦИВИЛИЗАЦИЙ</u>

сивной Европе. В этой стране живёт около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недосягаемой для европейских мануфактур степени совершенства, как, например, краски, окрашивание тканей, фарфор, многие шёлковые материи, лаковые изделия и т.д. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре... Науки и знания нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае. Неужели же эта высокая степень гражданского, промышленного и в некотором отношении даже научного развития, которое во многом оставляет далеко за собою цивилизацию древних греков и римлян, в ином даже и теперь может служить образцом для европейцев, вышла во всеоружии из головы первого китайца, как Минерва из головы Юпитера, а все остальные четыре или пять тысяч лет своего существования этот народ пережёвывал старое и не подвигался вперёд? Не были ли эти успехи, добытые на крайнем востоке Азиатского материка, таким же результатом постепенно накоплявше-

гося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений, как и на крайнем его западе — на Европейском полуострове? И что же это такое, как не прогресс?»

Сегодня слова об отставании Китая прозвучат как абсурд. Но во времена Данилевского всё было иначе. Незадолго до выхода «России и Европы» закончилась опиумная война, ставшая точкой максимального падения Китая. В Европе выходили труды, обосновавшие превосходство белого человека, его «цивилизаторской миссии» и права на колониализм.

Почти одновременно с «Россией и Европой» увидела свет книга Чарлза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», в которой тот утверждал идеи расового неравенства. Данилевский, как известно, являлся жёстким оппонентом Дарвина, вероятно, главным для своего времени его критиком с позиции науки. Когда на Западе пропагандировался открыто расизм, в России Данилевский доказывал равноценность мировых цивилизаций. Его полемику можно определить в качестве русской альтернативы западной идеологии неравенства.

Каждое сообщество должно стремиться к выдвижению историософии, в рамках которой её история приобретала бы осевое значение в мире. Для России нужен, соответственно, россиецентричный взгляд на миро-

вое развитие. Периферизация мысли приводит к периферийности геополитической. И в этом отношении творческое наследие Данилевского может быть использовано из арсенала русской общественно-политической мысли наилучшим образом. Ему, пожалуй, одному удалось соединить положение о цивилизационной вариативности с положением об особой всечеловеческой миссии России. Всечеловеческое Данилевский разделял с общечеловеческим. Общих для всего человечества идей не существует, но русская культура в своём цивилизационном появлении может иметь всечеловеческое проявление. Примерно в этом же смысле говорил о всечеловечности русской культуры через десять лет после выхода книги Данилевского в своей знаменитой Пушкинской речи Ф.М. Достоевский, испытывавший, судя по материалам «Дневника писателя», влияние автора «России и Европы».

Представляет интерес в исторической концепции Данилевского и введение им субъектов истории — «бичей Божьих». Бичи Божьи не создают самостоятельного культурно-исторического типа. Их миссия заключается в уничтожении одряхлевших и разлагающихся культур. Применение этой категории к современным миграционным волнам, обрушившимся на постмодернистскую Европу, обладает определённым когнитивным потенциалом.

Каждое сообщество должно стремиться к выдвижению историософии, в рамках которой её история приобретала бы осевое значение в мире. Для России нужен, соответственно, россиецентричный взгляд на мировое развитие. Периферизация мысли приводит к периферийности геополитической. И в этом отношении творческое наследие Данилевского может быть использовано из арсенала русской общественно-политической мысли наилучшим образом. Ему, пожалуй, одному удалось соединить положение о цивилизационной вариативности с положением об особой всечеловеческой миссии России.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАПАДНОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА

Столкновение России с Западом актуализирует задачу раскрытия образа врага. Необходимо определить западную цивилизационную парадигму, определяющую его экспансионистские установки и вражду в отношении к России. Что-то, вероятно, исходно содержалось в основании цивилизации Запада, либо по ходу его истории произошёл некий системный сбой, следствием чего оказалась цивилизационная патология. Данилевский видел эту основу

в эгоцентризме западного человека. От эгоцентризма оказывался производен насильственный подход в отношении ко всему противоречащему интересам эгоистического субъекта и ко всему инаковому. Данилевский ссылался на жесточайшие западные гонения на еретиков, искоренение всякого инакомыслия. Все иные цивилизации также должны были быть подавлены или искоренены уже в силу своей инаковости. Россия, в противоположность Западу, всегда была комплиментарно настроена к разнообразию.

Сегодня Запад, казалось бы, перешёл на прямо противоположные позиции. Гипертрофированная толерантность устанавливает преклонение перед меньшинствами, переходящими в самоуничижение и установление преференций для представителей меньшинства. Назвать это здоровой реакцией невозможно. Но противоречий с оценкой Данилевского в таких действиях не существует. Как раз, наоборот, толерантность обнаруживается как оборотная сторона насильственности, проявление психологических комплексов западного человека.

НОВАЯ ПОВЕСТКА СЛАВЯНСКОГО ВОПРОСА

Специальная военная операция на Украине обозначила предельно остро вопрос о восстановлении единства славянского и православного мира. Раскол оказался столь глубоким, что восстанавливать цивилизационное единство оказалось возможным только военным путём. Но от этого восстановления зависит судьба всей славянской (как её определял Данилевский) цивилизации. Вопрос славянский, как и предсказывал Данилевский, оказался важнейшим. Автор «России и Европы» не мог, конечно, допустить, что распадный процесс в славянском мире зайдёт столь далеко. Но современный кризис показывает, насколько он был прав в своих оценках славянского фактора для России.

Наиболее критичным для славянской цивилизации Данилевский считал антироссийскую позицию Польши. На момент выхода «России и Европы» польские земли входили преимущественно в состав Российской империи, но русофобские идеи имели среди поляков широкое распространение.

К моменту первого издания книги Данилевского прошло всего шесть лет после Польского восстания. «Из всех славянских стран, — констатировал Данилевский, — одна Польша пользуется её [Европы] благорасположением, потому что составляет тип и образец того, как бы Европе хотелось фасонировать и прочих славян для полного порабощения их себе, — даже и в том случае, когда бы им и дана была чисто внешняя политическая самостоятельность, которую истинные славяне всегда ценили ниже внутренней духовной и бытовой самобытности». К настоящему времени минуло уже полтора столетия после Польского восстания, а Польша по-прежнему представляет собой основной плацдарм антироссийской пропаганды.

Впрочем, по оценке Данилевского, антироссийской была шляхта, а не сам польский народ. Элита перешла на позиции европейской идентичности, тогда как народ сохранял приверженность духу славянства.

И даже сейчас в отношении Польши не всё потеряно. Исторически в развитии польской государственности выдвигалось две стратегические

<u> БОРЬБА ЦИВИЛИЗАЦИЙ</u>

линии — стратегия Пястов и стратегия Ягеллонов. Стратегия Пястов состояла в сдерживании Польшей немецкой экспансии с запада, реализация миссии фронтира славянского мира. Стратегия Ягеллонов переносила главное направление приложения сил на восток, где Польша в качестве форпоста Европы сдерживала будто бы агрессивные устремления России. Сейчас, безусловно, польская элита — ягеллоновская, но пястовский вариант потенциально возможен, если его внедрением в национальное сознание заниматься целевым образом. Основание для этого существует — неприятие поляками европейской толерантности и гей-пропаганды, то есть, собственно, тех ценностей, с которыми и приходит сегодня Европа.

Только Россия в понимании Данилевского могла объективно встать во главе славянской цивилизации. По выведенному им второму закону, непременным условием для формирования культурно-исторического типа является политическая суверенность формирующих его народов. В этом отношении славянский культурно-исторический тип мог быть сформирован только на основе обладающей таким суверенитетом России. Естественным устремлением в развитии этого культурно-исторического типа должна была стать постановка задачи освобождения славян из-под власти турок, австрийцев, немцев.

Политическая карта Европы со времен Данилевского, особенно в её восточной части, сильно изменилась. Сегодня формально существует 14 признаваемых на уровне ООН славянских государств. Однако реальными суверенными потенциалами среди них обладает по-прежнему только Россия. Другие же должны решать — находятся ли они в грядущем цивилизационном конфликте вместе с Россией, или против неё.

В ЧЁМ БЫЛ НЕПРАВ ДАНИЛЕВСКИЙ?

Реактуализация наследия Данилевского не должна, впрочем, приводить к культу по подобию того, который сложился в СССР в отношении К. Маркса. Вряд ли был бы полезным подход — заменить «Капитал» «Россией и Европой». Были у Данилевского, как показало время, и неверные прогнозы, и методологически противоречивые положения. Так, к примеру, недооценены были им США как часть Западной цивилизации и враждебная России сила, и он писал о взаимных симпатиях американцев и русских.

Вызывает сомнение правильность лингвистической акцентировки Данилевским процесса цивилизационного строительства. Первый заявленный им закон общественного развития утверждал, что народы, имеющие языковое единство, составляют, соответственно, единый культурно-истори-

«Россия и Европа» имеет шанс стать главной книгой для российских политиков и обществоведов. На самом высоком уровне заявлено о позиционировании России в качестве государства-цивилизации. 2022 год стал во всех отношениях годом Данилевского. Он предсказывал неизбежность нового столкновения России и Европы. Можно говорить о предсказании им новой цивилизационной борьбы. Причём Данилевский не отчаивался от перспективы такой войны, полагая, что она станет основой русского внутреннего цивилизационного исцеления.

ческий тип. Сообразно с этой логикой, в основание культурно-исторического типа, к ядру которого принадлежала Россия, было положено славянское единство. Данилевский выступал в этом отношении как панславист. Однако сам же автор «России и Европы» вносил противоречия в предлагаемый панславистский проект, включая в него, в частности, православных греков и румын, не относящихся к славянам. Получалось, что православие оказывалось в определённых случаях более значимым фактором, чем язык. Попытка перевести дискурс по вопросу о базовых основаниях России с религиозной платформы на платформу естественнонаучную и этнографическую в результате не удалась. Примеров, когда при общей языковой платформе народы принадлежали к разным цивилизациям — предостаточно. Значит, все-таки дело не в языке, а в ценностях.

Не убеждало и положение четвертого закона Данилевского о том, что полнота, богатство и разнообразие развития достигается только при федеративной модели цивилизационного объединения. История показывает, что государства-цивилизации далеко не всегда являлись федерациями. Не были федерациями ни московское царство, ни Российская империя, создавшие российское геополитическое пространство. Опыт же распада СССР и Югославии — славянских в своей основе государственных объединений — показывает, что федеративное устройство вовсе не является панацеей.

Данилевский, в соответствии с веяниями времени, увлекался аналогиями между обществом и живыми организмами. В пятом законе он уподоблял культурно-исторические типы «многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу». Из такого понимания следовало, что прошедшее стадию плодоношения общество исторически обречено. Данилевский применял этот общий

вывод для доказательства приближающейся смерти цивилизации Запада. Но ведь если признавать плодоношением славянской цивилизации советский исторический прорыв двадцатого столетия, то, оказывается, в этой логике обречена и Россия.

А разве не доказывают сегодня Китай и Индия, что возраст цивилизации не является препятствием для цивилизационного прорыва? Цивилизации — это всё-таки не многолетние одноплодные растения. Аналогии с организмами, безусловно, могут быть полезны, но тождества между ними не существует. В основе цивилизационного бытия находятся

духовные ценности, которые не стареют. К смерти же цивилизаций приводит не физическое старение, а отказ от собственных ценностей.

2022 ГОД В ФОКУСЕ ТЕОРИИ ДАНИЛЕВСКОГО

Несмотря на все возможные и необходимые критические замечания, именно «Россия и Европа» имеет шанс стать главной книгой для российских политиков и обществоведов. На самом высоком уровне заявлено о позиционировании России в качестве государства-цивилизации. И книга Данилевского в этом плане как рос-

сийская версия цивилизационной теории подходит для этого наилучшим образом. 2022 год стал во всех отношениях годом Данилевского.

Данилевский предсказывал неизбежность нового столкновения России и Европы. Можно говорить о предсказании им новой цивилизационной борьбы, так как должны столкнуться в ней две цивилизации. Причём Данилевский не отчаивался от перспективы такой войны, полагая, что она станет основой русского внутреннего цивилизационного исцеления. «Борьба с Западом, — писал он, — единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями... Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европою (или, по крайней мере, с значительнейшею частью её) неизбежна... Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только её желанные результаты..., считаем мы спасительным и благодетельным, ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, заражённый тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем. Нас обвинят, может быть, в проповеди вражды, в восхвалении войны. Такое обвинение было бы несправедливо: мы не проповедуем войны — уже по одному тому, что такая проповедь была бы слишком смешна из наших слабых уст; мы утверждаем лишь, и не только утверждаем, но и доказываем, что борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако же не самое ещё большее, — что есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо «не о хлебе едином жив будет человек»». Можно сказать, что в 1869 году при создании «России и Европы» Данилевский в точности описывал ситуацию 2022 года, когда предсказываемая им острая фаза цивилизационной войны началась.

/ Константин ЧЕРЕМНЫХ /

Истина Истина иблеф

Почему историософия мешает оккультизму

РЕЦЕНЗИЯ В ВОСТОРЖЕННОМ ЖАНРЕ

Чуть более столетия назад, в декабре 1921 года, в новоучреждённом московском издательстве «Берег» вышел в свет сборник рецензий на книгу Освальда Шпенглера «Закат Европы»; на тот момент был опубликован только первый том её, но неравнодушные русские мыслители, владея языком оригинала, ознакомились с брошюрой Шпенглера «Прусскость и социализм», где излагалось содержание второго тома, который Шпенглер решил переписать по следам Первой мировой войны. Из четырёх рецензентов трое — Фёдор Степун, Семён Франк и Николай Бердяев — год спустя стали пассажирами «философского парохода»; четвёртый, Яков Букшпан, в список включён не был и работал профессором экономики до расстрела в 1939 году.

Обсуждая «пантеон истории» и «изумительное по цельности, ёмкости и конструктивности творение», все четыре автора восторгались как учёностью Шпенглера, так и его дерзостью отрицания бесспорных авторитетов; каждый высказал свои гипотезы о влияниях на немецкого историософа; так, Бердяев усмотрел источник влияния в антропологическом эссе «Основы девятнадцатого века» Хьюстона Чемберлена (зятя Рихарда Вагнера и учителя Альфреда фон Розенберга); Франк назвал имена феноменолога-пантеиста Макса Шелера (применявшего термин Abbau, дословно - «демонтаж», к отказу человека от опостылевшей ему церкви) и интуитивиста Анри Бергсона (о котором сам Шпенглер высказывался презрительно); Букшпан обнаружил у Шпенглера «философский рационализм чисто языческого происхождения от Аристотеля и Платона и при этом поразительно проникнутый иудаистической

стихией», узрев в «скептицизме и ахристианской настроенности» Шпенглера аналогию с Маймонидом, «восторженным апологетом человеческого разума».

Рецензенты также признали, что деградация архитектуры и живописи, в коей Шпенглер видел яркое отражение заката (Untergang) европейской культуры, имеет родство с общим трендом декаданса в европейской мысли, вплоть до «скатывания» философов-мистиков в рационалистический скепсис и, мало того, — в дарвинизм. Отмечая это, Ф.А. Степун оговаривался, впрочем, что книга Шпенглера не стала бы бестселлером, появись она до войны, а не после, и его фаталистическое резюме («Умирая, античный мир не знал, что он умирает, и потому наслаждался каждым предсмертным днём как подарком богов. Но наш дар — дар предвидения своей неизбежной судьбы. Мы будем умирать сознательно, сопровождая каждую стадию своего разложения острым взором опытного врача») воспринималось бы как экзерсис юного дилетанта, которого бы «высекли» академические профессора.

Нельзя сказать, что в московском сборнике вообще не упоминалось о русских историософах — предшественниках Шпенглера. В тексте Степуна однократно упоминается Николай Данилевский, в тексте Франка тоже однократно — Константин Леонтьев; Бердяев называет оба этих имени, Букшпан — ни одного. Эти два имени, впрочем, погружаются в расплывчато широкий контекст. «Русская философия вся, от Ивана Киреевского до Владимира Соловьева и Льва Толстого, посвящена вопросу обезбоженья европейской культуры», — писал Степун. «Не нова и основная метафизическая мысль Шпенглера. Его убеждение, что души культур свершают каждая свой одинокий круг, кружат каждая над своею собственною смертью, не связанные

друг с другом сквозным историческим процессом, не объединённые в единое человечество. Эту мысль ещё в начале XVIII столетия высказывал и прочно обосновывал Вико, её варьировал немецкий историк Рюккерт, передавший её Данилевскому¹, который в книге "Россия и Европа" теоретически очень близко подходит к Шпенглеру».

Бердяев подошёл к имени Данилевского с другой стороны: «У Гегеля была ещё христианская философия истории, в своём роде не менее христианская, чем философия истории Блаженного Августина. Она знает единый субъект истории и смысл истории. Она вся светится отсветом христианского солнца. У Шпенглера нет уже этих отсветов. Гегель принадлежит культуре, имеющей религиозную основу, Шпенглер чувствует себя уже перешедшим в цивилизацию, утерявшую религиозную основу. Следует ещё отметить, что точка зрения Шпенглера неожиданно напоминает точку зрения Н. Данилевского, развитую в его книге "Россия и Европа". Культурно-исторические типы Данилевского очень походят на души культур Шпенглера, с той разницей, что Данилевский лишён огромного интуитивного дара Шпенглера». Вслед за вердиктом об отсутствии у Данилевского интуитивного дара, как бы между прочим, следует оговорка: «Владимир Соловьёв критиковал Данилевского с христианской точки зрения». В другом месте своего эссе Бердяев утверждает, что Вл.С. Соловьёв накануне смерти (в 1900 году) «потерял веру в возможность в мире религиозной культуры и ощутил жуткое чувство наступления царства антихриста», как и К.Н. Леонтьев, который «хотел верить, что цветущая культура возможна ещё на Востоке, в России», но «под конец жизни» (в 1891-м) он потерял и эту веру, «увидев, что Россия (как и Запад) идёт к "упростительному смешению"».

³десь и далее курсив наш.

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

В то же время и Бердяев, и Букшпан находят у Шпенглера «славянофильское» видение России: автор «Заката Европы» приводил реформы Петра Великого как пример «трансморфоза», т.е. пересадки чужеродных элементов из одной культуры в другую. Букшпан этим даже возмущается: ведь тогда, по его словам, получается, что Шпенглер не относит к русской культуре и Пушкина. Это правда: в изданном позже втором томе Шпенглер называл имена Толстого и Достоевского, причём первого относил к периоду «цивилизации» (в его лексиконе «цивилизация» означала кризис культуры), а с Достоевским связывает будущее «русско-сибирской» культуры («души»). В книге 1933 года «Годы решений» Шпенглер только подчеркнёт свой вывод, заключая, что Россия «и есть Азия», а правление большевиков есть отрицание петровской России и возвращение к «татарскому абсолютизму» по аналогии с Золотой Ордой.

Московский сборник 1921 года не стоил бы обсуждения, если бы не его эхо сегодняшних дней. В предисловии к современному русскому изданию «Заката Европы» (М., 1993) его переводчик и комментатор, профессор Карен Свасьян, уверенно утверждал, что именно этот сборник стал «последней каплей» для Ленина, когда он принимал решение о «философском пароходе». Здесь же приводится список западных версий

об историософских предшественниках «дилетанта» Шпенглера: «Счёт шёл уже на десятки авторов, среди которых фигурировали Гердер, Гегель, Шеллинг, Буркхардт, Дильтей, Лампрехт, Фольграф, В. Г. Риль, Эрнст фон Ласо, Бергсон, Клагес, Теодор Лессинг, Х.Ст. Чемберлен, Макс Вебер, Зомбарт и уже во «втором ряду»: Гиббон, Монтескьё, «Спор древних и новых», и дальше: Жан Боден, Макиавелли; аппетит разыгрался до араба ибн-Хальдуна, набросавшего в XIV веке морфологию исламской культуры, и уже до самого Полибия. Бенедетто Кроче сумел выудить из всего Шпенглера только то, что он эпигон Вико; любители сюрпризов подставляли вместо Вико русских Данилевского и Константина Леонтьева, «шпенглерианство» которых бросалось в глаза; то, что немецкий перевод книги Данилевского вышел в 1920 году и, значит, уже после «Заката Европы», мало кого волновало, но то, что сам Данилевский был обязан своими «шпенглеризмами» немецкому историку Генриху Рюккерту, автору «Учебника мировой истории в органическом изложении» (1857), — это открывало уже беспрепятственный выход не только на ибн-Хальдуна, но и — почему бы нет? — на халдейских магов».

Весьма удивительна характеристика Данилевского и Леонтьева, предшественников Шпенглера, как «шпенглерианцев». Ещё более удивителен аргумент К.А. Свасьяна

Удивителен аргумент о том, что Шпенглер не мог знать о существовании книг «России и Европы» Данилевского» и «Византизм и славянство» Леонтьева до их перевода на немецкий язык — как будто историософия в России и Германии не была предметом как газетной и журнальной аналитики, так и дипломатической переписки; как будто между русскими и немецкими мыслителями не существовало никаких письменных сношений. Если не полный текст, то ход мысли Данилевского был доступен аудитории.

о том, что Шпенглер не мог знать о существовании книг «России и Европы» Данилевского и «Византизм и славянство» Леонтьева до их перевода на немецкий язык — как будто историософия в России и Германии не была предметом как газетной и журнальной аналитики, так и дипломатической переписки; как будто между русскими и немецкими мыслителями не существовало никаких письменных сношений; как будто Николай Страхов, защищая Данилевского от нападок критиков, не напоминал, что его книгу перечитывали в Сербии, Болгарии и Чехии. Если не полный текст, то ход мысли Данилевского был не менее доступен аудитории, чем ход мыслей Полибия, ибн-Хальдуна и Маймонида (первый перевод его «Наставления заблудшим» на немецкий датируется 1923 годом).

Что касается влияния Рюккерта на Данилевского, то современный исследователь и поклонник Шпенглера мог бы пояснить — если уж этого не сделали авторы московского сборника, — что эта версия была изначально поднята на щит Вл. С. Соловьёвым в его серии уничижительных статей о «России и Европе», последовавших спустя пять лет после смерти Данилевского, который не мог ему ответить что и возмущало тогда Николая Страхова. Дословно Вл. С. Соловьёв писал следующее: «Н.Я. Данилевский, общественный деятель весьма достойный и заслуженный, перейдя от фурьеризма к славянофильству, задался несчастною мыслью возвести смутное национальное самодовольство славянофильских поэтов и публицистов в определённую рассудочную и наукообразную теорию. Для этого он воспользовался идеей культурно-исторических типов, высказанной Гейнрихом Рюккертом в его Lehrbuch der Weltgeschichte. Рюккерт, как историк, знал, что построить на принципе племенных и национальных культур целую философию истории, т.е. объяснить им историческое развитие человечества или даже

только систематически провести этот принцип по всей истории — дело совершенно невозможное, за которое он и не взялся, ограничившись лишь общими указаниями на (преувеличенное им) значение частных культур. Данилевский, который не только не был историком, но имел в этой области лишь отрывочные и крайне скудные сведения, смело построил из односторонней мысли немецкого писателя целую систему всемирной истории, которую и изложил в книге «Россия и Европа».

Считать труд Данилевского «Россия и Европа» основополагающим историософским трудом или дилетантской «системою из обрывков»? Это зависит от того, с какой колокольни смотреть. Вл. С. Соловьёв совершенно не скрывал, с какой позиции он подвергает Данилевского уничтожающей критике: «Что касается полемики со мною, то г. Страхов хорошо знает, что мои воззрения основаны на идее вселенского христианства, идее по происхождению своему не западной, а скорее вос-

точной, по содержанию же и значению своему стоящей выше всяких местных противуположностей. Значит, и я вовсе не гожусь в представители Запада, с которым будто бы борется г-н Страхов».

«Вселенское христианство», выразителем которого тогда выступал Вл.С. Соловьёв, подразумевало такое сближение православия (инициатива с востока) с католицизмом, а также с иудаизмом, но под началом папы римского, которое должно было знаменовать наступление новой эры Св. Духа. Невнятное пояснение Бердяева в московском сборнике опускает эти как бы немаловажные подробности: Соловьёв-де критикует (точнее, тужится посмертно развенчать) Данилевского «с христианских позиций». А кто же тогда Данилевский? Не христианин? И правда ли, что всё содержание «России и Европы» сводится исключительно к историко-антропологическому описанию культурно-исторических типов?

Выход в свет двухтомника Шпенглера был поводом для суждений

о том, кто прав и не прав в полемике Соловьёва со Страховым (в которую был вынужден вмешаться смертельно больной К.Н. Леонтьев с жаром, отнюдь не свидетельствовавшим о его разочаровании в судьбах России). По причине некоей общей самоцензуры, никак не вписывающейся в рамки советской самоцензуры (что только в ту пору не печаталось в Петрограде и Москве!), ни Степун, ни Франк, ни Бердяев, ни Букшпан не заметили сразу нескольких «слонов». Во-первых, они (как бы) не заметили, что перечень «душ народов» (Seelen) у Шпенглера почти полностью соответствует перечню культурно-исторических типов Данилевского — от умещения всей западной культуры в один романо-германский тип («фаустовский» по Шпенглеру) до упоминания исчезнувших латиноамериканских цивилизаций.

Во-вторых, двойственность реформ Петра и влияние его «европейничания» на русскую историю — то наблюдение, которое Шпенглер

никак не мог позаимствовать у Гердера, Гегеля, Шеллинга, Буркхардта, Дильтея, Лампрехта, Фольграфа, Шелера, Бергсона, Клагеса и даже у Хьюстона Чемберлена. Он мог позаимствовать их только у русских авторов, причём скорее не у богословов и не у философов-славянофилов (хотя бы в силу шпенглерова «ахристианства»), а именно у историософов. То есть у Данилевского и Леонтьева и их учеников.

И наконец, в-третьих: уж коли авторы московского сборника приметили разочарование Шпенглера тем, что лучшие мыслители Германии «поднимают руки» перед дарвинизмом, то почему бы им не вспомнить, что атака «вселенских христиан» на Данилевского совпала с не менее яростной атакой на его незавершённый, но изданный тогда труд «Дарвинизм» — между прочим, именно тот труд, который ставит Данилевского в ряд мировых, а не только русских философов; что эти порицатели, а именно профессора Климент Тимирязев и Андрей Фаминцын, находили в самом процессе топтания праха некий квазирелигиозный долг: «В качестве такого-то Ваньки-Каина дарвинизма, связанного с ним for better and for worse, я почти нравственно обязан выступить его защитником, ломать копья с его противниками» (Тимирязев), «всегда считал своею священною обязанностью защищать значение Дарвина и его учения в науке от нелепых нареканий» (Фаминцын); что богослов Вл.С. Соловьёв оказался удивительно солидарен со светскими физиологами.

Warum so? Почему так?

РУССКО-НЕМЕЦКАЯ РУЛЕТКА

Версия К.А. Свасьяна о том, что московский сборник 1921 года (фактически опубликованный в январе 1922-го) побудил Ленина к изгнанию русских мыслителей, построена на двух фактах — секретном письме Ленина секретарю СНК Горбунову от 5 мая 1922 года, где он выражает подозрение в том, что сборник по-

хож на «литературное прикрытие белогвардейской организации», и наличии «сигнала» — накануне вышедшей статьи пролетарского критика В. Ваганяна под названием «Наши русские шпенглеристы». Вагаршак Тер-Ваганян, будущий член Союза воинствующих безбожников, придал московскому сборнику «огромное общественное значение», усмотрев в нём признак той «реакции», которая «всегда распускается махровым цветом», когда «после революционной бури наступает тишь». Цитируя Степуна, Франка и Бердяева, борец культурного фронта Тер-Ваганян заключил, что их пиетет к Шпенглеру строится на культурном родстве: «Как из-под 700 страниц "Заката Европы" Шпенглера, остроумного, местами, быть может, весьма талантливого, выглядывают большие уши прусского национализма, жаждущего реванша, грезящего о новом всемирном покорении — прусского мессианизма, так из-под всего писания нашей российской интеллигенции выглядывает всё тот же старый заскорузлый национализм, слепой, ничему не научившийся. Эта идея русского мессианизма прикрывала тягу русских империалистов к Дарданеллам, как идея прусского культуртрегерства прямой разбой Германии».

«Сигнал» Тер-Ваганяна не был примитивным литературным доносом. «В чём спасение человечества?» — вопрошал лево-большевистский критик. «В возврате к былым, довоенным идеям и идеалам буржуазии? Нет, в том-то и дело, что нет. В преодолении довоенных форм капитализма дальнейшим развитием империализма, в обострённом развитии чувства национализма. И с этой целью — в преодолении социализма — мистицизмом». Тер-Ваганяну мало было этого тезиса, он считал нужным его проиллюстрировать: «Если бы г. Франк не писал, а говорил сам с собой без свидетелей, не жеманясь и не затемняя речь, то получилась бы примерно такая речь: "После Великой французской революции вместо материализма расцвёл романтизм (Байрон) и немецкий идеализм; когда кончится нынешняя революция, то человечество, что стоит вдали от шума исторических событий, выйдет на сцену и начнёт строить новых богов (российский идеализм всегда с этого начинает свою карьеру, хотя кончает тоже на одном и том же роковом месте), устраивать оргии и возвещать культ женского тела (российский романтизм тоже всегда начинает свой танец от этой печки)"».

Левый большевик и яростный антиклерикал усмотрел за рецензиями будущих пассажиров «философского парохода» на книгу Шпенглера не их буржуазность и не религиозность, а их принадлежность к кругам, где исполняются дионисийские культы. Из ссылок на сборник «Вехи» и статью Петра Струве «Великая Россия» (1908) следовало, что пролетарский критик давно следил за русскими воспреемниками немецких идеалистов, от магических практик символистов в «доме с башней» Вячеслава Иванова до их участия в «Союзе освобождения», и уже по следам Первой мировой войны припоминал Бердяеву его апологетику неокантианцев в «Вехах» вместе с пассажем «дионисическое начало мистики необходимо сочетать с аполлоническим началом философии», а легальному марксисту Струве — его внезапный милитаристский пафос, педалирующий бросок через Чёрное море к Ближнему Востоку, ради которого следует отменить черту оседлости (поскольку «в том экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников») — вместо того, чтобы «строить ни для чего не нужный линейный флот, предназначенный для Балтийского моря и Тихого океана», тем более что балтийский флот «менее нужен России», так как «против Германии, если она не в союзе с Австро-Венгрией, Россия, даже без всяких формальных союзов имеет за себя и Францию (первоклассная сухопутная держава!), и Англию (решающая сила на море!)». Ставя текст Струве в один контекст с «прусским культуртрегерством», марксист Тер-Ваганян вполне справедливо уличал «российский идеализм» в неадекватности видения мира, которое обрекло империю на крах, когда «невозможный» австро-германский союз таки сложился, а «решающие силы» Антанты оказались ненадёжны.

Имя Я.М. Букшпана Тер-Ваганяну ничего не сказало, и, возможно, поэтому он его не цитировал (и, по логике К.А. Свасьяна, тем спас от посадки на пароход), хотя именно Букшпан упоминал о тогдашних германских публицистах, интересовавшихся Россией и разделявших представление Шпенглера о крестьянине как о единственном органическом человеке в современной культуре. Первым из таких современников у Букшпана назывался промышленник и государственный деятель Вальтер Ратенау, который «строит целые системы "органически одухотворённого" государства (Organisch beseelter Staat), обращается своим "механизированным духом" к средневековым формам жизни — к цехам, гильдиям, корпорациям, улавливая эти целостные начала одухотворённой общественности в идее корпоративных Советов». И тот же Букшпан (единственный экономист из четверых) был автором подробного исследования о германском военном планировании в 1915-1917 гг., которым занимался именно Ратенау — промышленник и изобретатель, политик и масон, поэт и мистик, основатель Промышленной лиги и Германской демократической партии (DDP). К.А. Свасьян цитирует восторженное письмо Ратенау Шпенглеру с выражением своего восторга по поводу книги «Закат Европы». Я.М. Букшпан мог не знать об этом письме, но уже точно знал, что «публициста» Ратенау, написавшего философский труд «Критика времени» и основавшего в 1918 году кооператив «Центральное трудовое сообщество» (ZAG) по самоуправленческой модели «германского общего хозяйства», ждёт (как и других масонов) большая карьера в Веймарской республике.

К моменту выхода сборника в свет, в январе 1922 года, Ратенау уже был министром иностранных дел, а в апреле того же года подписал с советскими республиками Рапалльский договор, отменявший условия Брестского мира и восста-

навливавший экономические связи с Россией — включая снабжение топливом, нивелирующее зависимость от Франции, и совместное строительство танковых заводов. Могли ли авторы «московского сборника» быть в курсе тайных переговоров наркома Г.В. Чичерина в Рапалло, итог которых стал потрясением для Лондона и Парижа? Если не могли, то для чего потребовалось составление такой рецензии с упоминанием Ратенау, которая в сегодняшнем восприятии выглядит не иначе как скрытая реклама не столько Шпенглера, сколько германской мысли (с принижением мысли русской)? Если они не рассчитывали на некую собственную роль в будущих российско-германских связях, то почему сразу после подписания договора при Петроградском университете было воссоздано (с участием Букшпана) заседание распущенного ещё в 1915 году Вольного экономического общества?

Н.А. Бердяев, имевший тогда ещё две трибуны — историко-филологический факультет Московского университета и Вольную академию духовной культуры (ВАДК), учреждённую им в 1918 году, — позже писал, что «особенный успех» имели его публичные доклады в ВАДК «в последний год» (1922-й) — о книге Шпенглера, о магии и о теософии. Речь о книге Шпенглера, где слушатели толпились у дверей и на лестнице, ставится им на первое место. При этом он упоминает, что на лекцию приходили неназванные сотрудники ВЧК. Когда его вызовут на допрос, он будет держаться удивительно уверенно и свободно — уже после «красного террора», уже после дела «Тактического центра», где он был фигурантом в 1920 году. Warum so?

М.Е. Главацкий в книге «Философский пароход: год 1922» (Екатеринбург, 2002) цитирует статью Бориса Лосского «К "изгнанию людей мысли" в 1922 году» из «Русского альманаха» (Париж, 1981), где тот пересказывает впечатление о «пароходе» своего отца, бывшего

№ 9 (107), 2022 **37**

ректора Московского университета Н.О. Лосского: «Заключение Рапалльского договора, возобновившего дипломатические и торговые отношения с Германией, позволило советскому правительству обратиться к немецкому за визой для высылаемых. На что тогдашний рейхсканцлер Вирт ответил, как пишет отец, что Германия не Сибирь и ссылать в неё русских граждан нельзя, но если русские учёные и писатели сами обратятся с просьбою дать им визу, Германия охотно им окажет гостеприимство». На эти воспоминания ссылался также С.С. Хоружий, автор самого термина «философский пароход» (фактически «мозг интеллигенции» высылался на трёх пароходах и одном поезде); он также впервые привёл дату секретного письма Ленина Ф.Э. Дзержинскому — 19 мая 1922 года: «Собрать совещание Мессинга, Манцева и ещё кое-кого в Москве... Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг... Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей... поручить всё это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ».

В статье С.С. Хоружего (более известной, чем глубокие самостоятельные исследования Уральского университета) цитировались воспоминания Веры Рещиковой, дочери ещё одного ссыльного — профессора А.И. Угримова: «С приближением высадки профессора устраивают собрание: как реагировать на ожидаемые восторги (встречающей публики). Настроения патриотические: будем сдержанны. Подплываем к Штеттину... Николай Александрович (Бердяев) выходит на палубу и говорит: "Что-то никого там не видно". Никого нет. Ни души. С.Е. Трубецкой хладнокровно уточняет: "На пристани стояло несколько упитанных немцев с толстыми, налитыми пивом животами". Никто не встречал прибывших и в Берлине, один только представитель немецкого Красно-

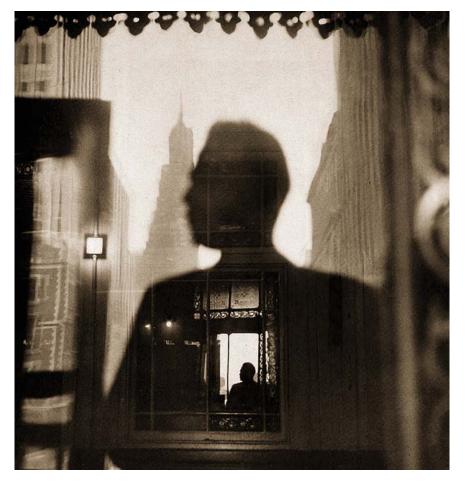
го Креста». Для столь прохладной встречи того парохода, на котором прибыли Бердяев, Степун и Франк, были основания: по Берлину прошёл слух о том, что высылаемые мыслители являются тайными агентами Совдепии. Между тем Берлин ещё оправлялся от потрясения после убийства Вальтера Ратенау членами группы «Консул», связывавшими его политику (не только Рапалльский договор, но и отказ от раздела Польши) не только с масонством, но и с еврейским происхождением промышленника и основателя «Центрального трудового сообщества». Как писал парламентский секретарь Черчилля Роберт Бутби, Ратенау «был тем, кем мог быть одновременно только немецкий еврей: пророком, философом, мистиком, писателем, чиновником, промышленным магнатом высшего порядка и пионером того, что стало известно как "промышленная рационализация"». Добавим, что Ратенау также состоял в союзе взаимопомощи Gesellschaft der Freunde, немецком аналоге Joint, и уместно предположить, что натянутая ассоциация Шпенглера с Маймонидом, выдуманная Букшпаном, этому кругу и была адресована.

Предложение Ленина о высылке мыслителей озвучивается сразу же после Рапалло. И тогда же, в мае 1922 года (до кончины Ратенау), имя «образованного и аккуратного человека в ГПУ» было определено: куратором высылки был Яков Саулович Агранов, окончивший четыре класса, но при аресте в 1915 году поразивший полицию заштатного Рогачёвского уезда широтою своих интересов по изъятым у него книгам, включая работы Токвилля и Спенсера. Выбор мотивировался, возможно, и тем, что план высылки поддерживал И.В. Сталин, сотоварищ Агранова по туруханской ссылке. К «сбору систематических сведений» был причастен и Л.Д. Троцкий; судя по биографии, именно по его инструкции была написана статья-сигнал В. Тер-Ваганяна. Пролетарский критик не догадывался,

что в 1936 году он станет жертвой «Первого московского процесса» как троцкист и что его имя в число подозреваемых впишет Я.С. Агранов.

Судьба самого Я.С. Агранова решится год спустя, в 1937 году, когда он будет понижен в должности с поста первого заместителя наркома до главы саратовского управления НКВД, а затем попадёт под расстрел; это случится после ареста М.М. Тухачевского, заподозренного в работе на Третий рейх. Чуть раньше карающий меч обрушился на Глеба Ивановича Бокия, многолетнего начальника шифровального спецотдела НКВД (8-й отдел, СПЕКО) и давнего коллегу Агранова по надзору над творческой интеллигенцией. В промежутке между ними будет отправлен в расход их общий друг и учитель по оккультной практике Александр Васильевич Барченко, экс-член неорозенкрейцерской ложи «Всемирное трудовое товарищество» и основатель своего ордена «Всемирное трудовое братство».

О парапсихологе Барченко, его дореволюционных связях с Глебом Боким (тот возглавлял Украинскую Петербургскую громаду, а затем «Малороссийскую столовую») и ещё одним украинцем — Борисом Кириченко-Астромовым, посвящённым в ложу «Великий Восток Италии», написано множество документальных и художественных книг; авторы, писавшие об экспедиции в Шамбалу для установления связей с тибетской цивилизацией «Дюнхор», нашли переписку Барченко с издателем германского журнала «Геополитика» Карлом Хаусхофером; нашли его доклады, где он педалирует родство идей коммунизма с тибетскими верованиями; нашли донесения британской разведки о планах экспедиций не только в Тибет, но и в Эфиопию — соответственно манихейской идеологеме французского оккультиста, служившего для Барченко путеводной звездой — Жозефа Александра Сент-Ива Альвейдра; наконец, связали опалу Агранова не только с причастностью

к той же экспедиции, но и с невыполнением последнего поручения Сталина по Саратову, где ему предписывалось разобраться в делах арестованного предшественника на посту главы облуправления — Романа Пилляра, урождённого барона Ромуальда Пиллара фон Пильхау и двоюродного племянника Дзержинского; обратили внимание на две стороны жизни Бокия и Агранова: одна - в скромном и строгом служебном костюме, вторая — в модной европейской одежде в салонах, где практиковались дионисийские эксцессы. Оккультная сторона жизни двух выдающихся чекистов на основании всего множества собранных сведений разных авторов, от Виктора Брачева до Олега Шишкина, никак не могла быть объяснена только вербовочной работой среди интеллигенции с заграничной роднёй (как-то: супруги Брик или Мейерхольд).

Тибетская экспедиции Бокия, имевшая покровительство самого

Г.В. Чичерина (она была отменена, но год спустя её осуществил Н.К. Рерих при поддержке американских теософов с расчётом на явление сына Рериха в качестве Майтрейи), относилась к чисто оккультным замыслам, рассчитанным на «производство» чуда теургическими способами. Сопоставима ли она с Рапалльским договором, успех которого сплетники связывали с дореволюционным салонным знакомством Чичерина с графом Ульрихом фон Брокдорф-Ранцау? Вряд ли, поскольку для шаткого немецкого правительства выбор диктовался жёстокой земной арифметикой, которой самоуправленческие завихрения Ратенау скорее могли помешать, чем помочь. Другое дело, что редакции «Берега» хотелось присоседиться к процессу, но после гибели Ратенау клиент «обнулился».

Застарелый советологический штамп о том, что договор Молотова — Риббентропа был продолжением «духа Рапалло», недавно поддер-

жал А.С. Донгаров в книге «СССР на пути в стратегический тупик» (М., 2020) со множеством инсинуаций и напраслин в адрес И.В. Сталина (испортил-де отношения с социалдемократами, что привело Гитлера к власти; сменил М.М. Литвинова на В.М. Молотова по этническим мотивам, чтобы угодить фюреру; мог первым ударить по Гитлеру, но «позорно упустил шанс» и т.п.). Конспирологический задор пробританского автора (Донгаров не скрывает симпатий к «английской партии» в НКИД в лице И.М. Майского, Ф.Ф. Раскольникова и др.) парадоксально камуфлирует тему оккультных связей раннего Веймара, поскольку она поднимает неудобные факты. А именно, что: а) реальное наследие (оно же «дух» Рапалло) сохранялось, пока Чичерин и Бронкдорф-Ранцау были на службе и пока канцлер Герман Мюллер, подписант Версальского мира, не начал флирт с Парижем и Лондоном до 1929 года, а часть контрактов была заморожена из-за серии скандалов в СМИ, поднятых в 1926 году теми же социал-демократами; б) оккультизм в России к 1939 году был выжжен калёным железом, и Молотов с Риббентропом вели переговоры без посредства магов. В то же время другие мэйнстримные разоблачители (французские и британские) охотно объединяют бэкграунд «Братства» Барченко с «Анненербе» Германа Вирта на основании знакомства Карла Хаусхофера с русскими оккультистами в начале века, но «пазл» не складывается: ввиду той роли, которую ближайший друг Хаусхофера Рудольф Гесс сыграл в переключении рейха на Drang nach Osten.

Американские оценки 1930—1940-х гг. были более великодушны. В Вашингтоне воздавали должное большевикам-дилетантам, сумевшим поставить себе на службу старые связи дворянских клубов: Джордж Кеннан приводил Рапалло как пример использования слабой страной пацифизма для хорошо рассчитанной мести обманувшим союзникам;

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

Генри Киссинджер считал Рапалло неизбежным после «остракизма двух крупнейших европейских держав и одновременного расчленения третьей (России) посредством создания пояса малых, враждебных друг другу государств». Термин «лимитрофы» ещё тогда не вошёл в широкий оборот.

В королевских институтах Великобритании между тем дали оценку дилетантам-историософам. Профессионал Арнольд Тойнби в десятитомнике «Постижение истории», написанном по заказу Chatham House, составил список из 21 цивилизации. описывая ровно то же, что Данилевский называл культурно-историческими типами, а Шпенглер — «душами» культур. В процессе работы Тойнби, в 1955 году, кембриджский исследователь Роберт Э. Макмастер посвящает специальное дотошное исследование вопросу о том, заимствовал ли Данилевский идеи у Рюккерта, и заключил, что Рюккерт ни разу не употреблял термина «культурноисторический тип» — иными словами, что Вл.С. Соловьёв врал.

«УЗЫ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО АДЮЛЬТЕРА»

Как следует из воспоминаний В.С. Брачева, Глеб Бокий и Александр Барченко были отнюдь не последними фигурами в русской оккультной среде начала века: Бокий состоял в одной розенкрейцерской ложе с будущими академиками С.Ф. Ольденбургом и Н.К. Рерихом, а залог за его освобождение платили не менее известный в мире оккультист Г.И. Гурджиев и влиятельный советник двора П.А. Бадмаев; в собственной ложе Барченко состояла супруга П.Д. Успенского, на опытах которого через полвека рождался американский «нью-эйдж». Как ни странно, в русскоязычной Wikipedia A.B. Барченко изображен как заурядный шарлатан-самоучка, втёршийся в доверие к высоким чинам НКВД, а вместо научных источников предлагается ссылка на исторический детектив Дмитрия Быкова, персонаж которого «Варченко» чудак со странностями, увлекшийся

ещё большим французским чудаком Жозефом Александром Сент-Ивом Альвейдром и поверивший его галиматье, несмотря на его (Альвейдра) психическую неадекватность.

Странно: это та же самая русскоязычная Wikipedia, где тексты о тайных обществах впечатляют своей детальностью, глоссарием и инсайдерским знанием. Эта детальность русскоязычной Wikipedia сочетается с постоянным и как будто старательным смешением регулярного европейского масонства с оккультным (эзотерическим), хотя разделение одного от другого чётко прочерчено как в западной энциклопедической литературе (freemasonry и para-freemasonry), так и в академических исследованиях отечественных авторов. Даже А.Я. Аврех в книге «Масоны и революция», настойчиво приуменьшая роль тайных обществ в событиях 1905 и 1917 гг. в полемике с В.И. Старцевым и Н.Н. Яковлевым, признает, что этим событиям предшествовала активизация именно оккультных лож, публикуя, в том

числе, список мартинистской ложи с инициалами трёх великих князей Романовых, а также фрагмент воспоминаний сопредседательницы Общества помощи голодающим (Помгол) Е.Н. Кусковой об учреждении «сразу после событий 1905–1907 гг.» нерегулярной «ложи в духе Новикова», куда допускались женщины — и куда входили два крупных большевика.

О самом Альвейдре в русскоязычной Wikipedia сказано чуть больше и отмечено, между строк, что вторая супруга «маркиза» Альвейдра была русско-украинской красоткой Марией Ризнич, по первому мужу Келлер. Осталось добавить, что дочь Марии Ризнич-Келлер от первого брака, Мария Эдуардовна Клейнмихель, владела самым влиятельным частным салоном в Санкт-Петербурге (неоготическое здание на Каменном острове, где в 1990-х снималась экранизация «Этюда в багровых тонах» Конан Дойля), где собирались негоцианты, промышленники, думские депутаты, а также все европейские послы; что великая княгиня Ольга Александровна называла г-жу Клейнмихель оккультисткой; что злые языки считали её немецким агентом ввиду её знакомства с кайзером Вильгельмом; что избегая ареста 27 февраля 1917 года, она скрывалась у своего родственника по мужу и соседа по даче барона Пиллара фон Пильхау; что когда в 1918 году её имущество было конфисковано, она «перекантовалась» у графа Лобанова на Миллионной улице, прежде чем эмигрировать через Стокгольм; что Л.Д. Троцкий тем же летом 1922 года — нечем больше заняться! — отозвался на её воспоминания, опубликованные уже в Германии: «Циничные мемуары старой интриганки Клейнмихель с замечательной яркостью показывают, какой сверхнациональный характер отличал верхи аристократии всех стран Европы, связанные узами родства, наследования, презрения ко всему нижестоящему и ... космополитического адюльтера в старых замках, на фешенебельных курортах и при дворах Европы».

Троцкий издевался над оргиями «сверхнациональной» аристократии вполне искренне: его планы мировой революции предполагали снос этого разложившегося класса без всякой пощады. Другое дело, что у него был свой ход мыслей относительно создания нового человека: ему было мало воинствующего атеизма материалистов-биологов (как-то: К.А. Тимирязев и даже обласканный Лениным И.П. Павлов) и активистов-безбожников, показательно осквернявших храмы. В школу ему хотелось внедрить не только преподавание дарвинизма, но и педологию; во взрослое образование — психоанализ, поскольку учение Фрейда подразумевает отказ от родителей, а какой без этого новый человек? В весьма содержательной работе А.М. Эткинда «Эрос невозможного» (1993), где подробно рассказано о покровительстве Троцкого психоанализу, нет ответа на вопрос о том, знал ли Лев Давидович что-нибудь о перенесённом юным Фрейдом инцесте и роли этого опыта в его теории «эдипова комплекса»; ирония истории состояла в том, что западный троцкистский человеческий материал прежде других слоев и групп (иммигранты, цветные) подвергся индоктринации в современный прогрессизм с его культом патологий.

К.Н.Леонтьев, ушедший из жизни за четверть века до русской революции, до культа И.П. Павлова и «ленинской теории отражения», своим взглядом воцерковлённого естественника отыскал и обозначил (в эссе «О всемирной любви») тот дефект коммунистической квазирелигии, который обрёк её в русской цивилизации на кризис и саморазрушение: «Социализм (то есть глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побеждённым (то есть представителям либерально-мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя. И это как дважды два четыре вот почему: эти будущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительное, даже страшнее. В последнем случае жизнь этих новых людей должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях (например, на Афоне). А эта жизнь для знакомого с ней очень тяжела; постоянный тонкий страх, постоянное неумолимое давление совести, устава и воли начальствую-

Арнольд Тойнби в десятитомнике «Постижение истории», написанном по заказу Chatham House, составил список из 21 цивилизации, описывая ровно то же, что Данилевский называл культурно-историческими типами, а Шпенглер — «душами» культур. В процессе работы Тойнби, в 1955 году, кембриджский исследователь Роберт Э. Макмастер посвящает специальное дотошное исследование вопросу о том, заимствовал ли Данилевский идеи у Рюккерта, и заключил, что Рюккерт ни разу не употреблял термина «культурно-исторический тип» — иными словами, что Вл. С. Соловьёв врал.

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

щих... Но у афонского киновиата есть одна твёрдая и ясная утешительная мысль, есть спасительная нить, выводящая его из лабиринта ежеминутной тонкой борьбы: загробное блаженство». Ни объяснение развития рефлексами, ни очистка наук от буржуазности, ни изоляция детей от родителей, ни поиски аналогий в исчезнувших культурах, ни самые изощрённые и заумные теургические эксперименты, которые только мог изобрести оккультизм, — ничто из этого не могло заменить эсхатологию, ничто не помогало ответить новому человеку на вопрос о том, для чего он живёт, как бы аскетически ни жил и как бы ни верил в эквивалент земного рая.

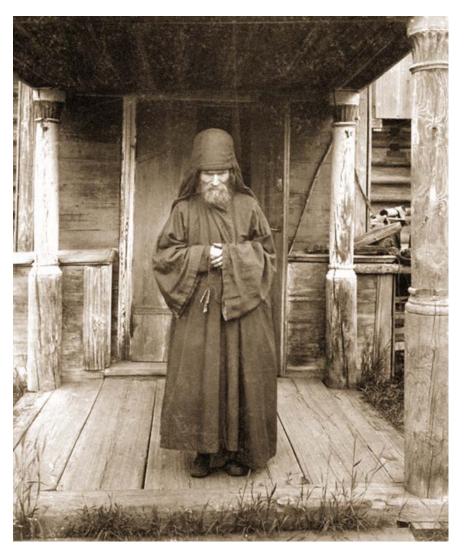
АЛФАВИТЫ И УНИАТЫ

В ходе одной из первых экспедиций, в 1922 году (спустя год после учреждения 9-го спецотдела), А.В. Барченко якобы нашёл на Кольском полуострове то, что он назвал «остатками Римской дороги»; как эти поиски, так и тибетская экспедиция направлялись по магическим целеуказаниям Альвейдра, писавшего в книге «Миссия Индии»: «В определённых районах Гималаев, среди двадцати двух храмов, воплощающих двадцать две Гермесовых тайны и двадцать две буквы неких тайных алфавитов,

Агарта образует собой таинственный Нуль, который невозможно найти... Огромная шахматная доска, распростёртая под землей, достигает почти всех материков». Число букв тайных алфавитов было почерпнуто Альвейдром из книги Антуана Фабра д'Оливе «Восстановленный еврейский язык», где сопоставление алфавита Торы с египетскими иероглифами якобы доказывало многотысячелетнюю древность каббалистической мысли - хотя эти лингвистические упражнения ещё при жизни Фабра, после открытия Розеттского камня (1799), были признаны лженаукой. В то же время Альвейдр — во всяком случае, перед русской аудиторией — называл Россию и Австро-Венгрию последними осколками Белой цивилизации. Что явно вызывало отклик не только в монархических, но и в демократических кругах: П.Б. Струве в той же статье «Великая Россия», многократно именуя империю Габсбургов «славянской нацией», уверял, что либеральная политика России в Польше (а не «реакционная», как при Александре III) «в огромной степени подымет ваш престиж в славянском мире и психологически совершенно естественно создаст впервые в истории моральную связь между нами и Австрией как государством».

К.Н. Леонтьев обозначил тот дефект коммунистической квазирелигии, который обрёк её в русской цивилизации на кризис и саморазрушение. Ни объяснение развития рефлексами, ни очистка наук от буржуазности, ни изоляция детей от родителей, ни поиски аналогий в исчезнувших культурах, ни самые изощрённые и заумные теургические эксперименты, которые только мог изобрести оккультизм, — ничто из этого не могло заменить эсхатологию, ничто не помогало ответить новому человеку на вопрос о том, для чего он живёт, как бы аскетически ни жил и как бы ни верил в эквивалент земного рая.

Общеизвестно, что австро-венгерская «мягкая сила» в предреволюционной России в церковной среде распространялась через униатство. Шимон Редлих, доказывая в биографической статье о митрополите Андрее Шептицком в альманахе «Егупец» киевского Института иудаики (2007), что тот «был против и Сталина, и Гитлера; он был за Украину и украинцев», сам же добавляет к портрету «всю жизнь противоречивой фигуры» Шептицкого штрихи, выходящие за рамки русских и украинских дел. В 1883 году римский католик Шептицкий, к ужасу своих родителей-поляков, стрижётся в греко-католические монахи; ещё через три года удостаивается аудиенции папы Льва XIII, а на следующий год отправляется из Львова в Киев и Москву, где встречается с философом Вл. С. Соловьёвым, после чего опять принимается тем же папой. Эта «челночная» миссия внешне укладывается в обыкновенный прозелитизм с ведома австрийского двора, который волнует православное влияние в свете русинского вопроса; почему бы, зная о «всехристианстве» Соловьёва, не отправить к нему новопосвящённого униата? Задача и не скрывается: Шептицкий становится издателем журнала «Миссионер». Однако с 1906 года Шептицкий посещает не только греко-католические приходы в Америке и (нелегально) в России, но и город Иерусалим, вроде бы также для проповеди среди живущих там православных. Редлих, однако, сообщает, что Шептицкий был настолько увлечён «организацией еврейско-христианских общин по образцу тех, что существовали во времена раннего христианства», что «научился говорить на библейском иврите»; по тем же своеобразным экуменическим соображениям создал экспериментальную еврейско-христианскую общину во Львове и отдельно опекал караимов в Литве и Крыму. Что им движет — указания Св. Престола, хлопоты Габсбургов или «вселенство», воспринятое у «соловьёвского кружка»?

В Санкт-Петербург в тот же период Шептицкий из Львова приезжал трижды и только один раз легально в мае 1917 года, когда в гимназии св. Екатерины провёл учредительный съезд Экзархата для русских католиков византийского обряда. Епископ Леонид Фёдоров, которого он там назначил экзархом, в 1923 году был сослан в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), где кураторы лагеря Г.И. Бокий и Ф.И. Эйхманс вплоть до 1929 года не мешали ему еженедельно служить греко-католическую службу. В Москве Шептицкий настоятелем прихода РГКЦ рукоположил В.В. Абрикосова, который монахом не был, ибо состоял в «Третьем» (т.е. мирском, «внешнем») ордене доминиканцев. Г.А. Леман, двоюродный брат Абрикосова, насмешливо называл его «католикосом

всея Москвы», рассказывая об энергичном прозелитизме наместника Шептицкого и о ряде лиц, которых ему удалось «завербовать» в униатство. В числе таковых был генеральский сын В.Д. Кузьмин-Караваев, супруга Н.А. Бердяева Лидия Рапп, «некий экономист Яков Букшпан вместе со своей женой-татаркой» и Сергей Михайлович Соловьёв-младший, поэт и племянник Вл.С. Соловьёва. Однажды С.М. Соловьёв-младший, уже ставши униатским проповедником, прибежал с утра домой к Леману, чтобы рассказать о своей мучительной ссоре с наставником, когда отец Владимир (Абрикосов) в ответ на какие-то его рассуждения сказал: «Что такое Христос? Христос — это касса». Исповедь Сергея Михайловича была «обширной и... очень интимной» и содержала «такие

признания, от которых люди обычно воздерживаются», писал Леман. Посвящение Букшпана также было необычным действом: Букшпан «решил креститься и колеблется, превратиться ли ему в католика или в православного. И вот он затеял устроить у себя «спор о вере», чтобы взвесить все «за» и «против» и решить этот вопрос... Присутствовало ещё несколько «католических девиц», никакого участия в (богословском) разговоре, к счастью, не принимавших».

О содержании интимных признаний С.М. Соловьёва Леман деликатно умолчал, но счёл нужным заметить, что «в принятии униатства Сергеем Михайловичем сыграла роль та странная и поразительно необоснованная позиция, которую занял в этом вопросе его знаменитый дядя Владимир Сергеевич... Удивительно и совершенно непонятно, как мог такой необыкновенно умный и философски одарённый мыслитель, как Вл.С. Соловьёв, решить... глубокий и сложный вопрос (воссоединения церквей), две тысячи лет мучивший человечество, каким-то механическим сложением; даже читать об этом тяжело и как-то «душно». Леман упускает третий элемент этого «механического» сложения, иллюстрируемый примером Букшпана, столь тонко чувствующего иудаизм, что находит его у Шпенглера. Зато Леман рассказывает о другом «тяжёлом и малоприятном вопросе», по поводу которого целая делегация мыслителей и священников посещала новоизбранного патриарха Тихона. Это был вопрос об имяславии — секте, занесённой из Афона в Россию и нашедшей весьма влиятельных почитателей. «Мы сели вокруг него. Кто-то, не помню, кто именно, объяснил причину и цель нашего появления. Однако не успел Патриарх что-либо ответить на наше вопрошание, как сумасшедший (С. М.) Соловьёв, сидевший ближе всех к Святейшему, бросился перед ним на колени и с рыданием в голосе, по-видимому, замученный своими переживани-

<u>БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ</u>

ями, истерически возопил: «Ваше Святейшество, скажите, имя божье — Бог или не Бог?» Племянник философа вышел из равновесия после посещения многочисленных дебатов у Н.А. Бердяева, в 1913 году написавшего памфлет «Гасители духа» в поддержку имяславцев против Церкви и Синода.

Имя В.В. Абрикосова числилось в списке высылаемых во второй группе, включавшей сотрудников издательства «Берег», где вышла статья о Шпенглере. Сойдя с первого «философского парохода» (сентябрь 1922), он сразу же отправился в Рим, где чиновник Конгрегации по делам Восточных церквей Жюль Тибиржен назначил его прокуратором Российского экзархата. Русская миссия, подчинённая Конгрегации, обросла сетью церковных школ, издательств и библиотек с географией, следующей по всем путям русской эмиграции — от Буэнос-Айреса до Харбина и Мельбурна. Однако заслуги

В.В. Абрикосова не были признаны: преемник Тибиржена, епископ Мишель д'Эрбиньи, не только ему не доверял, но даже поставил вопрос о роспуске Русского экзархата. Монсеньор Арата, секретарь при нунции Мармаджи, пояснял его позицию: «Отец Абрикосов лицо подозрительное: живёт на деньги, получаемые от большевиков, и ни за что не желает оставлять Рим, а кроме того, лжёт, что его жена в Москве арестована большевиками, тогда как она на свободе» (добавим, «матушка Абрикосова» на свободе занималась тем, что отслеживала отклонения московских униатов-неофитов от латинских элементов обряда и докладывала супругу). Сторонники Абрикосова, в частности князь П.М. Волконский, считали источником нападок барона Игоря фон дер Лауница (брата петербургского градоначальника Владимира фон дер Лауница, убитого эсерами в 1906 г.), который «выдаёт себя за украинца» и якобы сам

кормится от Советов, а Абрикосов «мешает затеянной им политике, направленной против экзархата, экзарха Фёдорова и митрополита Шептицкого». Умысел Лауница объяснялся тем, что якобы «советское правительство желало удаления о. Абрикосова из Рима, боясь его влияния на Ватикан в том смысле, чтобы помешать соглашению Ватикана с Советами и их признанию, о чём хлопотал о. Д'Эрбиньи». Как следовало из обмена гневными письмами, в Риме вокруг опеки над русской паствой сцепились между собой доминиканцы и иезуиты, а в политической эмигрантской среде — две ветви монархистов, «кирилловичи» и «николаевичи». «Отношение обоих (монархических) течений к католичеству было одинаковым. И то и другое рассчитывало на римскую помощь в деле борьбы с большевизмом и ради этой помощи были готовы отчасти из расчёта, отчасти искренне на отказ от старых

предубеждений. Но, к сожалению, эти течения враждовали между собой и в пылу вражды обвиняли друг друга в симпатиях к большевикам», — сетовал В.Д. Кузьмин-Караваев. В итоге в Ватикане предпочли сначала прекратить отношения с фон дер Лауницем, а потом и с Абрикосовым одновременно с заочным лишением Леонида Фёдорова титула экзарха. Шептицкий ничего поделать не мог, так как в Ватикане не признавали созванный им петербургский учредительный съезд; жалобы в адрес Муссолини на коварных иезуитов имели обратный эффект. Вынужденный ретироваться в Париж, Абрикосов жил там заштатным священником, утратив всякий статус, в то время как д'Эрбиньи тайно рукоположил на Москву и Ленинград своих ставленников-иезуитов. Протопресвитер Сергий Голованов, неудачливый восстановитель экзархата в 2000-х гг., в своём «Биографическом справочнике деятелей русского католического апостольства в эмиграции» писал, что «табу с имени Абрикосова снял только Иосиф Слипый» — преемник Шептицкого на львовской кафедре и яростный украинский националист, после ареста в 1945-м и освобождения в 1963 году дослужившийся до римского кардинала.

В эссе «Владимир Соловьёв против Данилевского» К.Н. Леонтьев предсказывал, что итог практической реализации вселенских идей Вл. С. Соловьёва почти предрешён заранее, «склоняя весы свои явственно в пользу Рима, то есть прямо в пользу старой, давно помимо его (Соловьёва) фантазии существующей формы, быть может, с самыми ничтожными изменениями в уступку православию». Так и получилось, только хуже: никаких изменений «в уступку православию» Ватикан не произвёл; униатство поставил на место для употребления украинских «свидомых» и белорусских «змагаров»; попытавшийся было восстановить экзархат протопресвитер Сергей Голованов, прибывший в Омск из Ивано-Франковска в 1990-х, не получил

К столетию смерти Н.Я. Данилевского (1985 год) оккультный туман снова занавешивает познание мира, благо идея «всеединства», назовём её «новое мышление», получает спрос, как и новые воплощения В.С. Соловьёва, П.Б. Струве и, само собой, Л.Н. Толстого. В год 100-летия смерти К.Н. Леонтьева (1991 год) историческая Россия распадается повторно без войны. Тогда и возвращаются в дискурс версии о несамостоятельности русских историософов, в то время как несамостоятельность русских оккультистов не обсуждается.

признания от папы Иоанна Павла II, согласившегося не более чем на ординариат и поручив его руководство римскому католику Йозефу Верту; само же «вселенство» осталось как реликт на немногих островах архипелага, именуемого апостолатом — вроде Русского центра им. Вл. С. Соловьёва при Фортдамском университете Нью-Йорка, библиотеки им. Вл. С. Соловьёва при организации «Восточно-Христианский очаг» в Брюсселе или Троицкого прихода в Париже, где до кончины служила супруга Н. А. Бердяева.

КОНФУЗЫ ПАРИЖСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ

К столетию смерти Н.Я. Данилевского (1985 год) оккультный туман снова занавешивает познание мира, благо идея «всеединства», назовём её «новое мышление», получает спрос, как и новые воплощения Вл.С. Соловьёва, П.Б. Струве и само собой, Л.Н. Толстого. В год 100-летия смерти К.Н. Леонтьева (1991 год) историческая Россия распадается повторно без войны. Тогда и возвращаются в дискурс версии о несамостоятельности русских историософов, в то время как несамостоятельность русских оккультистов не обсуждается. В чём легко убедиться, раскрыв страницу русскоязычной Wikipedia, посвящённую французскому дипломату рубежа XVIII и XIX веков

Жозефу де Местру. Одна половина лапидарно изложенной биографии де Местра прилежно описывает его карьеру в оккультном масонстве (членство в ложе т.н. исправленного Шотландского обряда; участие в Виллемсбадском конвенте, где «магические» грандмастера с новоизобрётенными высшими градусами берут верх над регулярным европейским масонством; дружба с Луи де Сен-Мартеном, родоначальником мартинистского пути). Вторая половина текста повествует о 14-летнем пребывании де Местра в России в качестве посланника Сардинского королевства при дворе Александра I, с аксиоматическим заключением о влиянии де Местра на самые знаменитые российские умы: «Прежде всего, принято упоминать следующие фигуры: Пётр Чаадаев, который во многом вдохновлялся мыслями де Местра из «Четырёх глав о России»; Ф. Тютчев, Н. Катков (видимо, имеется в виду M. H. Катков. - K. Ч.);Н. Данилевский, чью концепцию культурно-исторических типов де Местр во многом предвосхитил в своей философии истории; Константин Леонтьев, яркий представитель русского эстетического консерватизма, который также близок де Местру в ряде пунктов учения, включая критику современного состояния Европы; такие представители консервативной мысли, как К. Победоносцев и Л. Тихомиров».

Что же тогда означало упоминание имени де Местра в пассаже из С.Л. Франка в московском сборнике 1921 года: «Даже социализм, как идейное движение, имеет двойственные истоки: будучи, с одной стороны, последним завершением рационалистического свободомыслия, продолжая дело Руссо и Бентама, он, с другой стороны, коренится в романтике Сен-Симона (т.е. Жозефа де Местра) и в гегелевском замысле органического идеализма»? И почему тогда в этом списке не фигурирует А.И. Герцен? И наконец, разве друг и учитель де Местра Сен-Мартен не был первостепенным источником оккультных знаний для Вл.С. Соловьёва наряду с Парацельсом, Якобом Бёме, Георгом Гихтелем и Эмануилом Сведенборгом?

У цитируемого вброса русскоязычной Wikipedia, закономерно воспроизводимого на современных российских масонских порталах, - своя история, и её источником являются труды Н.А. Бердяева 1926 года. Один из них посвящён самому де Местру, а также масонству в целом, другой — Леонтьеву. Нельзя сказать, что до сих пор автор был склонен обсуждать тайные общества, но, как видно из первого текста, «случай заставил»: «Большим ударом для господствующей в правых католических кругах концепции масонства является опубликование найденного в бумагах Ж. де Местра трактата о масонстве. Для тех, которые специально занимались Ж. де Местром, ничего неожиданного книга La francmaconnerie не представляет. Я много занимался Ж. де Местром, и мне было известно, что Ж. де Местр близок к масонству, был в молодости учеником Сен-Мартена и что его следует трактовать как своеобразного иллюмината и христианского теософа. Но во вновь опубликованной книге де Местр развивает герцогу Брауншвейгскому, великому мастеру шотландского франкмасонства, целый план обращения масонства на служение христианской церкви. Он устанавливает для масонства деятельность трёх ступеней: 1) филантропическая деятельность помощи ближним; 2) содействие объединению христианского мира с подчинением его Католической церкви; 3) высший христианский гнозис, то, что де Местр называет revelation de la Revelation. Ж. де Местр признает, что есть масонство зловредное, революционно разрушительное и направленное против церкви и христианства. Таково, напр., революционное иллюминатство немца Вейсгаупта. Но также может быть масонская организация направлена на служение добру, на торжество христианства в мире. Сен-Мартена, который был христианином, но не ортодоксальным католиком, Ж. де Местр горячо защищает».

Далее Бердяев прилагает особые усилия, дабы развеять образ жёсткого абсолютиста-антиконституционалиста и цезарепаписта, сложившийся вокруг де Местра. «Все повторяют шаблонный взгляд на него как на крайнего реакционера, апологета инквизиции и палача, фанатического католика и роялиста, ультрамонтана, провозгласившего до Ватиканского собора догмат папской непогрешимости. Но в действительности образ Ж. де Местра совсем иной, не вмещающийся ни в какие шаблонные направления. Ж. де Местр, как и большая часть замечательных людей, был одинок, он сам по себе. Когда была опубликована переписка Ж. де Местра, то все были поражены, какой это чудесный человек, нежный, любящий, мягкий, необыкновенно благородный, так много страдавший в жизни. Ж. де Местр совсем не банальный реакционер, он обращён к грядущему. Он понимал не только сатанический характер революции, но и её своеобразное величие, видел в ней действие Божьего Промысла. Он ждал наступления новой мировой эпохи в христианстве, нового откровения св. Духа. Он любил Платона и Оригена, что очень оригинально для представителя латинского католичества. Он был своеобразным христианским гностиком, веровавшим в возможность более глубокого и эзотерического понимания откровения в духе сокровенной духовной мудрости. Он признавал тройственный духовнодушевно-телесный состав человека, чего не признаёт господствующая доктрина католичества. Взгляды его отличались большой широтой, а не узостью. И всегда в нём чувствуется человек утончённой культуры. В нём нет никакого мракобесия, столь свойственного русским правого лагеря. Вопреки принятому о нём мнению Ж. де Местру свойственна была своеобразная гуманность... Известно, какое он значение имел для Сен-Симона и Огюста Конта, не говоря уже о католических течениях. Его христианская теософия была тем соединением и смешением мистики, теологии и философии, которого не допускает победивший в католичестве классический томизм... Православия Ж. де Местр не увидал и не понял. Он вращался в русском светском обществе начала XIX века, которое само не видело и не понимало православия. Он один из очень немногих в западном католическом мире, настроенных апокалиптически и эсхатологически. Ж. де Местр, подобно Фр. Баадеру, ближе нам, русским, чем другие мыслители Запада. Его ожидания новой эпохи Духа Святого очень близки ожиданиям русской религиозной мысли».

Описанный Бердяевым «человек утончённой культуры» несколько иначе описывался в статье Вл.С. Соловьёва (1897) для энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Об ожидании де Местром новой эпохи сказано в одной фразе: «Как и (позже) немецкие идеалисты, он предсказывает в будущем новый великий синтез религии, философии и положительной науки в одной всеобъемлющей системе» (о том, что в задуманном синтезе ведущая роль принадлежит католикам, умалчивается). Всё остальное в этой статье - об апологетике де Местром абсолютной монархии, о характеристике им писаной конституции как клочка бумаги, об оправдании инквизиции,

о гимне палачу, а в качестве признака оригинальности — о «смешивании христианского смысла искупления с языческим»: согласно взглядам де Местра, органическая солидарность всех существ позволяет страданию одних служить заместительной жертвой, искупающей грехи других. Приводимые фразы де Местра: «В общей экономии природы одни существа неизбежно живут и питаются другими. Основное условие всякой жизни — то, что высшие и более сильные организмы поглощают низшие и слабые», — Соловьёв в тексте для ЭСБЕ даже трактует как «худшие крайности дарвинизма», вынося вердикт: «Для доктрины, желающей быть всецело христианской, признавать окончательным принципом человеческой общественности факт поглощения низшими животными друг друга значит произнести себе смертный приговор». И ни единого слова о масонских связях — вместо этого утверждается, что де Местр безуспешно пытался учредить в России орден иезуитов, в то время как Алек-

сандр I якобы «нервно отмахивался от его апологии папской власти». Что общего такой человек мог иметь с Сен-Симоном, из этого текста Вл. С. Соловьёва остается загадкой. Хорошо зная о втором (масонском) лице де Местра, автор скрывал его так же старательно, как и факт своего заимствования его идей. Для этого было как минимум два повода: а) склонный к афористике де Местр едко посмеивался не только над православием, но и над русским характером и бытом; б) в беседах с Александром I в Санкт-Петербурге он называл Французскую революцию делом рук евреев.

Насчёт дарвинизма де Местра Соловьёв не преувеличивал. «Нам определённо известно, что чрезмерной резне нередко сопутствует избыток населения, как это особенно было очевидно в древних греческих республиках и в Испании при господстве арабов... Повторение избитых мест о войне ничего не значит: не надобыть очень смышлёным для понимания того, что чем больше людей

убивают, тем меньше их остаётся; как верно и то, что чем больше ветвей срезают, тем меньше остаётся их на дереве; но необходимо рассматривать именно следствия операции... Были народы, в буквальном смысле слова приговорённые к гибели, подобно преступным лицам, и мы знаем, почему», — писал де Местр в «Рассуждениях о Франции». Однако эта брутальность ничуть не противоречит рассуждениям о конституциях, которые де Местр вовсе не отвергает, если они не написаны «на коленке» очередной группировкой якобинцев.

Какое же всё это имеет отношение к Данилевскому и Леонтьеву, с которыми де Местр, знакомый с Чаадаевым и С. Уваровым, встречаться ещё не мог? Ответ, очевидно, следует искать в другом труде Бердяева 1926 года — биографической статье о Леонтьеве для YMCA Press. Там он пять раз упоминает де Местра: «Самые глубокие интуиции в общественной философии принадлежат не учёным академического склада, а свободным мыслителям.

№ 9 (107), 2022 **47**

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

Один Ж. де Местр или один Чаадаев стоит многих профессоров-специалистов...» «Он [К.Н. Леонтьев] не чувствовал эстетики человеческой свободы. Он отрицал действие свободного человеческого духа в истории. В этом он был близок к школе де Местра и Бональда. Но «роковые силы» против него. <...> В законах природы, действующих в истории, он видит Бога и красоту. Он открывает божественное начало не в человеческой свободе, а в природной необходимости. В этом родствен он Ж. де Местру и французской контрреволюционной католической школе, хотя, по-видимому, он не был с ней знаком... К. Н. [Леонтьев] был, в сущности, добрый, мягкий человек, с любовью и вниманием относившийся к людям. Добрым и нежным человеком был ведь и Ж. де Местр. Опубликование его переписки всех изумило. Не могли понять, как это тот, кто проповедовал апофеоз палача и искупление кровью невинных жертв, оказался таким прекрасным человеком... У нас же слишком часто

бывает наоборот. Тип К.Н. не только эстетически, но и этически выше. Так и Ж. де Местр был выше, чем Ж.-Ж. Руссо. Но всей тревожности и сложности вопроса об осуществлении христианской правды в жизни общества Леонтьев никогда не понимал из-за своего натурализма и прирождённого своего язычества».

В то время как имя де Местра в тексте Бердяева для YMCA Press рассеяно по главам и сюжетам, будто некое мерило, важное для самого автора, имя Данилевского встречается в единственном абзаце: «На coциологическое учение К. Леонтьева имел влияние Н. Данилевский своей книгой «Россия и Европа», хотя он и стоял многими головами ниже. Н. Данилевский тоже был натуралистом по складу ума и образованию. И он натуралистически обосновывал некоторые славянофильские идеи. Но уже Данилевский упрекал славянофилов в «увлечении общечеловеческим» и в том, что учение их «было не чуждо оттенка гуманитарности». Он уже учил натуралистически о периодах цветения и упадка, дряхления цивилизаций и в Европе, в романо-германском культурно-историческом типе, видел начало отцветания и одряхления. Данилевский развил теорию культурно-исторических типов и пытался установить самобытный славянский культурно-исторический тип, который должен идти на смену типу романо-германскому. Эта теория, довольно произвольная и в чистом виде совершенно неприемлемая, оплодотворила мысль Леонтьева и дала в нём оригинальные плоды... И у Данилевского, и у Леонтьева было иное отношение к прошлому Европы, не такое отрицательное, как у старых славянофилов. Данилевский даёт Леонтьеву научный аппарат, которым он пользуется для совершенно своеобразного построения, родившегося из совершенно других внутренних мотивов и интересов. Со свойственным К. Н. благородным бескорыстием... он оценивал Данилевского и его влияние на себя выше,

чем тот заслуживает, хотя нельзя отрицать того, что Данилевский был умный и своеобразный мыслитель. Но мышление самого К. Н. было жизненно-конкретным...»

И это всё. Ни слова о том, что Леонтьев именовал себя «ревностнейшим учеником» Данилевского; о том, как он бросался на его защиту, как лев, через муки своего телесного недуга; о том, как он старался исправить и дополнить систематику культурно-исторических типов, ни на йоту не умаляя авторитет их разработчика. Впрочем, это неудивительно: в цитируемой статье Бердяев был более сосредоточен на том, чтобы выставить Леонтьева дилетантом в науке, одиночкой во взгляде на мир и таким эстетомаморалистом, который чужд русской культуре вообще. Чтобы назвать Леонтьева в одном месте человеком Возрождения («он не был врагом тех принципов, которые были положены в основу европейской культуры, католичества, феодализма, рыцарства. Он был врагом измены этим принципам») и, соответственно, «чужестранцем», в другом месте типично русским избалованным барином-аристократом, а в третьем месте и вовсе не русским, а турком, ввиду «прирождённого многожёнства», Бердяев опускается до мелкого, гаденького копания в личной жизни Леонтьева, вначале уличая его в изменах жене-гречанке с проститутками-турчанками, обвиняя его в душевной болезни жены (это в середине 1920-х, когда эндогенное происхождение психозов стало консенсусом мировой психиатрии), а затем описывая его телесный недуг таким образом, чтобы придать ему черты позднего сифилиса (Леонтьев болел, скорее всего, аутоиммунным воспалением кишечника, ныне известным как болезнь Крона).

Даже свой тезис о том, что Леонтьев, испытавший религиозное откровение и умерший в монастыре, «стал православным, но не мог стать христианином», Бердяев выводит из половой жизни — и ни-

Бердяев занят защитой драгоценной «софийности», которой наследие Данилевского и Леонтьева продолжает мешать. И подобно тому, как Вл. С. Соловьёв изобличал Данилевского в плагиате, он выискивает у Леонтьева черты, «непопулярные в нашем поколении»; он намеренно отделяет Леонтьева от Данилевского, настаивая на аналогии Леонтьева с Чаадаевым, вопреки несходству душ, взглядов и судеб. С тем самым Чаадаевым, о котором Данилевский в «России и Европе» писал: «Автор отчаивается в будущности своего отечества, не видя и не понимая ничего вне европеизма».

как не может обойтись без назидательного противопоставления с Вл.С. Соловьёвым: «У него была страстная, но эротически не утончённая натура. Он слишком хорошо познал Афродиту простонародную, но так и не познал Афродиты Небесной. Это имело определяющее значение для его духовной жизни, и этим отчасти нужно объяснить исключительно монашески-аскетический, суровый и безрадостный тип его религиозности. Он не искал, подобно Вл. Соловьёву, Небесной Подруги. Его эротика исключительно земная и языческая. И он сам всегда противопоставлял её своему христианству. В то время как Вл. Соловьёв связывал свою эротику со своим христианством, у К. Леонтьева нельзя найти никаких следов религиозного культа вечной женственности. Его религиозность не «софийная», если употреблять термин, который стал популярен в нашем поколении. Такое отношение К. Н. к женственному началу и к эротике определилось очень рано. И он остался таким же, когда сделался монахом».

Займись Бердяев добросовестным исследованием в сфере сравнительной психологии, он мог бы найти «слишком хорошее познание Афродиты простонародной» также у Пушкина и Огарёва, не говоря о Бодлере — большом поклоннике де Местра; по той же аналогии он

поставил бы Вл.С. Соловьёва в один ряд с Лермонтовым, находя у обоих склонность к реактивной мизогинии. По описанию К.В. Мочульского, Соловьёв «...то начинал с цинизмом говорить о женщинах и рассказывать неприличные анекдоты, то впадал в мрачность, то разражался неистовым смехом» — как раз в ожидании встречи с образом Небесной Подруги. Но Бердяев занят другим: он занят защитой драгоценной «софийности», которой наследие Данилевского и Леонтьева продолжает мешать. И подобно тому, как Вл. С. Соловьёв изобличал Данилевского в плагиате, он выискивает у Леонтьева черты, «непопулярные в нашем поколении»; он намеренно отделяет Леонтьева от Данилевского, настаивая на аналогии Леонтьева с Чаадаевым, вопреки несходству душ, взглядов и судеб. С тем самым Чаадаевым, о котором Данилевский в «России и Европе» писал: «Автор отчаивается в будущности своего отечества, не видя и не понимая ничего вне европеизма».

Притягивание Леонтьева за уши к Чаадаеву преследует две цели: одна — «подгрузка» русской мысли к де Местру; вторая — педалирование одиночества Леонтьева, дабы и заключить в итоге, что у него учиться невозможно и не нужно. Тем более что он (здесь он повторяет аргумент Соловьёва против Данилевского), дескать, ни из какой школы не вышел

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

и никакой школы после себя не оставил. Бердяев будто не замечает, что противоречит сам себе: не он ли в том же тексте пишет, что «один Ж. де Местр или один Чаадаев стоит многих профессоров-специалистов»? Опять получается: что дозволено одним дилетантам, не дозволено другим. Не он ли только что восторгался Шпенглером, не называя его классификацию «душ культур» «теориею довольно произвольной и в чистом виде совершенно неприемлемой», то есть прощая «арелигиозному» Шпенглеру то, что никак нельзя простить православным Данилевскому и Леонтьеву?

Почему де Местр, лишь в скобках названный в «московском сборнике» 1921 года, столь увлёк Бердяева пять лет спустя, что он просовывает свое почтение к этой фигуре в разные контексты по поводу и без повода? Ответ ужасно прост: с 1924 года Н.А. Бердяев проживает в Париже, и оба цитируемых текста адресованы французской аудитории. Точно так же, как самородок-историософ Шпенглер был притянут у него за уши к «популярному в нашем поколении» извращенцу-самоубийце Отто Вейнингеру, Данилевский и Леонтьев теперь притягиваются за уши к мальтузианцу де Местру.

Пройдёт ещё двенадцать лет, и популярность русского евразий-

ства заставит Н.А. Бердяева взяться, наконец, за труд, вносящий его личный подлинный вклад в историософию — «Истоки и смысл русского коммунизма». Потребность в объяснении духовного прорыва прямых последователей Данилевского и Леонтьева вынуждают его сделать два открытия - о том, что материализм Маркса опирается на идеалистические категории, и о том, что Ленин, видоизменивший его теорию, своим обликом, риторикой и энергией задевал за живое душу русского человека. Сказав «а» и «б», Бердяев не осмелится сказать «в» — о том человеке небольшого роста с изрытым оспой лицом, при входе которого в зал другим главам государств хотелось встать. Между тем К.Н. Леонтьев, допуская возможность преодоления Россией «таинственных сил» в XX веке, называл такой сценарий: «Вот разве союз социализма («грядущее рабство», по мнению либерала Спенсера) с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) — это ещё возможно».

Именно так евразийцы, очарованные вставшей на ноги Россией, поняли феномен Сталина; именно поэтому они только ему могли адресовать свои мысли об идеократии. Именно от него — и только от него —

К. Н. Леонтьев, допуская возможность преодоления Россией «таинственных сил» в XX веке, называл такой сценарий: «Вот разве союз социализма с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) — это ещё возможно». Именно так евразийцы, очарованные вставшей на ноги Россией, поняли феномен Сталина; именно поэтому они только ему могли адресовать свои мысли об идеократии. Именно от него — и только от него — можно было ожидать воплощения мечты Данилевского о создании конфедерации славянских (по Леонтьеву — восточных) государств Южной Европы.

можно было ожидать воплощения мечты Данилевского о создании конфедерации славянских (по Леонтьеву — восточных) государств Южной Европы. Уже после падения СССР проницательный американский венгр Джон Лукач, объехав бывшие страны СЭВ и увидев в них материальные и ментальные отголоски сталинской идеократической воли, написал, что Сталин не был революционером, в отличие от Ленина и Гитлера, — он был классическим консервативным самодержцем. Такие оценки высказывались и раньше (Ж. Моннеро называл сталинский СССР «самым консервативным государством на земле»; М. Саркисьянц замечал, что Сталина в предвоенных радиопередачах называли «отец и учитель», как патриарх византийский Филофей называл великого князя Московского), однако Лукач ощутил тепло остывающего мистического пламени так же, как Леонтьев ощущал след Османской империи на её останках. После этих наблюдений (в Венгрии, Словакии и Румынии) Лукач в начале «разливанной» клинтоновщины предсказал появление в Восточной Европе однопартийных авторитарных государств, а в США приход к власти палеоконсерватора (не зная о Трампе, он предсказал трампизм). Есть провидцы и в наше время.

М. Саркисьянц в своей монографии 1955 года (считавшейся на Западе «спорной») называл евразийцев прямыми продолжателями Леонтьева. Влияние его полемики переделывало души и меняло судьбы. Мотивы «ренегатства» Л.А. Тихомирова, главы заграничного комитета «Народной воли», из анархо-террористов в монархисты ставили в тупик и современников (бывшие соратники признавали, что он никого не выдал Охранному отделению), и интерпретаторов советского периода. В. Невский объяснял появление его брошюры «Почему я перестал быть революционером» общим кризисом народничества при Александре III,

спотыкаясь о вопрос о том, почему Тихомиров позже не передумал и не «влился» во всеобщий разлив в 1905-м, почему не перековался в «чернопередельца», легального марксиста или кадета. Что произвело в нём перемену — неужели только болезнь ребёнка, как это описывает Ю. Давыдов в «Глухой поре листопада»? Во-первых, ещё до этой перемены (и до болезни ребенка) Тихомиров верил в мощную и единственную (!!) оппозиционную партию, которая смела бы режим (Александра II); во-вторых, он не видел никакой пользы для России от конституции и многопартийной системы, и наконец, в-третьих, он читал К.Н. Леонтьева, точно зная, что этот человек не пишет по ведомственной инструкции, даже если (и когда) служит в ведомстве.

Для Леонтьева слово «революция» не было табуированным. Из пись-

ма к П.Е. Астахову: «Мятежи и восстания тоже не всегда имели цели либерально-демократические (ассимиляционно-революционные), а носили нередко, как всем известно, весьма реакционный характер». Из третьего письма к В.С. Соловьёву: «Насильственное, например, и удачное восстановление в современной Франции католической монархии было бы действием революционным; а новейшее потворство социалистам в Германии делом нереволюционным (делом охранительным, реакционным), потому только, что оно легальным путём исходит от самого императора». Из письма к Т.И. Филиппову: «...что-нибудь одно из трёх: или 1) особая культура, особый строй, особый быт, подчинение своему церковному единству; или 2) подчинение славянской государственности римскому папству; или 3) взять в руки крайнее революционное

движение и, ставши во главе его, — стереть с лица земли буржуазную культуру Европы».

Жертвой последнего теракта, организованного Тихомировым, был полковник Г.П. Судейкин, тайный антимонархист и конституционалист, нанимавший завербованных бывших революционеров для заказных убийств, и автор фальшивой прокламации от лица «Священной дружины», в результате которой она была окончательно дискредитирована и закрыта. В письме к Астафьеву Леонтьев называл целую серию цареубийств в Европе и Америке, совершённых реакционерами и иногда поддержанных церковью. Отечественных примеров он не приводил, но такой читатель этого письма, как Л.А. Тихомиров, мысленно продолжил бы такой ряд.

(Окончание в следующем номере)

№ 9 (107), 2022 **51**

/ Евгений ПАВЛОВ /

Обретение русскости

Россия, Запад и кризис идентичности русского интеллектуала

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

На фоне нового обострения политического противостояния России и стран Запада в очередной раз «интеллектуальная прослойка» российского общества достигла максимальной степени поляризации. Отдельная её часть занимает попросту антироссийскую позицию, желая своей стране и армии поражения. И если отбросить такую заманчиво простую и радикальную характеристику этого феномена, как «предательство», то мы вынуждены найти ему какое-то объяснение: ведь даже предательство не случается на пустом месте. Несогласие с политикой, критика власти — всё это само по себе не является чем-то ненормальным или предосудительным. Более того, критика, плюрализм мнений, вероятно, являются показателем здоровья общества. Но что кажется по-настоящему тревожным — так это неспособность ощутить себя частью своего общества и патологическая ненависть к нему, по крайней мере — к большей его части. Увы, но этот феномен мы видим собственными глазами, в том числе, наблюдая за поведением и реакциями некоторых «лидеров мнений».

Сразу стоит отметить, что выделение какой-то отдельной социальной группы вроде «интеллигенции» для рассмотрения весьма условно, хотя термин этот, несмотря на латинское происхождение, описывает реалии именно восточноевропейского и, в частности, русского социума. Собственно говоря, в большинстве других языков слово «интеллигенция» является заимствованным из русского. Принадлежность к «интеллигенции» традиционно определяется занятостью умственным трудом, а также наличием высшего образования. Однако в современной России, где свыше 30% населения имеют высшее образование, притом что само оно как таковое не является гарантией и не является императивом для нали-

чия высокого интеллекта или склонности к рефлексии, мы сталкиваемся с тем, что сегодня чётко очертить эту группу попросту невозможно. В отдельные моменты нам удобно говорить о неких «узких кругах», «креативном классе» и пр., успокаивая себя тем, что проблема касается лишь небольшой части общества. Однако стоит признать, что проблема куда шире и не ограничивается политическим демаршем нескольких десятков знаменитостей, несистемных политиков или либеральных интеллектуалов вроде Бориса Акунина. Что не менее важно, вышеупомянутый демарш — лишь реакция, ставшая результатом некоего мыслительного процесса. Ещё чаще он продиктован групповым инстинктом. Логично предположить, что занявшие ровно противоположную сторону политического спектра, в том числе известные личности, прошли тем же путём. Выводы другие, выбор другой.

На самом деле перед нами стоит глобальная проблема русской/российской идентичности, распространяющаяся на куда более широкие круги людей, чем знаменитости и условная творческая интеллигенция. Рискну сказать, что у некоторых людей реакция на этот вызов действительно проявляется в виде ощущения оторванности от судьбы страны, её прошлого и вероятного будущего. Порой — это принципиальная неспособность либо нежелание ответить на вопрос «кто я такой?» словами из нашумевшего клипа Ярослава Дронова¹. Характерная в большей степени для молодёжи и крупных городов, она имеет достаточное распространение в нашем обществе, чтобы не оставаться незамеченной.

Деградация патриотизма и размывание национальной идентичности — явление, которое характерно не только для России, но и для большинства стран старой Европы. Причинами могут быть комплекс вины, изменение демографии и социо-

культурных реалий, многие другие факторы. И тем не менее в России этот процесс протекает со своими особенностями, обусловленными её сложными отношениями с западным миром.

ЧЕРЕЗ КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ — К ОСОЗНАНИЮ СОБСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ

Ситуация интересна тем, что для России она в некотором смысле не нова. Достаточно пролистать дневники Достоевского, чтобы убедиться: противостояние «патриотов» и «либералов», «государственников» и «западников», «националистов» и «глобалистов» является продолжением кризиса идентичности русских интеллектуальных элит прошлых веков. Названия и классификация таких лагерей по убеждениям весьма условны, однако все споры ведут к одной группе вопросов: «Должна ли Россия развиваться в лоне западной цивилизации, её ценностей и норм либо идти по своему пути, даже если он предполагает конфронтацию?»; «Является ли социально-политический опыт стран Западной Европы и Северной Америки актуальным для России и применимым в России?»; Является ли Россия, в конце концов, частью Запада, либо отдельной цивилизационной сущностью?»

Вопросы эти терзают русскую «элиту» и уже в полной мере раскрываются в среде русского дворянства и интеллигенции царской России. Европейские знания и мода были «одним пакетом» восприняты верхами как эталон, а западничество в некотором смысле легло в основу современной российской государственности. Реформы Петра I, направленные на модернизацию России, адаптацию западных знаний и опыта, заложили раздел между высшим сословием и остальной частью общества, между интеллектуальной

¹ Имеется в виду вызвавшая широкий общественный резонанс песня «Я русский», автором и исполнителем которой является Ярослав Дронов (Shaman).

традицией и образом жизни, между теорией и практикой, между эталоном и повседневной реальностью.

Эта пропасть со временем увеличивалась. Уже в XIX веке значительная часть представителей высшего сословия и нарождающейся интеллигенции пыталась найти путь назад, нащупать свою идентичность через поиск своей «русскости». Именно ощущение оторванности от народа стало подлинной трагедией русских интеллектуалов. В период окончательного оформления европейских национальных государств чувство отделённости от большей части социума дезориентировало частично вестернизированную высшую прослойку в России и подталкивало её к изучению так называемого «глубинного народа». Романтические объёмные образы русского человека с оттенками некоей былинности развиваются даже в реалистических литературных произведениях — это и Платон Каратаев у Толстого, и «праведники» Лескова. В живописи образы русской жизни доминируют у Венецианова, Федотова, художников-передвижников. Во второй половине XIX — начале XX века формируются и каноны русской народной музыки, народного костюма, развивается «русский стиль» в архитектуре, книжной иллюстрации и оформительском искусстве, в полной мере отражённый в русском модерне. Процесс конструирования «русскости» имел много общего с процессами конструирования национальных идентичностей в Европе, протекавшими примерно в то же время, однако он обладал своей спецификой. В нём воображение, творчество и национальная гордость причудливо переплелись с попытками осознания собственной природы, потерянностью и даже определёнными комплексами, связанными с необходимостью параллельно соотносить себя с Европой.

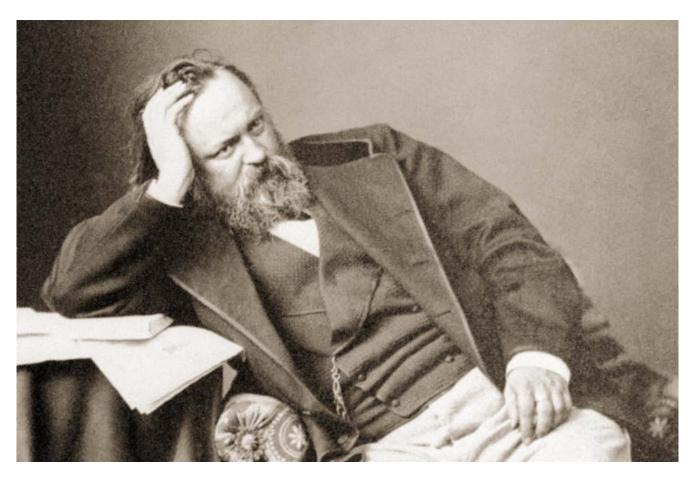
В общественно-политическом поле воплощением этого процесса стало народничество во всех его проявлениях. Общая идея сближения элиты с народом предполагала разные стратегии, в зависимости от установок инициаторов этого движения в сторону народа. Эти установки варьировались от идеализации «народных начал» до презрительной критики народной «косности и невежества» и желания вытянуть народ из этого состояния; от стремления вернуться к истокам и найти гармонию в общинном устройстве до желания сбросить оковы и высвободить народную энергию для разрушения основ и иерархии общества. В зависимости от намерений и убеждений одни шли у народа учиться, другие же шли, чтобы его учить.

Общая идея сближения элиты с народом предполагала разные стратегии, в зависимости от установок инициаторов этого движения в сторону народа. Эти установки варьировались от идеализации «народных начал» до презрительной критики народной «косности и невежества» и желания вытянуть народ из этого состояния; от стремления вернуться к истокам и найти гармонию в общинном устройстве до желания сбросить оковы и высвободить народную энергию для разрушения основ и иерархии общества. В зависимости от намерений и убеждений одни шли у народа учиться, другие же шли, чтобы его учить.

Русский народ в сознании многих русских интеллектуалов окончательно оформился как некая мистическая, загадочная и непостижимая сущность, которая могла быть как источником зла, так и спасения. Желание понять народ, описать его свойства и ценности лежит и в основе теории официальной народности с её девизом «Православие, Самодержавие, Народность», антитезисом к французскому Liberté, Égalité, Fraternité.

Одновременно с этим шёл поиск предназначения русской нации в мире. География Российской империи предопределяла её активное участие в европейских делах. Исследование транснациональной панславистской идеи и оживление отголосков концепции Третьего Рима во многом направляло российскую политику на европейском театре, в частности в её войнах с Османской империей и политикой на Балканах. Однако уже в упоре на православие был заложен конфликт с оркестром европейских держав, чьи корни уходят ещё к разграблению Константинополя в 1204 г. и походам крестоносцев на русские земли. Парадоксально, но при этом Россия всеми своими политическими, военными и интеллектуальными силами была буквально устремлена в Европу. Безусловно, пожинать плоды европейской культуры и учёности, вести беседы в парижских салонах и говорить с европейскими интеллектуалами на одном языке (буквально и фигурально) могли лишь сливки российского общества. Но траектория развития страны всегда коррелирует с устремлениями элит.

Отношение многих русских интеллектуалов XIX века как к России, так и к русскому народу представляло собой причудливую смесь любви и ненависти. Вместе с тем примерно тот же коктейль чувств был направлен и к Европе, одновременно родной и совершенно чужой. Эта черта весьма заметна у Тургенева, который неоднократно «сбегал» в Европу от цензуры, крепостного права и всего того, что он презирал

на родине. В своем письме в Россию в конце 1857 г. он подчёркивает, насколько «несчастливой» стала его поездка. Затем в двух соседствующих друг с другом абзацах ему удаётся уместить и критику России, и надежду на реформы, тоску по дому, и граничащее с грустью и одиночеством восхищение перед римскими древностями:

«Ленив и неповоротлив русский человек — и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда — великое слово! — поднимет и этого медведя из берлоги. Не дождусь я мая... в мае я вернусь к себе в деревню.

А между тем мне здесь хорошо. Вы никогда здесь не были? Что за удивительный город! Вчера я более часа бродил по развалинам Дворца Цезарей — и проникся весь каким-то эпи-

ческим чувством; эта бессмертная красота кругом, и ничтожность всего земного, и в самой ничтожности величие— что-то глубоко грустное, и примиряющее, и поднимающее душу...»²

ЕВРОПА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА

Очарованность Европой, породившая российское западничество, вступала в головах русских интеллектуалов в конфликт с реальностью политического противостояния России и Европы и культурным неприятием России в Европе. Видя в Европе своего учителя, жёстко критикуя российские реалии, крепостное право, самодержавие, они наталкивались на презрение, недоверие и непонимание со стороны «учителей».

Об этом пишет Достоевский в своих дневниках, весьма точно подмечая один парадокс. Согласно Достоевскому, те русские, которые гордились своим западничеством и называли своих российских оппонентов «квасниками», за рубежом «становились самыми ярыми отрицателями Европы» и «защитниками Руси». Достоевский объясняет этот феномен тем, что русские изначально не приняли европейскую культуру, а потому подсознательно противились ей, вернее, всему дурному, что в ней есть, чувствуя некую высшую ценность в своей собственной подавленной русской культуре. Не отрицая этот вывод, можно сказать и то, что такая реакция также вызвана глубокой обидой на европейцев, которые «не признают нас принадлежащими к «цивилизации»». Эта обида скво-

№ 9 (107), 2022 **55**

² Из письма И.С. Тургенева Е.Е. Ламберт. 22 декабря 1857 года (3 января 1858 года). // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах. Том третий. Письма (1855–1858). Издание второе, исправленное и дополненное. М., «Наука», 1987.

зит у Пушкина в его «Клеветникам России», равно как и у Блока в его «Скифах», она пронизывает военно-политические и творческие круги России после Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, накануне Первой мировой.

В то же время именно в периоды столкновений с Европой либо эмиграции ощущение своей русскости и единения с народом у русских интеллектуалов, как правило, достигает максимального накала. Что это — «игра от стенки», позволяющая сконструировать свою идентичность через конфликт? Либо война, эмиграция — это лишь механизм актуализации русского культурного кода? Второе вероятнее, чем первое.

Справедливо будет отметить, что война приводит к психологической мобилизации любого общества в целом. Периоды борьбы с внешним противником либо оторванности от своего социума заостряют внимание на различиях, отводя другие мысли на задний план. Однако являются ли осознаваемые русскими во втором случае различия с европейцами чем-то большим, чем то, что англосакс чувствует во Франции, а, скажем, испанец — в Швеции? Иными словами, является ли Россия той самой отдельной цивилизационной сущностью, неизбежно сталкивающейся с соседней западноевропейской? Здесь мы вновь подходим вплотную к цивилизационной теории. Россия, в составе славянского или православного мира, часто выделяется в отдельный тип, будь то классификация культурно-исторических типов Данилевского или типология цивилизаций Хантингтона. Однако едва ли не более важно то, как российское общество, в особенности его наиболее подверженная рефлексии часть, соотносит себя с внешним миром. На протяжении последних столетий русские интеллектуалы воспринимали Европу как некую единую цивилизацию, сравнивая себя с ней. И если здоровый национализм подразумевает полушутливый взгляд на соседей сверху вниз, как это часто бы-

вает в отношениях отдельных стран той же Европы, то для российских элит часто был характерен взгляд на Европу снизу вверх, по принципу отношений старательного ученика и учителя. Такая же картина характерна и для стран Восточной Европы по отношению к Западной. Противоположной реакцией является отторжение «Европы» и несомых ей начал, полное либо частичное их осуждение вкупе с попыткой вернуться к неким доевропейским истокам.

Обе такие реакции элит, по терминологии Тойнби, попадают под определения «иродианства» и «зелотизма». Обе они бесперспективны для развития нации как отдельной культуры.

Эпоха правления Александра III и Николая II с её косметическими мерами по степени радикальности попросту не сравнима с самоизоляцией Японии в XVII-XIX вв., Ираном после Исламской революции или другими схожими примерами. Более того, уже упомянутое движение в направлении «изобретения русскости», достигнувшее расцвета в конце XIX — начале XX века, имело яркий созидательный характер, способствовавший культурному развитию и применению творческих сил. По сути же своей политика и самосознание российских элит оставались «иродианскими». Однако консервативный поворот, архаизация ценностей, попытка сохранения самодержавия и старых устоев, которые не отвечали тенденциям развития общества, во многом предопределили катаклизмы начала ХХ в. Принятие же элитой и распространение «агрессивной культуры» (в данном случае — западноевропейской) — процесс, активно запущенный Петром I, — несмотря на впечатляющие успехи и расцвет империи, в перспективе привёл к отделению элит от народа и потере управления кораблём.

Есть и третий путь, касающийся поведения личности. Вступивший на него человек делает выбор стать носителем «агрессивной культуры», в нашем случае - «европейцем», порывая свои связи с Россией. Этот феномен, который отражает поведение определённой группы наших соотечественников в современности, тоже был описан Достоевским. В своём дневнике он сравнивает «левого», либерального «европейца» Белинского и «правого» князя Гагарина, перешедшего в католичество. Если первый, по словам Достоевского, будучи западником, по-своему отрицал Европу и остался русским, второй относился к тем, кто «теряли последнее русское чутьё своё, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину». Достоевский считает, что русский человек не может «обратиться в европейца серьёзного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским». Кстати говоря, именно этот пример Достоевский приводит для обоснования того, что Россия «есть нечто совсем самостоятельное и особое, на Европу совсем не похожее и само по себе серьёзное».

ПАРАДОКСЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Возможно, это кому-то покажется спорным, но СССР всё так же был одержим Европой в широком смысле. На первых порах Россия и вовсе воспринималась советскими идеологами коммунизма и Коминтерном как плацдарм для наступления и осуществления мировой революции.

Более того, преломлённые в поле русской культуры, идеи всё же были «импортными». Соревнование государственнического и глобального революционного начал вообще является характерной дихотомией советской политики на протяжении всего существования страны. Что касается «одержимости Европой» на государственном уровне, то она своеобразно проявлялась в противостоянии Западу, подразумевавшем бесконечное сравнение и соревнование. Взаимное влияние двух лагерей во время холодной войны друг на друга вообще заслуживает отдельного изучения. Но в данном случае нас интересует то, как это отразилось на национальной идентичности в России.

СССР был одновременно явлением очень русским и совсем нерусским. Революция, установление советского строя, несмотря на всю неоднозначность периода, действительно высвободили колоссальную энергию народных сил и привели к своего рода «переизданию русскости» с упором на то, что теперь управление действительно осуществлялось на народных началах. В то же время СССР усиленно работал над сломом традиции и тех самых начал, прежде всего духовных, которые воспевали почвенники и государственники в Российской империи. Побочной целью, которую достаточно успешно реализовали большевики, было и уничтожение на классовом уровне элит, ассоциировавшихся со старым строем. Парадокс заключается в том, что, сделав доступными для масс образование и «высокую» культуру, которые являются той пуповиной, которая соединяет Россию с европейской цивилизацией, большевики в перспективе существенно расширили и социальную базу тех, кому передались интеллектуальные вызовы и рефлексия, до этого свойственные лишь достаточно узкой прослойке элит дореволюционного периода. Немалую роль сыграла и физическая отрезанность усреднённого советского интеллигента от Запада в период холодной войны. Воображение человека, подпитывавшееся отсутствием веры в транслируемую идеологию, не высвобожденной энергией, потребительским голодом, при мыслях о Западе по вполне понятным причинам могло рисовать «молочные реки и кисельные берега». Гуманитарные дисциплины, в частности, философия, филология, история стали пристанищем многих разочарованных реальностью рефлексирующих людей, предпринимавших то, что в психологии называется «внутренней эмиграцией». В результате оппозиционный настрой с ещё большей силой, чем это было у русских интеллектуалов в Российской империи, сочетался с духовным стремлением на Запад, а культурная идентичность носителей этих взглядов стала максимально удалена от национальной.

Не менее важным фактором стала попытка создания новой советской идентичности. Несмотря на то что во многом эта попытка удалась, никакой незавершённый эксперимент не может считаться по-настоящему успешным. Более того, строительство советской

Именно в периоды столкновений с Европой либо эмиграции ощущение своей русскости и единения с народом у русских интеллектуалов, как правило, достигает максимального накала. Что это — «игра от стенки», позволяющая сконструировать свою идентичность через конфликт? Либо война, эмиграция — это лишь механизм актуализации русского культурного кода? Второе вероятнее, чем первое.

идентичности проводилось крайне непоследовательно в силу особенностей национальной политики в СССР. Недюжинные усилия, направленные на конструирование национальных идентичностей в республиках СССР, наложенные на федеративное территориальное устройство, крайне заострили и усложнили вопросы создания общей идентичности. Причём проявились эти проблемы в полной мере в момент и даже после развала СССР. Обращаясь к этой проблеме, Владимир Путин в 2016 г. назвал ленинскую политику автономизации «атомной бомбой, заложенной под здание, которое называется Россией».

Если большинство бывших советских республик с большим или меньшим успехом пошли по пути строительства национальных государств, Российская Федерация шагнула в будущее, неся «бремя многонациональности». И несмотря на то, что Россия действительно является государством полиэтническим и мультикультурным, что лишь подчёркивает её национальное богатство, вопрос этнической принадлежности в ней приобрёл искусственно утрированное значение. В СССР под «национальностью» подразумевалось то, что в большинстве стран мира называется «этнической принадлежностью», и в удостоверениях личности других стран она, как правило, не указывается (одним исключением является КНР, где национальная политика проводилась по «заветам Ильича»). Чтобы в графе «национальность» привыкнуть писать «Российская Федерация», гражданам России потребовалось некоторое время. С развалом СССР в полной мере проявилась и унаследованная от советской национальной политики маргинализация термина «русский». «Русская» идентичность, задвинутая на задний план «советской», на момент развала СССР единственная не имела своего дома и границ. Миллионы же людей, считающих себя русскими, оказались разбросаны по осколкам некогда единой страны и стали неудобным довеском к национальным государствам, появившимся на территории бывшего СССР. На фоне краха общего государства, волны отрицания и критики советского периода, глобальной смены парадигмы определение «русский» начало восприниматься как отягощение и многими гражданами России. Открывшиеся границы, программы репатриации, запущенные рядом государств, ассоциировавшиеся с новыми возможностями и обретением новой (в глазах многих — более привлекательной) идентичности, способствовали расщеплению национальной идентичности в России и ещё больше усилили фактор «этничности» в сознании россиян. Забавно то, что многие эмигранты из СССР, оказываясь за рубежом, столкнулись с тем, что там их, вне зависимости от этнического происхождения, считали русскими.

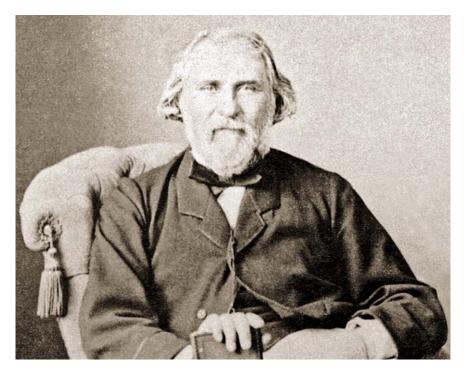
Россия объективно до сих пор не смогла предложить сама себе уверенную модель и траекторию развития. И если мы не согласны на вариант культурной ассимиляции, то стоит признать, что данность политического противостояния с Западом, сопротивления однополярному миру недостаточна для устойчивого развития в качестве самобытной культуры и нации. Более того, положительный исход такого противостояния сомнителен, если страна не определилась с тем, что ей, собственно, нужно.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

В то же время соотнесение России с Европой и в целом с Западом вовсе не пропало из интеллектуальной дискуссии в России. Более того, на фоне коллапса государственности в 1990-е и острого кризиса идентичности дискуссия эта стала ещё более актуальной и ожесточённой. Советский интеллигент, как правило, находился в пассивной оппозиции к советскому строю, а потому взгляд его был прикован к Западу. Однако расхождение в оценках влияния и роли Запада привело к тому, что в постсоветской России среда эта породила как аколитов либерализма и западных ценностей, настаивающих в той или иной мере на подчинении или приобщении России к Западу, так и консерваторов, националистов и сторонников культурного и политического реванша.

Что характерно, многие интеллектуалы, сразу или постепенно ставшие на антизападные и государственнические позиции, вне зависимости от своих корней, акцентировали свою «русскость», рискуя быть обвинёнными в ультранационализме. Иными словами, для части российских интеллектуалов потрясения конца XX века стали механизмом актуализации культурного кода или осознания своей культурной самости. В то же время некоторая часть их «оппонентов» предпочла «сменить идентичность» и отмежеваться от российского общества.

Практически любой российский интеллектуал по определению продолжает быть очарованным Западом, переживая как притяжение к нему, так и отрицание. Однако если Достоевский указывает на то, что русский западник его эпохи на Западе воспринимается как революционер и примыкает к «крайне левым», то теперь, в наше время, он, напротив, ощущает себя там консерватором. Окончание советской эпохи в России на фоне дискуссий по поводу советского прошлого и волны отрицания этого

периода характеризуется кратким всплеском ностальгии по досоветскому периоду, романтизированными представлениями о монархии, дореволюционном быте. После разрушения стен, отделявших его от Запада, русский интеллектуал надеялся найти в открывшемся ему мире то, что он ощущал потерянным, отнятым у него, восстановить некую связь. Однако, ожидая встречи с «Аббатством Даунтон», он столкнулся там с «прогрессивной повесткой» и совершенно иными ценностями, тенденциями и проблемами, чем ожидал. Многих ожидало разочарование и новая волна отрицания, но уже на консервативных началах. Весьма характерно, что консерваторы в Европе и Северной Америке сейчас во многом находятся в контркультуре. В связи с этим интересна оценка популярного канадского интеллектуала Джордана Питерсона относительно текущего противостояния между Россией и Западом, которое он в недавнем своем размышлении оценивает как «гражданскую войну на Западе» (The Civil War in the West). В его понимании текущий конфликт не ограничивается политическими или экономическими факторами, но несёт в себе культурное и ценностное противостояние

внутри одной цивилизации, куда он включает и Россию, противящуюся «дегенеративной» культуре.

Раздумья о культурной, национальной или цивилизационной идентичности так или иначе приводят нас к вопросу о движении вперёд. Россия объективно до сих пор не смогла предложить сама себе уверенную модель и траекторию развития. И если мы не согласны на вариант культурной ассимиляции, то стоит признать, что данность политического противостояния с Западом, сопротивления однополярному миру недостаточна для устойчивого развития в качестве самобытной культуры и нации. Более того, положительный исход такого противостояния сомнителен, если страна не определилась с тем, что ей, собственно, нужно. Современные русские интеллектуалы в качестве вариантов реакции на этот вызов предлагают два основных пути. Один из них, экспансионистский, условно евразийско-имперский. Однако такой путь наталкивается на вопрос о том, какое ценностное содержание и альтернативную повестку может предложить Россия помимо отрицания. Иными словами, остались ли в России достаточные внутренние творческие силы, оригинальность, которые позволят ей вырасти в «евразийскую» величину или влиться в нечто большее, чем она является сама по себе? Является ли она носителем таких ценностей, которые могут быть приняты не только ей самой, но и другими? Готова ли она отказаться от одновременно национализма и западничества и сама раствориться в некоем более широком культурном поле, придав ему новую динамику развития?

Другой путь сводится к движению к национальному государству, охранению того, что естественным образом тяготеет к России и не проявляет центробежных тенденций. Этот путь отнюдь не обязательно подразумевает фиксацию на этничности и реализуем в полиэтническом государстве, однако он подразумевает реальные усилия по строительству нации и оставляет открытым вопрос об идейном наполнении и содержании этого проекта. Создание одного дома и одной идентичности для многих народов и культур — задача не из лёгких, и Россией этот путь ещё далеко не пройден.

Как бы то ни было, решающую роль будет играть способность или неспособность России к производству смыслов. Практика обращения к прошлому и к архаичным штампам не способна полностью удовлетворить духовные потребности общества. Примирение с прошлым и его принятие в качестве неотъемлемой части самости необходимо, без него невозможно движение вперёд. Однако жизнеспособной нации или культуре необходим образ настоящего и хотя бы набросок будущего. И здесь мы можем понадеяться лишь на ум и творческую силу нашего человека, его способность понять себя и принять. Текущая ситуация не оставляет ему долгого времени на раздумья, с самоидентификацией придётся ускориться.

Через примирение с прошлым и актуализацию себя в настоящем — к проектному будущему. Где-то на этом пути и отыщется место органичной русской идентичности.

/ Михаил EPMOЛAEB¹/

Страсти Запада и Мы

1 Михаил ЕРМОЛАЕВ — писатель, философ, журналист, автор книг «Среди ясного неба», «Философские кляксы». В публикуемом эссе представлены отрывки из его новой книги, раскрывающей содержание семи основных черт (страстей) построенной Западом цивилизации.

аш мир меняется так бурно, что всё острее встаёт вопрос: куда мы несёмся, точно ли движемся в правильном направлении? Запад навязал миру уклад, где судьбы добрых людей вершатся недобрыми. Где одни умирают от безделья, а другие — от отсутствия питьевой воды, где «все усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующих» (Лев Толстой. «Трудолюбие, или торжество земледельца»). Тех, кто, изощрившись в политических и военных подлостях, обирает целые народы, кто провоцирует и проплачивает бойни, где люди гибнут уже не сотнями и тысячами, как раньше, а миллионами, мы называем цивилизованными. Демократия оказалась вульгарным оправданием агрессии, свобода — слабостей и пороков.

Этот странный порядок вещей так старательно поддерживается в современном информационном поле, что невольно задаёшься вопросом: не пришло ли время это поле перепахать? Не пора ли стряхнуть с себя пепел пропаганды, перестать принимать пороки за достоинства, а преступления за милые шалости? Не пора ли прекратить свой путь в недоЗапад, перестать быть полубеременными, немножко святыми, немножко бесноватыми? Нам достаточно своих страстей и пороков, чтобы цеплять ещё и соседские, если мы не будем от них дистанцироваться, они тоже станут нашими.

Мы знаем перехваленный западный мир как добро, но очень плохо знаем как зло. Нарисовать критический портрет Запада, воссоздать характерно его духовную стихию и раскрыть его истинные страсти — вот задача, крайне актуальная в эпоху очищения, в эпоху нового самопроизнесения. Чёткое понимание того, почему не стоит становиться Западом, что из их мировоззренческого пространства нам хорошо бы не пускать в своё — вопрос гигиены души, непременное условие душевного равновесия и в конечном итоге успеха.

По-настоящему успешный человек опирается на положительные образы своего, питается духовно из тех источников, которые именно ему, конкретно и лично, любезно предоставлены Богом.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ СЛОВА

Согласно Аристотелю, в основе любой ораторской речи должно лежать понятие о благе. Однако с тех давних пор общество вряд ли стало совершеннее, а значит, нацеленность на благо не превратилось в гарантию эффективности: споры по-прежнему могут выигрывать люди непорядочные, а у них свои гарантии результативности. От самого этого факта можно прийти в отчаяние, если не попытаться найти выход, пусть не для мира, хотя бы для самого себя. Этот выход существует, мало того, когда-то он был массово очевидным, если, конечно, мы хоть немного представляем себе человека прошлого. Даже сейчас в той или иной степени люди уповают на такой, кажется, спорный источник знаний о мире, как откровение души. Ведь уверенно сказанная самому себе фраза: «Я прав», — в конечном счёте всё и решает. Или точнее: «Я согласен с самим собой». Привычка спрашивать себя: «Достаточно ли я искренен, точно ли я в данную секунду себе не лгу?» — нормальная духовная практика. Внутренняя гармония предполагает знак равенства

между тем, что человек произносит, и тем, что действительно считает правдой. И это не просто «мировоззренческие пристрастия» — люди интуитивно чувствуют, настолько от искренности слова зависит само мироздание. Как будто слово имеет не просто значение, но некую духовную функцию, и изменить слову — не просто грешок, а настоящее разрушение мира: если слово в нём больше не обладает великой сакральной силой, то и жить не стоит. Сегодня мы уже с любопытством и даже недоумением слушаем рассказы о том, как трепетно относились люди прошлого к слову. Чтобы сдержать клятву, средневековые рыцари из дошедших до нас романов готовы были расстаться с жизнью. Причём было не важно, узнает ли хоть кто-нибудь, ради чего герой погиб: слово должно работать честно, это условие чистоты души. Наши предки предпочитали обращаться за советом, как дальше жить, не в суды, а к старейшинам и старцам. Впрочем, последние понимали, что любое произнесённое слово таит в себе опасность лжи, а значит, преступления против главного смысла против Бога. И становились молчальниками. Подвижники, исповедники были готовы принять мученическую смерть, но не отречься от веры даже «на словах», когда грозит смертельная опасность: слово, данное Богу, существенно важнее жизни. Как к святыне относились к слову великие поэты.

Наш мир меняется так бурно, что всё острее встаёт вопрос: куда мы несёмся, точно ли движемся в правильном направлении? Не пора ли стряхнуть с себя пепел пропаганды, перестать принимать пороки за достоинства, а преступления за милые шалости? Не пора ли прекратить свой путь в недоЗапад, перестать быть полубеременными, немножко святыми, немножко бесноватыми? Нам достаточно своих страстей и пороков, чтобы цеплять ещё и соседские, если мы не будем от них дистанцироваться, они тоже станут нашими.

Когда всё подчиняется частным прагматическим интересам, то и слово становится инструментом для достижения цели, а не истины. То есть истина сминается целью. И тогда уже не важно, что мы доказываем, важно, чтобы это было доказано. И уже не существует обязательной связи между тем, что мы говорим, и тем, что есть на самом деле, или хотя бы тем, что искренне кажется. Истину больше не жалко, её запросто можно переформатировать, подсунуть заведомую ложь.

Крепкое купеческое слово в России ценилось выше законов и контрактов, да и сейчас мы не совсем ещё отошли от этого принципа.

Торговля, дипломатия, судебные процедуры, да и просто управление в наше время окончательно потеряли интерес к соображениям духовного свойства. Речь в них строится по другим законам, и цель специфическая: не столько добиться блага, сколько победить. Всевозможные хитрые способы «завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей». Законы конкуренции, принципы «все вокруг — враги», «всё лучшее — для меня» и подобные им становятся всё более всеобщими, и это кардинально меняет отношение к слову. Неискренность уже не только не осуждается, наоборот, является обязательным условием профессионального роста. Мы стали массово изучать то, что когда-то называли «софистическими опровержениями», или попросту уловками. Но что ещё важнее — мы начали активнее использовать их в быту, сильнее ими заражаться. Искреннее слово стало казаться чем-то праздным, малополезным и некомфортным (вроде собирания марок — хобби для бездельников), а жаркий, самоотверженный спор «во имя истины» — вообще неприличным. «Да стоит ли вообще стремиться к истине? — проворчит современный «продвинутый» человек. — Кто сказал и в каком парламенте узаконил, что утверждение должно совпадать с истиной, что их нельзя друг от друга отделять? Романтично, конечно, но совсем не практично».

И действительно, у современного человека есть дела поважнее.

Как рассматривать слово в этой бесконечной интеллектуальной суматохе? Можно как забаву, способ расслабления, - вот оно уже стремится к тому, чтобы как можно меньше раздражать, задевать ранимые умственные рецепторы. Или как служебное приспособление — говори то, что принято думать в твоём кругу. Исходи не из уверенности, что ты прав, а из целесообразности. Не стоит особо рефлексировать: возьми первое попавшееся с доступного склада готовой продукции и пользуй по назначению. Как на работе: говоришь о корпорации — исходи из интересов корпорации, говоришь о продаваемом товаре — верь в товар. Вы спросите, как можно верить в товар? Да просто поставьте вопрос иначе: не как, а зачем. Вместо честного созерцания мира разуму просто надо отправиться за покупками.

Когда всё подчиняется частным прагматическим интересам, то и слово становится инструментом для достижения цели, а не истины. То есть истина сминается целью. И тогда уже не важно, что мы доказываем, важно, чтобы это было доказано. И уже не существует обязательной связи между тем, что мы говорим, и тем, что есть на самом деле, или хотя бы тем, что искренне кажется. Истину больше не жалко, её запросто можно переформатировать, подсунуть заведомую ложь. Сокращение пути от слова до цели, минуя истину, - это как если бы мы ехали на важную деловую встречу на танке, прорываясь через тротуар и детскую площадку, ломая деревья, сбивая людей, лишь бы только успеть. «Он не плохой человек, — заступится сторонник идеи успеха, — просто очень торопится, вот и сметает всё на своём пути». «А это не одно и то же?» — такой смешной вопрос вряд ли будет услышан адептами прибыли. Ведь они из поколения в поколение приучаются к мысли, что на пути к материальной победе можно жертвовать всем на свете. Тем более какой-то там истиной.

ПОГРУЖЕНИЕ В ИЛЛЮЗИЮ

Современный человек становится всё более виртуальным, всё дальше отходит от привычки вглядываться в суть явлений, суть жизни, суть понятий. Целенаправленное погружение в иллюзии, во включаемые и выключаемые мысли и чувства о мире освобождает человека от необходимости познавать самого себя, а значит, и от способности к этому. Виртуальному человеку не нужен он сам, ему, как в компьютерной игре, нужна быстрая подсказка, кнопка, с помощью которой он может включать и выключать искомого себя.

Если полученный факт или образ не соответствует живому личному опыту, обычный человек отмахнётся от него, как от чего-то не стоящего внимания. Но только не человек виртуального мира. Вопреки очевидности этот мир вызывает у него больше энтузиазма по сравнению с жизненным опытом. Это освобождает от многих «хлопот», и в первую очередь — от необходимости реально развивать в себе те или иные качества. Видимость — вот высокая цель, эффективный подлог — вот удача.

Стал ли человек от этого свободнее? Наоборот, нами стало проще манипулировать. Когда вглядываться в наличное содержание предмета незачем, как и опираться на собственный опыт, мы всё больше делегируем сознание фантомам. Иллюзия заменяет содержание и в итоге убивает его. Но этого не жалко, ведь цель опреде-

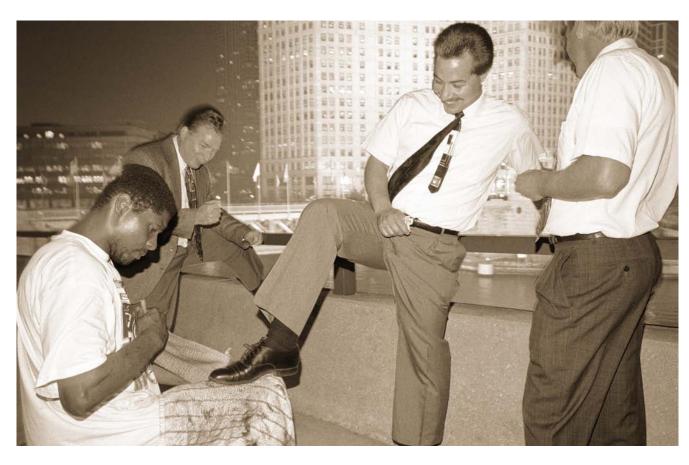
лилась иначе, и нужен не сам предмет, а его виртуальное исполнение.

Виртуальным человеком, погружённым в иллюзии, легко управлять, на него нужно просто грамотно расставить словесные ловушки. Не только «демократия», но и масса других словечек из западного арсенала — «свободный рынок», «свобода слова», «тайна вкладов», «права человека» ничего особо не значат, просто вызывают определённый рефлекс, как лампочка у собаки Павлова, английские buzz word, слова-вывески, «звоночки». «Мы исходим из той самоочевидной истины, — говорится в американской «Декларации независимости», что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Хорошие слова, но только сказаны они рабовладельцем Томасом Джефферсоном. Уже тогда хозяева лозунгов хорошо знали цену всем так называемым «правам» и «свободам». С годами эти люди всё меньше имеют в виду то, что заложено

в определениях, всё легче жонглируют понятиями, всё циничнее меняют местами коммунизм и фашизм, права человека и человеконенавистничество, преследуя свои прагматические цели, последовательно проплачивают противоположные по целям идеологии, понимая, что они должны быстро менять друг друга, играть на разных душевных клавишах: то либеральных, то патриотических, то религиозных, то семейно-родовых. Красивые лозунги про задачи высшего порядка стали оправданием для самых отвратительных решений на земле. С ними на устах сбрасывают атомные бомбы, развязывают войны, сливают национальные богатства в транснациональные компании, сбывают не прошедшие проверку лекарства бедным странам и так далее, до бесконечности. Если цель не борьба со злом, а прикрытие зла, если ценности ценны лишь своими внешними оболочками, то и преступления совершаются как бы не против людей, а против иллюзий. В качестве доказательства того, что в Ираке есть химическое

оружие, достаточно потрясти с трибуны колбочкой с белым порошком.

Переформатированное сознание ни за что не признается себе в том, что оно управляемо, стандартизировано, выстроено по лекалу — оно получает все необходимые доказательства обратного. Виртуальный человек убеждён, что его суждения верны, даже если никогда не находил им подтверждения и не может их обосновать. Чувство собственной неповторимости виртуальный человек получает ни за что, без каких бы то ни было оснований. Настоящая индивидуальность иллюзорному миру и не нужна, она даже вредна, поскольку по общему замыслу все должны находиться в одной и той же парадигме, существовать исключительно по её правилам; в компьютерной игре ведь не может быть личностей, там все фишки, которым иногда только льстят, что они личности. Информационная эпоха показала, что можно, заставив людей носить, говорить и думать одно и то же, сделав из людей копии, тем не менее внушить им, что они

неповторимы. Когда стандартное кажется результатом свободного выбора — это высший пилотаж манипулирования, наиболее совершенная форма подчинения. Люди, теряющие чувство реальности, проще попадают в ловушки, хоть идеологические, хоть финансовые, хоть духовные.

Запад пытается убедить всех на свете, что свобода — это про него; он рассыпал по миру огромное количество соответствующих указателей. В реальности «свободное общество» вовсе не предполагает свободу, это лозунг, но никак не принцип. Запад давно понял: невозможно, да и не нужно реализовывать принцип свободы, даже если ты его заявил, однако есть необходимость продолжать заявлять. Как и в случае с индивидуальностью, самое главное — чтобы казалось, что она есть. Блокируй всё, что может потащить к настоящей свободе, оставляй только яркие, убедительные картинки свободы, понятные сигналы с хорошим визуальным подкреплением. Общественные туалеты без дверей и писсуары прямо на площади — то, что надо. Целующиеся парочки на улицах прекрасно, но уже недостаточно: пусть целуются однополые парочки. Хочешь спариваться с крокодилами? Прекрасно, мы придумаем, как тебе облегчить путь к любимому. Иллюзию свободы поддерживает иллюзия прогресса свободы, и чем больше сексуальных новшеств входит в практику половых отношений, тем человек как бы свободнее — это теперь тренд, не отставай, не ленись! Мы ещё не раз удивимся «открытиям» в этой области. Общество, называющее себя свободным, точнее назвать пребывающим в иллюзии свободы и в реалиях рабства: люди не владеют темой свободы, а только грезят о ней и принимают за реальность свои грёзы.

Вот как писал об этом Андрей Тарковский: «современное человечество, борясь за свободу, требует личного освобождения, то есть возможностей для личности делать всё, что ей заблагорассудится. Но это иллюзия

освобождения, и на этом пути человечество поджидают лишь новые разочарования... Опыт Запада даёт в этом смысле богатейший материал для раздумий. Существуют несомненные демократические свободы Запада, притом что всем очевиден чудовищный духовный кризис, переживаемый его «свободными» гражданами. В чём дело?.. Думаю, что опыт Запада свидетельствует о том, что пользоваться свободой как данностью, как водой из ручья, не платя за это ни копейки, не совершая над собою никаких духовных усилий, означает невозможность для человека воспользоваться благами этой свободы...» («Запечатлённое время»).

Западные «свободы» — способ отвлечь человека от внутренней несвободы: не стоит продвигаться в глубину, лучше болтаться на поверхности, плыть куда угодно, куда глаза глядят, не ориентируясь ни на что. Тогда порывом ветра и течением вас унесёт куда «положено». Рабство и свобода в устах западных правителей — не более чем способ манипуляции, ловушки для электората, чтобы лучше усваивал, кто хороший, а кто плохой.

Лозунг свободы в устах Запада — всего лишь прикрытие, в реальности он называет свободой право выбора

из того, что сам навязывает, а несвободой — право выбора из того, что навязывать невыгодно. За мифологией свободы это общество скрывает жесточайший идеологический и духовный тоталитаризм.

Проявлениями свободы решили считать всё, что пропагандирует индивидуализм, захватничество, национальное чванство. И при этом ввели запреты не только на конкретные взгляды, но даже на отдельные слова, что в свободном обществе было бы невозможно. В сознании западных людей шуруют так, как не снилось ни одному тоталитарному обществу. Наши профессора, которые ездят читать лекции и на Запад, и на Восток, давно заметили, что восточные люди гораздо более гибкие, интеллектуально отзывчивые, не такие зарегламентированные и зашоренные, как люди Запада.

Запад прославил критическое мышление, но сам тихонечко вернулся к догматическому, которое научилось имитировать критическое. Вряд ли можно назвать другое человеческое сообщество, которое было бы настолько сознательно погружено в создание иллюзии о себе, чтобы целые индустрии посвящало исключительно этой задаче.

В их кинематографе внутреннюю правду, реальность давно уже вытеснила вылизанность, причёсанность, отмытость машин, то есть видимость, мишура. «Мы живём в мире, где похороны важнее покойника, где свадьба важнее любви, где внешность важнее ума. Мы живём в культуре упаковки, презирающей содержимое», — восклицал уругвайский писатель Эдуардо Галеано. Важны не искренность, а видимость искренности, не благосостояние, а видимость благосостояния, не лечение, а видимость лечения и в конечном итоге не здоровье, а видимость здоровья. Иллюзии социальной защиты, социального партнёрства и «равных возможностей» Запад поддерживает столь же рьяно, как и замшелый фейк про собственную прогрессивность, хотя в технической области там уже давно застой. Прогресс в гуманитарной области — ещё больший фантом. Но если фразёрство прогресса, что бы это ни значило, нравится всем, значит, Запад его надёжный оплот. Назначив себя «волонтёром прогресса», он умудрился оправдать и простить себе столько всего!

САМОЦЕНТРИЗМ

В понимании Запада, чтобы двигаться вперёд, надо изменить человеческие отношения, провести ревизию этики. Индивидуализм, вдохновлённый идеей социального дарвинизма, воспринимается ими как опара, на которой поднимаются настоящие достижения: «Стремление к личному успеху укрепляет свободу, создавая богатство. Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией» (Збигнев Бжезинский. «Великая шахматная доска»). В индивидуалистических обществах человеческое «я» не путь к вершине, а уже вершина, причём нипочему, просто так. Там человек зациклен на себе, на мысли о том, что он центр мироздания и правильнее всего поступать так, как удобнее ему, а не другому, думать так, как думать удобнее, а не логичнее. Нарцисс зади-

рает голову, и уже никого не замечает и ничего не понимает: «У среднего человека самые неукоснительные представления обо всём, что творится и должно твориться во вселенной. Поэтому он разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе?.. Под маркой синдикализма и фашизма впервые возникает в Европе тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю» (Хосе Ортега-и-Гассет. «Восстание масс»). Такому-то народу или отдельному человеку просто хочется считать себя эталоном, образцом, а если хочется, значит, так и есть: «Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а, напротив, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика» (Олдос Хаксли. «О дивный новый мир»).

Человек принимает решения, опираясь на многое — на традицию, на авторитет, на собственное «я», причём последнее наполняется определёнными энергиями и в каком-то смысле подчиняется их источнику. Однако для индивидуалиста такое понимание почти оскорбительно: Церковь как копилка знаний его больше не интересует, свои род, общину, страну он не готов рассматривать как источник хоть какого-то блага и уж тем более объект благодарности. Самоцентристу дашь 100 рублей, он обидится: почему не 200, дашь 200 — обидится, почему не 300. Его противоположность, скажем так, соборный человек, черты которого мы застали в человеке

советском, получит 5 рублей — и возрадуется, и будет этой свой радостью делиться: «Вот мне дали 5 рублей!» Такие же отношения и с Богом, с судьбой, с Родиной. Один скажет: «Я получил жизнь, здоровье, жильё — спасибо Тебе!» Другой: «Господи, за что, почему я не получил больше? Где мои замки-хоромы, как у Рокфеллеров, где моя физическая сила, как у Поддубного? Куда смотрела Родина, когда клала тротуарную плитку так, что теперь приходится перекладывать? Ату её, пора искать новую Родину!» Единственным источником достоинств индивидуалист считает себя, а вот если кто увидит его недостатки тогда, пожалуйста, виноватых много: тут тебе и род, и общество, и страна.

Индивидуалист не способен уважать, но любит осуждать. Он не умеет радоваться успехам друзей, коллег, а концентрируется на их промахах и недостатках. Скажет кто-то глупость — зацепится, обязательно это подчеркнёт, выставит человека в невыгодном свете. И вовсе не от уверенности, что он сам хорош, наоборот, именно этого ощущения ему часто не хватает. Парадоксальным образом он сильно зависит от взгляда окружающих: если чем-то расстроен, он не успокоится, пока не заставит кого-нибудь доказать, что повода для расстройства нет. Зацикленного на себе человека надо постоянно хвалить, возносить, поэтому друг для него — тот, кто станет вечным огнем под его неостывающей гордыней. Напишет он какой-нибудь текстик и станет бегать за вами, выпрашивать похвалы: «Ну как? Ска-

Западные «свободы» — способ отвлечь человека от внутренней несвободы: не стоит продвигаться в глубину, лучше болтаться на поверхности, плыть куда угодно, куда глаза глядят, не ориентируясь ни на что. Тогда порывом ветра и течением вас унесёт куда «положено». За мифологией свободы это общество скрывает жесточайший идеологический и духовный тоталитаризм.

По отношению к себе западный человек тонок и раним, но не по отношению к другим. Запад не умеет общаться на равных, не владеет принципом симметричной справедливости — у него нет такого цивилизационного кода. Эти люди уверены, что незачем прислушиваться и ставить себя на место другого, надо сразу переделывать его под себя, навязывать своё. У Запада могут быть либо вассалы, либо враги.

жи же скорее, ведь здорово?» Пока не вытянет тысячу часто вынужденнолицемерных слов о его несомненном таланте. Но вот вы сами расслабитесь и принесёте индивидуалисту свои наброски. Он примет их на чтение торжественно, как авторитетный эксперт, и долго не будет приступать, пока не насладится мыслью о своей важности и заслуженности обращения именно к нему. А потом прочтёт несколько страниц, обязательно до какого-нибудь неудачного места, которое поправить-то пара минут и остановится. Почему? Да жалко автора, убогий он какой-то!

Индивидуалист не обязательно чудовище. Он тоже делает добрые дела и тоже радуется. Просто его радость для внутреннего пользования. Ему естественнее радоваться тому, что он делает сам, тому, что будет эмоционально оплачено. И если кто-то другой получит заслуженную похвалу, индивидуалист станет мучиться и ревновать, а то и просто заявит: «Всё, дело неинтересно, бессмысленно, сплошные изъяны, проще бросить и заняться чем-то более серьёзным». Зависть иссушает душу несчастного, это одно из самых сильных его чувств. Помните героиню известного нашего фильма «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил»? Девица собирается отказать «арапу», но вдруг узнаёт, что он сам не желает на ней жениться. «Как это он не желает? — возмущается героиня. — Это я не желаю!» Существенно только то, что происходит по моей инициативе, благодаря мне. Справедливость по моей воле высокоморальна, заслуживает похвал, спра-

ведливость по чужой — ничтожна. Несправедливость, совершённая по моей воле, вполне терпима, совершённая по чужой — абсолютное и крайнее зло. Индивидуалист не потерпит несправедливости по отношению к себе только по отношению к другому. Собственные мерзкие поступки он оправдает тем, что так делают многие или что мир жесток и выжить можно, только расталкивая конкурентов локтями. Проступкам же других он не найдёт оправдания. При таком восприятии мира любые оглядки на совесть бессмысленны. Индивидуалист не бывает благодарным — он принимает добро как должное и ждёт, когда ему сделают ещё побольше добра. Он не умеет обмениваться энергиями по вертикали, только по горизонтали — забирает силы другого, скидывая на него те эмоции, которые не может и не хочет держать в себе. Он не склонен давать — только брать. Ближний для него - приспособление, инструмент для удовлетворения потребностей. Когда другу тяжело на душе, он не кинется на помощь, а постарается по максимуму напитаться энергией растерявшегося. Он не способен любить: любовь предполагает отношения с иными самоценными субъектами. Индивидуалист же может брать за отправную точку, нулевую отметку происходящего вокруг только собственное «я». Это удобно, только вряд ли такой человек вправе рассчитывать на любовь к себе.

Индивидуалистическое состояние души сформировалось на Западе очень давно. Читаем надгробное слово Василия Охридского, митрополита Со-

лунского, императрице Ирине из немецкого рода: «Пришлая иностранка, чужеплемённая, к нам переселённая, поздно, как казалось, начавшая учиться нашим обычаям, происходившая из народа высокомерного и хвастливого, поднимающего брови выше лба...» «Себялюбивые люди и народы подобны тому рабу, что принял один талант и зарыл [его]» (Нил Сербский. «Сербский народ как раб Божий»), то есть убил в себе способность заботиться о других, любить других. Сергий Булгаков называл это «самобожие, самоутверждение своей тварности в качестве абсолюта» («Два града»), а Паисий Святогорец — «рабство себялюбия». Запад зачем-то откатился на самый низкий, предварительный духовный уровень и теперь страшно гордится такой своей «находкой». Давайте от всего получать максимальное удовольствие — такое «сенситивное» отношение к миру хорошо передаёт датское слово hygge, хюгге. Я буду чувствовать так-то, поскольку это комфортно, и не буду думать иначе, потому что рискую расстроиться. Цель — научиться внимательно прислушиваться к себе и оставаться глухим по отношению к другим.

ДОМИНИРОВАНИЕ

По отношению к себе западный человек тонок и раним, но не по отношению к другим. Запад не умеет общаться на равных, не владеет принципом симметричной справедливости у него нет такого цивилизационного кода. Эти люди уверены, что незачем прислушиваться и ставить себя на место другого, надо сразу переделывать его под себя, навязывать своё. У Запада могут быть либо вассалы, либо враги, он рассуждает как обычный индивидуалист: я лучше всех, то есть сильнее, поэтому я вправе грабить, а то, что я сильнее всех именно в результате грабежа, это не важно, я же вправе. Не сделать мир вокруг себя счастливее и радостнее, а просто мир вокруг себя сделать. Подмять под себя, взять верх, заставить, без учёта того, в радость ли это другому, на пользу ли,

в гармонии ли. Для Запада «насилие и господство составляют вторую природу, как бы они ни прикрывались фразами о равенстве и либерализме» (Николай Данилевский. «Россия и Европа»). И уж конечно, про уважение к другим народам они умеют только врать. Равные права? Честная конкуренция? Куда там! И в политике Запад живёт по бандитским законам: как только почует опасность реальной конкуренции, забывает про красивые лозунги и устраивает конкуренту нерыночный ад — войны, перевороты и т.д.

Когда-то мы искренне полагали, что у Европы есть более благородные замыслы, чем пощипать карманы соседей. Например, явить миру что-то важное. Но всё закончилось как всегда. Европа, словно Шура Балаганов из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова: ему Остап уже и денег принёс, много денег, а тот всё равно не удержался, залез в карман — и как раз попался! Вместо того чтобы создавать свой Союз с равной заботой обо всех будущих участниках, Европа разделила народы на «чистых»

и «нечистых», объединила «чистых», узаконила в рамках этого главного сообщества свои стандарты качества и требования к товарам, а потом стала принимать и «нечистых», которые традиционно следовали иным стандартам. Естественно, экономики этих наивных затрещали по швам.

Именно имитация «общечеловечности» помогает Западу наиболее эффективно применять известные технологии порабощения аборигенов. Первое: внуши, что твои ценности истинны, чтобы абориген стремился их осваивать (в этом смысле лучше не придумаешь, чем назвать свои интересы «всеобщими»). Второе: внуши аборигену цель понравиться хозяину пусть вставит в нос кольцо как знак, что он принадлежит тебе с потрохами, научится приседать при виде властелина, хлопать себя по щекам и изрекать лаконичное «Ку». И третье: столкни разные племена лбами и назначь себя арбитром, чтобы бегали к тебе жаловаться. Совокупный Запад давно уже выработал эти принципы взаимообщения и давно зафиксировал их в своих брошюрках, вот только применил масштабно совсем недавно. В результате экономики «нечистых», но «причисленных» стали рынками сбыта, продуктовыми придатками «чистых». Европа снова упустила свой шанс на «общечеловечность»: с дурной привычкой забираться в чужие карманы справиться не удалось.

Запад по-прежнему считает всех ниже себя, просто больше не демонстрирует свои националистические взгляды прямо. Отсюда все эти мантры про «исламский терроризм» и «неопрятность индуистов», отсюда карикатуры в журнале Charlie Hebdo и прочие издевательства под прикрытием пресловутой «свободы слова». Пока Запад проповедует социальный дарвинизм и племенизм, пока он говорит себе: «Другие цивилизации ещё не доросли до наших продвинутых представлений о мировом порядке», — он остаётся, как и раньше, источником и вдохновителем нацизма. Мы видим, что творит Запад по всей планете, какие войны развязывает, как погружает страны с многомилли-

онным населением в хаос. При этом он ищет себе оправдание в логике «гуманоидов»: «Ну да, где-то по нашей вине гибнут люди, зато мы становимся сильнее и когда-нибудь поможем тем, кто останется в живых». Западному человеку комфортнее опираться на «зато», всегда прощать себя и свою невозможность поставить точку после первого утверждения: «гибнут люди». Идея справедливости для всех, когда «нет ни эллина, ни иудея» — слишком слабый источник энергии; добиваясь своих целей, нужно пускать в ход что-то погорячее. Националистическая идея, возможно, самая энергичная для манипулирования обществом. В самой национальной идее есть много правильного, честного, можно понять каждого, кто стремится гордиться своей Родиной. Но нужно не это, а чтобы идея пьянила, была готова наполняться чужой кровью. Вот человек родился в конкретной религиозной общине, скажем, альбигойцем, или катаром. Не важно, хороши ли они, правы ли, но ребенок только родился, что он успел натворить? А папские войска приходят и уничтожают всех, кто, по их мнению, имел отношение к этому учению, включая малышей. Слишком давно? Вот с точки зрения истории почти вчера: родился славянином или евреем убить. Как убить? Ведь в самом факте рождения ещё ничего не кроется! Ничего, мы подключим учёных, они докажут, как можно быть виноватым с рождения. Главное — не распылить боевой дух, не утратить в разговорах о справедливости энергию подавления. Вот и проплачивается это самое кланово-племенное, и на нём разыгрывают свои игры, бесконечно провоцируя конфликты. На понятных самим заказчикам эмоциях и по давно отработанным лекалам западные инструкторы тренируют пан-тюркистов, древних укров и т.п. И чем западнее наши братья-славяне, тем сильней у них болезнь племенизма, искусственно накачиваемая национальная спесь.

Управление миром не может быть справедливым, если те, кто управляет,

опираются на несправедливую идею. Идея национального превосходства (превосходства по крови или по принадлежности к определённой цивилизации) изначально преступна, поскольку нельзя осуждать или хвалить человека за то, что случилось не по его воле и чего он не может изменить. Люди, которые свысока смотрят на других, способны управлять на глобальном уровне только в угоду себе, а никак не в угоду миру. С такими цивилизациями нельзя иметь дело: мнящие о себе способны на любую подлость. Запад просто не потянул общечеловеческого жизнепонимания, остался на уровне родоплеменного сознания. Он не способен видеть мир как целое, воспринимать интересы планеты в планетарном же масштабе. И это стало опасно: при такой цивилизации-тиране человечеству не выжить.

МЕХАНИСТИЧНОСТЬ

В мире, где главное — эффективность, достижение цели, человеку необходимо освобождаться от всего сентиментального, чувствительного, не стоит глубоко проживать каждый миг бытия. Наоборот, для каждого такого мига должен быть заготовлен определённый шаблон восприятия и поведения. Как работает компьютер? Если кнопка нажата, значит, скоро загорится экран монитора. «Сознание» машины не отличается вариативностью, она не может прийти к какому-то неожиданному выводу. То же самое и в понимании мира. Если какая-то страна возражает Америке, значит, она недемократичная и не уважает свободу слова. «Мы хорошие, они плохие». Всё просто, без каких бы то ли было нюансов. Человек с механическим, нетворческим отношением к жизни,

привыкший размышлять и действовать по проверенному лекалу, легко программируется, причём на всех уровнях. И в научной деятельности, и в искусстве, и в плане морали и нравственности. Запрограммированным человеком проще управлять, он не может почувствовать неладное на интуитивном уровне и готов слепо следовать указаниям.

Подчинение сознания формулам, схемам повышает степень взаимопонимания между человеком и машиной, компьютером — им легче взаимодействовать, вступать в отношения. Вот «умная» машина исправляет орфографию, подсказывает, где ставить заглавные буквы, подчёркивает как несуществующие незнакомые слова. Человек постепенно перестаёт учиться, вживаться в фактуру своего языка, зато привыкает подчиняться механизму. Компьютер заботливо спрашивает: «Установить обновления сейчас или завтра?» А почему, собственно, нет варианта «не устанавливать»? «Гугл Хром» хочет использовать конфиденциальную информацию: «Вы хотите предоставить доступ к этому объекту?» Варианты ответа: «Разрешать всегда», «Отказать», «Разрешить». То есть «Разрешать всегда» есть, а «Отказать навсегда» нет. Если мы не хотим давать право доступа в принципе, мы не можем этого сделать. В следующий раз на экране опять высветится тот же вопрос. Где опция, которая обеспечивает пресловутую свободу выбора? Хотя бы просто для естественного человеческого ощущения, что выбор есть? Ещё недавно такие вещи казались имиджевыми потерями мол, неприлично же так откровенно разводить, люди поймут. Сейчас мы просто должны смириться: нас будут дожимать, пока мы не сдадимся, пока не махнём рукой и не скажем: «Надоели, пусть будет «Разрешать всегда», я больше не хочу об этом думать». Реакция поколения, привыкшего часами зависать в гаджетах: «А я не обращаю внимания, делаю то, что требуют, чтобы отстали». Ну и что, если будет известно моё местоположение? Ну и что, если не будет конфиденциальности? О чём-то нельзя писать? Ну и ладно. Мы уже в курсе, что если наши тексты в интернете кому-то не понравились, любой наш ресурс можно запросто «забанить», отключить, без суда и следствия. И нет никакой инстанции, в которую можно обратиться за правдой: соцсети формально частные, а раз так, их реальные хозяева могут делать с вами всё, что угодно. И дело не в людях — не важно, как зовут чиновника, который нас забанил. Главное — общее ощущение: человек во власти бездушной системы, механизма, чего-то неперсонифицируемого, с чем невозможно «поговорить по душам».

Пока люди Запада кричали на всех углах про свою величайшую свободу, машина потихоньку прибирала её к рукам. Нас приучают жить под властью законов механизма, ставить его волю выше своей, чтобы уже окончательно «люди стали орудиями своих орудий» — фраза Генри Торо из середины XIX века! («Уолден, или Жизнь в лесу»). Если электронное устройство лучше знает язык, потребности в обновлении, законы общения и даже запретные темы, значит, оно вроде как и умнее? Если машина всё может решить за человека, значит, она выше личности? То есть этой железяке виднее, именно в ней запрятана истина. Фактически человека готовят к пода-

влению того, что называется волей. Система электронного управления и рейтингования, которая в разных формах и под разными предлогами вводится по всему миру, заставляет людей думать не о том, хорош ли поступок, а о том, как они будут выглядеть в «глазах» машины. Но ведь машине не по зубам такие главные понятия, как честь или совесть. А значит, эти параметры при оценке личности становятся несущественными, максимум бонусом, этакой «вишенкой на тортике». Происходит опасная подмена: над нами больше не Бог, а правильно настроенный робот. Вместо «Бог всё видит» — всё видит своеобразно отлаженное, изощрившееся в хитростях верховное Ничто («Большой брат следит за тобой» — Джордж Оруэлл). «Развитие средств связи и технические достижения, позволяющие полицейскому режиму контролировать интимную жизнь и сокровенные мысли каждого, подводят железную базу под вампирические громады диктатур», — писал Даниил Андреев («Роза мира»). Конечно, ни одному, даже самому гениальному и злобному уму своими силами реализовать такое невозможно. Но ведь есть обобщённые энергии, или сумма неких согласий людей, которые и без специальных договорённостей и подмигиваний, без штатных расписаний, указов и партий понимают, что имеется в виду и куда всё идёт.

Управление миром не может быть справедливым, если те, кто управляет, опираются на несправедливую идею. Идея национального превосходства (превосходства по крови или по принадлежности к определённой цивилизации) изначально преступна. Запад просто не потянул общечеловеческого жизнепонимания, остался на уровне родоплеменного сознания. Он не способен видеть мир как целое, воспринимать интересы планеты в планетарном же масштабе. И это стало опасно: при такой цивилизациитиране человечеству не выжить.

РАСЧЛЕНЕНИЕ ЕДИНОГО

Начиная с эпохи схоластики Запад старался выработать такую систему описания мира, в которой понятия были бы максимально разведены, обособлены, каждое слово раз и навсегда определено, то есть отделено от другого, максимально освобождено от исторического и психологического шлейфа и встроено в чёткую схему. Если термины хорошо подогнаны друг под друга и легко собираются вместе, такой словесный конструктор ещё называют наукой. Рассуждая о природе вещей, она пристально взглядывается в отдельные атомы и прочие элементы: из чего они состоят, на что реагируют, в какую сторону движутся. Владение чётко описанными категориями помогает воссозданию целого, поэтому усилия мыслителей по разделению категорий действительно обогатили культуру инструментарием. Но вот вопрос: соответствует ли такая строгая система описания предмета самому предмету, то есть живому, органическому миру, и если да, то в какой мере? Причинно-следственная связь, формальная логика прекрасно применимы к механическому миру, но можно ли её в полной мере переносить на мир органический?

Когда разрушается целое, его уже не собрать из частностей. Конструктивизм, супрематизм декларировали выделение главного — линий, цветовых пятен, — а на самом деле вели к расчленению цельного мироздания. Искусство всё больше сводится к повторяющимся элементам, всё сильнее напоминает синтезированную химическую еду. До предела ритмизованная музыка, расчленённая ударами барабана, дробит само время на элементарные частицы, и самая волшебная мелодия уже вряд ли соберёт его обратно. Школьное тестирование постепенно переключает детское внимание от построения цельной картины мира к набору фактов. Само общество всё больше рассыпается на отрицающих друг друга индивидуумов и в таком «изолированном самоутверждении частей и частиц за счёт других» (Даниил

Андреев. «Роза мира») как будто уже неостановимо приближается к окончательному распаду. «Во всём христианском лексиконе нет более еретического слова, чем слово «частный», «отдельный»», — писал протопресвитер Александр Шмеман («Литургия смерти и современная культура»). С появлением культа частного и отдельного не составляет большого труда развести по разные стороны повседневности духовное и телесное, задачу и правду, совесть и жизнь.

Когда человек стремится оторвать себя от целого, противопоставить остальным элементам общества, он рассуждает примерно так: «Я совершенно неповторимый, всё, что во мне хорошего, — благодаря только мне, всё, что плохого, — по вине окружающих. Если мне не удаётся убедить себя, что я лучше всех, обратимся к миру не виноват ли он? И если я вовсе не лучше всех, это значит только то, что мир вокруг меня — совершеннейший кошмар». Если не только возвыситься, но даже отделиться от мира не получается, гипертрофированное «я» приходит в отчаяние — отсюда всё литературно-философское нытьё XX века. Его общая логика: все плюются — и я буду плеваться, все окрысились на мир, злобно смотрят на окружающую действительность, все питаются отрицанием, осуждением, презрением — и я буду делать так же. Вся пресловутая «нелицеприятная правда» о мире — способ сбрасывать ему на голову свой негатив.

Если личность открыта миру, готова к взаимному внутреннему проникновению между людьми, это значит, что она стремится к восполнению целого — к тому, чтобы стать полноценной.

Параллельно с прогрессом именно в XX веке, наверное, для равновесия, расцвела философия Традиции. К этому времени традиционный жизненный уклад стал объектом ожесточённой критики, отчасти предвзятой, отчасти справедливой. Да, традиционный уклад мог привести человека к несчастью, но не приводит ли пренебрежение традицией к ещё большим несчастьям?

Семья и община были не просто источниками комфорта и защищённости, это были зримые метафоры взаимовыручки, близости и в конечном итоге — любви. Родительская забота с самого детства создавала ощущение реальности Бога. Понимание того, как должно быть устроено между мужчиной и женщиной, чтобы их души находились в гармонии, складывалось веками. Любой представитель традиционного общества — воцерковлённый православный христианин, старообрядец, правоверный мусульманин или просто человек, живущий «по-старинке» в какой-нибудь южноитальянской или латиноамериканской деревне, да даже какой-нибудь дикарь (если лишить это слово отрицательной коннотации), — в семье, простом человеческом счастье гораздо компетентнее, чем самый учёный западный «специалист по браку».

Через риторику борьбы за права человека и прочие свободы традиции объявлена настоящая война. Человечество обложили со всех сторон: будешь сопротивляться в семье — прилетит извне, от общества, массовой культуры, законодательства. Изломанный западный человек стремится передать остальным как можно больше своих «достижений»; он как инвалид, которому хочется, чтобы и у других были те же увечья. С какого-то момента нежные и трогательные принцессы в западных мультфильмах как по команде превратились в развязное и грубое бабьё. Тётки, по старой памяти разодетые в сказочных принцесс, сами лезут целоваться, поднимают тяжести и неприлично гогочут, лупят мужиков между ног или каблуком в челюсть. Отравленные массовой культурой, пропагандирующей феминизм, женщины забывают, что им не обязательно конкурировать с мужчинами в социальных статусах, и уж тем более в физической силе они могут и без этого управлять мировыми энергиями, усиливать свои, сугубо женские, исполненные заботы и духовности и направлять куда надо другие, завоевательные мужские. «Освобождённые» жен-

щины теряют уважение к мужскому началу и начинают доминировать в реальной жизни, а перепуганные насмерть мужчины на глазах теряют способность завоёвывать и защищать, становятся аморфными, беспомощными перед женщинами. И никак не могут понять, почему они, что бы ни делали, всегда оказываются в положении униженных и оскорблённых, во всём виноватых перед дамами. И всё чаще решают, что лучше и вовсе не жениться или вступать в менее опасные браки: с человеком одного с собой пола, с самим собой, а если и в этой компании некомфортно с телефоном, с колесом обозрения.

«Распад семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей продолжится, — писал ещё Питирим Сорокин. — Дети станут отделяться от родителей все раньше и раньше. Главные социокультурные функции семьи будут сокращаться, пока она не превратится в случайное сожительство самца и самки, а дом — в место, куда можно «припарковаться» на ночь, в основном для сексуальных

контактов» («Социальная и культурная динамика»).

Разрушив до основания всё устоявшееся, проверенное временем, человек вроде бы освобождается из ловушки, но, увы, не взлетает, а тут же попадает в другую ловушку: отпадая от мира, от глубокого сопроникновения с другими людьми, особенно с близкими, не становишься миром сам, а просто остаёшься отпавшим. Ничто не существует само по себе; личность, противопоставляющая своё частное целому, становится чем-то вырванным из контекста, выведенным за скобки. Под лозунгом свободы, который с таким энтузиазмом воспринимает молодое сознание, культивируется такое «независимое я» — которое судит, ни на чём не основываясь, подчиняет более разумное менее разумному, если борется, то, скорее всего, ни за что. Западу понадобилась душа, беззащитная перед всем, что бы ей ни хотелось подсунуть, обессиленная, болтающаяся в воздухе и не способная найти ничего, на что она могла бы опереться.

Такой душой проще вертеть по своему усмотрению.

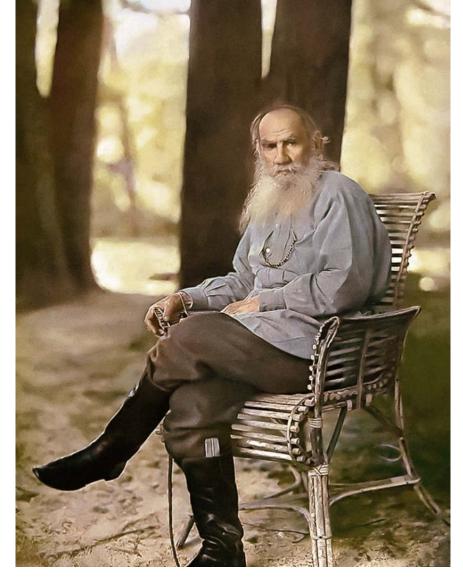
Душа не желает расползаться, она хочет обрести свой целостный внутренний образ. Разъединяющему, разобщающему людей индивидуалистическому сознанию мы в России всегда хотели противопоставить единство, внутреннюю причастность к определённому социуму, определённому народу, к соборному обществу. В статье «Русская стихия у Достоевского» Василий Розанов, размышляя о творчестве писателя как проявлении нашего национального психологического строя, противопоставляет европейскому антагонизму идею гармонического единения частей. Русская душа стремится «к внутреннему согласованию как себя со всем окружающим, так и всего окружающего между собой через себя». Поэтому и религию мы воспринимаем не просто как «а-та-та» за нехорошее поведение и не только как способ спасти свою душу, но и как возможность соборного слияния с другими. «Лица, связанные между собой живой ор-

№ 9 (107), 2022 **71**

ганической целью, — писал Алексей Хомяков, — невольно и постоянно действуют друг на друга; но для этого нужно, чтобы между ними была органическая связь. Разрушьте её, и живое целое обратится в прах, и людипылинки станут чужды друг другу» («Аристотель и всемирная выставка»). Русское сознание стремится к слиянию и взаимопроникновению всего и вся, к соединению любых отдельностей и частностей, которые непременно должны сойтись в интуитивно понимаемое всеединство. В нём, в этом всеединстве, наш сценарий спасения.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ДУШИ

Нездоровый дух конкуренции, приобретательский зуд, агрессивно внедряемые массовой культурой, стимулируют людей на внешнее, приучают к оценке человека через доступные глазу проявления: элитное авто, степень дороговизны дома и домашней обстановки, состояние счёта. Одетые в люксовые предметы, помещённые в предметы роскоши, мы и сами становимся предметами. Ветхое самоощущение, что человек всего лишь вещь, подаётся как модный молодёжный тренд. Это неплохо отражается в эстетике музыкальных клипов, с их фактически поклонением телу. В сознании западной цивилизации дух давно уже воспринимается как некая телесная функция. «Человек есть мера всех вещей», — повторяют гуманисты, но что такое человек? В какой степени это душа, рвущаяся ввысь, а в какой — кусок мяса с инстинктами, то бишь шаблонами-чувствами и шаблонами-мыслями? Да, человек, в том числе, и тело, предмет, с этим никто не спорит. Когда на него воздействуешь, он деформируется, перемещается в пространстве, разрушается. Он может физически воздействовать на другие предметы. Земное восприятие мира предполагает, что человек это соединение маленьких предметов, молекул, атомов и т.д. в более крупные. Люди больше не «лестница от минералов к духу» (Иустин Попович. «Философские пропасти»):

они сами теперь воспринимают себя как набор «минералов».

Дух опредмечивания, обесценивания человеческой личности как творения Божьего поддерживали давно и самыми неожиданными способами. Например, народ собирали на площади и устраивали публичные казни. Взрослые и дети усваивали мысль: жизнь человека ничего не стоит, её легко прервать. Насилие — воздействие на объект против его воли, но если у предмета нет воли — какое же это насилие? Пока наш Раскольников мучительно переживал смерть загубленной им старушки, лихие мушкетёры Дюма безжалостно крушили гвардейцев кардинала, как будто ни у кого из них нет ни матерей, ни близких, ни желаний. Современным людям это не кажется дикостью, и вот мы имеем горы трупов в боевиках, которые как будто специально приучают зрителя к мысли, что так и должно быть. Через книги, фильмы, сериалы, компьютерные игры мы становимся убийцами, пусть

и виртуальными, но всё же убийцами, равнодушными разрушителями. Джеками-потрошителями. Поскольку люди — предметы, пусть и в человеческом обличье, уничтожать их не жалко, наоборот — предметы надо чаще ломать и выкидывать, чтобы не захламлять окружающее пространство. Отец Павел Флоренский писал: «Любовь возможна к лицу, а вожделение к вещи; рационалистическое же жизнепонимание решительно не различает, да и не способно различить лицо и вещь, или, точнее говоря, оно владеет только одной категорией, категорией вещности...» (Павел Флоренский. «Столп и утверждение истины»)

Впрочем, предметы хоть и могут воздействовать друг на друга и даже склонны друг друга разрушать, по отношению к себе они такое терпеть не готовы. Медицинская наука, окончательно освободившись от древних представлений о том, что здоровое тело как-то связано с духом, полностью сосредоточилась на теле. Сами люди в это свято поверили, и появи-

лись пациенты типа Рэя Курцвейла, готовые постоянно чем-то кололись, килограммами глотали таблетки, полностью перепрограммировали режим питания и вообще жизни, лишь бы сохранить тело. Свои упования на будущее они связывают с развитием технологий, благодаря которым законсервированные останки тела будут восстановлены и после смерти снова начнётся земная жизнь. Поддерживая идею человека как предмета, современная медицина крайне ревниво относится к представлениям о том, что болезни — производные от духовных изъянов, так же, как и общее состояние организма, и продолжительность жизни. Создатели культового сериала «Доктор Хаус» дают образ человека как механизма, немногим более совершенного, чем часовой. У такого существа не только телесные, но и духовные проблемы устраняются механическим путём. Актуальность понятия «душа» оказывается под сомнением, всё уязвимое, хрупкое, субъективное в характере главного героя сводится не к дружбе и даже не к любви, а к наркотикам.

Триумф академической медицины — искусственное поддержание тела возле жизни, возможность затормозить естественную транспортировку в царство мёртвых. Панический страх смерти характерен не просто для тех, кто подчинил свою жизнь задачам утилитарного, предметного характера. Мы знаем примеры людей, которые сотворили столько зла, что уже при жизни словно приговорены к чему-то страшному. Знаменитый злодей Дэвид Рокфеллер всеми силами старался, чтобы его не утащила преисподняя: как будто точно знал, что ему, как человеку, который принёс людям столько горя, «туда» нельзя. Он перенес семь пересадок сердца. Не так ли появляются искусственные люди, зомби?

Микеланджело в своих статуях восславлял не просто человеческое тело во всех его деталях. Не законное право человека ходить без штанов. Он говорил нам о свечении души через её оболочку, о попытке оты-

скать ту самую встречу тела и духа, где-то в высших сферах, которую Иоахим Фьорский, а за ним Дмитрий Мережковский называли Царством Третьего Завета. Когда доктор выходил от тяжело больного старца Амвросия Оптинского, на расспросы о его состоянии отвечал примерно следующее: «Если бы это был обычный человек, я бы сказал, что он скоро умрёт, но это святой, поэтому, возможно, он проживёт ещё очень долго». Логично предположить, что старец продлевал своё земное существование за счёт оптимизма, радости, самоотверженности, любви к ближнему, то есть своей внутренней доминанты. Само это предположение окрашивает мир в совершенно иные цвета. Цивилизации андроидов как будто хочется прижечь духовные рецепторы настолько, чтобы человек окончательно лишился чувств более высокого порядка, чем известные пять.

Я не желаю жить в мире, где любовью считаются тактильные ощущения от трения, а семья вырождается в бездушные контрактные отношения. Где отклонения считаются нормой, и мой сын или внук может с лёгкостью улететь в дурную бесконечность половых экспериментов. Я не желаю жить в мире, где самопрезентация выше самосовершенствования, где каждый тянет одеяло на себя, где царствует

гордыня. Я не желаю жить в мире, где ни вера, ни искусство не ведут к очищению души, где всё жизнеустроительное, содержательное заменяется на муляжи и симулякры, бесконечные имитации. Я не желаю жить в мире, где человеку отводится роль механизма по добыванию внешних благ, а формульное мышление ценится выше разума, где запрещают слова и даже мысли, где ради достижения цели запросто жертвуют истиной.

Как раньше Запад старался брать славян в физическое рабство, так теперь старается брать в духовное: мы уже по уши в их страстях и пороках, всё ниже склоняем головы и оказываемся на ментальной чужбине. Распространяемый как информационным, так и воздушно-капельным путём, Запад стал похож на диагноз, на навязчивую идею. Дистанцироваться от Запада, научиться понимать, что из этого нам не нужно, что может нас погубить — вот наша нынешняя задача. Россия снова готова развернуться к собственным духовным установкам, идти по собственному пути.

Наша Русская Мечта не для внутреннего пользования. Она берёт начало из общинного хозяйствования, наполняется соборным началом, течёт в русле философии всеединства. Это даже не наша мечта. Это мир так мечтает нами. Возможно, мы — его последняя попытка спастись.

Как раньше Запад старался брать славян в физическое рабство, так теперь старается брать в духовное: мы уже по уши в их страстях и пороках, всё ниже склоняем головы и оказываемся на ментальной чужбине. Распространяемый как информационным, так и воздушно-капельным путём, Запад стал похож на диагноз, на навязчивую идею. Дистанцироваться от Запада, научиться понимать, что из этого нам не нужно, что может нас погубить — вот наша нынешняя задача. Россия снова готова развернуться к собственным духовным установкам, идти по собственному пути.

№ 9 (107), 2022 **73**

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

Россия и Европа в зеркале теории самоорганизации

2022 году отмечается 200 лет со дня рождения выдающегося социолога, культуролога, публициста и естествоиспытателя, геополитика и одного из основателей цивилизационного подхода к истории Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885). Историки науки иногда говорят, что от выдающихся деятелей остаётся в памяти одна книга и одна фраза. Книга — это, конечно, «Россия и Европа», опубликованная в 1871 году. Русский историк К.Н. Бестужев-Рюмин называл её «Замечательнейшей из всех русских книг последнего времени». Он же писал: «Самое существенное достоинство книги — установление теории культурно-исторических типов. Зародыш этой теории — в давнем мнении о том, что народы, как и люди, мужают, стареют и умирают... Закон разнообразия в единстве, общий закон природы блистательно применён к истории. Данилевский вносит в историю естественную систему, а естественная система только одна, потому что двух истин быть не может»¹.

Ну а фраза, наверное, такова: «Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположены». Реальность показывает, что мыслитель был прав...

Весь XIX век прошёл под бурные споры «славянофилов», одним из ведущих представителей которых, безусловно, является Н.Я. Данилевский, и «западников». Первые полагали, что у нашей страны есть свой путь, и, двигаясь по нему, наше Отечество станет великим. Вспомним слова П.А. Столыпина (1862–1911): «Вам, господа нужны великие потрясения; нам — нужна великая Россия... Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете России».

Родоначальник западничества в отечественной философии П.Я. Чаадаев (1794–1858) утверждал, что у нас нет надежды на лучшее: «Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать... В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас ещё живём для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдалённым потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы оставляем пробел в интеллектуальном порядке».

Прошло 150 лет, но споры между «славянофилами» и «западниками» продолжаются. К первым можно отнести мыслителей, развивающих идеи социального консерватизма² или евразийской идеологии³. К «западникам» относится большая часть правившей и правящей либеральной элиты. Вот, например, высказывание «героя российских реформ» А.Б. Чубайса: «...я, перечитывая Достоевского... и я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски». Экспертные оценки показывают, что примерно 2/3 гуманитариев МГУ и около 3/4 сотрудников бывших академических институтов гуманитарного профиля придерживаются либеральных воззрений. Выбраться из колеи либерализма России нелегко.

Однако за 150 лет, которые прошли со времени публикации книги «Россия и Европа», был проведён гигантский исторический эксперимент, и стало ясно, в чём Н.Я. Данилевский был прав, а в чём ошибался.

Чтобы в этом разобраться, нужна некоторая научная рамка, позволяющая отделить наиболее важное от второстепенного. Эту рамку мы и очертим.

К ПОНИМАНИЮ САМООРГАНИЗАЦИИ

Самое непостижимое в этом мире это то, что он постижим.

А. Эйнштейн

По-видимому, понятие «самоорганизация» станет ключевым в науке XXI века. Самопроизвольное, «незапланированное», спонтанное появление упорядоченности в системах разной природы удивительно. Это категория такого же масштаба, как «материя», «движение», «сознание», «информация».

Весь XIX век прошёл под бурные споры «славянофилов», одним из ведущих представителей которых, безусловно, является Н.Я. Данилевский, и «западников». Первые полагали, что у нашей страны есть свой путь, и, двигаясь по нему, наше Отечество станет великим. Родоначальник западничества в отечественной философии П.Я. Чаадаев утверждал, что у нас нет надежды на лучшее. Прошло 150 лет, но споры между «славянофилами» и «западниками» продолжаются.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: 2002. — 548 с.

² Кобяков А., Восканян М. Социальный консерватизм. Выход их конфликта левых и правых идей. — М.: Книжный мир, 2021. — 448 с.

З Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. – М.: Академический проект; Трикста, 2010. – 364 с. – (Психология социологии).

Развитие науки много веков стремилось к тому, чтобы выделить простейшие, элементарные сущности, исследовав которые, мы сможем разобраться в системе целиком. И во многих дисциплинах это дало прекрасные результаты! В экономике такой элементарной сущностью стал «товар», в высшей математике — понятие о бесконечно малых величинах. Магическую алхимию превратить в современную химию помогло представление о химических элементах. Множество превращений веществ, которое мы видим, связано с тем, что одни соединения химических элементов переходят в другие... В основе физики лежит понятие элементарной частицы.

Кажется, что по тому же пути можно двигаться и дальше, переходя от естественных наук к гуманитарным, от материи к духу.

Но уже в XIX веке стало ясно, что на этом пути находятся большие препятствия. Выдающийся математик, механик и астроном наполеоновской эпохи П.С. Лаплас считал, что известные нам из школы законы Ньютона и описывают всю реальность. Рассматривая газ как множество частиц, Ньютон и Лаплас выводили отсюда скорость звука. Но и тот и другой поняли, что для этого нам нужно более простое — «усреднённое» — описание реальности. Нужна другая модель. Бестужев-Рюмин в том изречении, которое мы цитировали, утверждает, что «двух истин нет». «Истина» — правильный ответ на поставленный вопрос — зависит от того, что нам известно, с какой точностью мы хотим получить ответ и какими инструментами располагаем для этого. Ответы на разные вопросы требуют разных моделей, а у последних есть свои области применимости. Одни сущности надо рассматривать в микроскоп, а другие в телескоп. Мы можем посмотреть, как дела обстоят со звуком, решив для каждой частицы уравнение, следующее из второго закона Ньютона. Но уравнений получается многовато: для одного моля газа — $6.02 \cdot 10^{23}$. Это не под силу

самым современным компьютерам. Да, и вопросы-то нас интересуют совсем не связанные с отдельными молекулами — давление, плотность, скорость звука, температура. На этом пути — перехода от элементарного к целому — родилась статическая физика и простые, молекулярные теории, которые нам излагаются в 9-м классе...

Есть и философский вопрос: как же возникло сущее — вселенная, атомы, молекулы, жизнь, сознание, общество. Отличный ответ давал Гомер — всё создал Бог, а наши перипетии могут быть просто отражением игр божественных сущностей. После ответа Париса на вопрос, кто из богинь является прекраснейшей, на небесах возникла склока, а её отражением на земле стала Троянская война. Примечателен эпизод: когда боги отвлеклись, люди быстро осознали, что делить им нечего, и начали разбегаться по домам. Впрочем, боги вскоре спохватились, и война разыгралась вновь.

Люди, опирающиеся на Традицию, на переход от Времени к Вечности, как А.Г. Дугин, так же, как Гомер, ставят во главу угла нашей цивилизации православие и Бога. Они в той или иной степени исходят из *организации* нашей реальности внешними силами.

И достижения науки здесь ничего не означают — это мировоззренческий вопрос. Когда не так давно была мода на «восстановление духовности» и наши политические деятели стояли по церковным праздникам со свечами в храмах, деканы большинства факультетов, а кое-где и их заместители и ведущие профессора написа-

ли письмо ректору. Они объясняли, что никак не могут хорошо исполнять свои обязанности, не помолившись в храме, который надо построить около МГУ. Декан факультета наук о материалах, академик Ю.Д. Третьяков, не подписал это замечательное письмо. Я поинтересовался, почему. «Дела-то у нас мелкие, нанотехнологические, на уровне атомов и молекул. Зачем же Бога нашими мелочами отвлекать? Видимо, он занимается более крупными и важными проблемами».

Если мы считаем, что высшие силы не участвуют в *организации* и *управлении* нашим миром, то надо понять, каковы инструменты *самоорганизации*, определяющие возникновение и развитие нашего мира. Это волнующая и грандиозная задача для всей нашей науки!

Ответом на этот вызов стало появление в 1970-х годах теории самоорганизации, или синергетики. С одной стороны, это результат развития системного подхода, показывающего, что связи между элементами играют не меньшую, а иногда и намного большую роль, чем сами отдельные элементы. Наглядный пример — перестройка и горбачёвщина. И люди, и предприятия остались целы, а изменение связей между элементами социально-экономической системы привело к распаду вместо стабильности и расцвета.

Другой пример — тотальное использование компьютеров и иллюзия их всемогущества: «Что нам стоит дом построить? Посчитаем — будем жить!» И посчитать, как оказалось, мы можем

совсем не так много, как хотелось бы. Кроме того, результатом большинства расчётов являются не цифры, а *понимание*. Это требует своих категорий, логики, умения переходить от одних моделей к другим.

Кроме того, возможности человечества расширились, и стало понятно, что нам стоит делать совсем не всё, что мы можем.

Чарльз Сноу — британский физик и писатель — уже в 1950-х годах рассматривал растущую пропасть между двумя культурами - естественнонаучной и гуманитарной — как очень серьёзную угрозу для всей цивилизации. В самом деле, естественнонаучная культура отвечает на вопрос «Как?», допускает формализованное описание изучаемых сущностей, обычно имеет дело с повторяющимися явлениями и не признаёт авторитетов. Она связана с созданием технологий и устремлена в будущее. Гуманитарная культура отвечает на вопрос «Что?», определяет смыслы и ценности, часто имеет дело с уникальными событиями и склонна полагаться на авторитеты и во многом ориентирована на прошлое. Как можно опираться на науку, если представители этих культур дают противоположные ответы?!

Синергетика в этом контексте выступает как мост между этими культурами. Её можно представить как область на пересечении сферы предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии. Предметное знание предполагает глубокое понимание систем, самоорганизацию в которых мы хотим изучить. Математическое моделирование — это не «производство цифр», а выявление наиболее важных причинно-следственных связей, позволяющих получить ответ на поставленный вопрос. Философская рефлексия позволяет связывать мир природы и машин с миром людей, оценивать, как изменит реальность предлагаемый проект. Основания синергетики - отдельная интересная тема⁴, а число её приложений огромно. Только в серии книг, выпускаемых издательством URSS, за последние 20 лет вышло более 100 книг, посвящённых развитию и приложениям этого подхода.

И здесь мы возвращаемся к идеям Н.Я. Данилевского. Он считал человечество отвлечённым понятием, лишённым всякого значения. По его мысли, носителями исторической жизни являются несколько «естественных групп». Эти группы, называемые «культурно-историческими типами» (цивилизациями), возникают в результате самоорганизации.

Является ли человечество единым целым? Это ключевой вопрос. И наша реальность даёт много оснований ответить на него утвердительно. В одном фантастическом романе фигурирует глубокая фраза: «Понять — значит упростить». Марксизм упрощал, рассматривая в качестве ключевой черты развития общества собственность на средства производства. При этом мы получали исторический материализм и деление истории на общественно-исторические формации от первобытно-общинной до коммунистической. Естественно, между странами с различным социальным строем возникают острые противоречия. Каждая настаивает на своём типе жизнеустройства. Отклонение от выбранного пути дорогого стоит. Пример — ельцинщина и горбачёвщина в нашей стране. В отсутствие идеологических противоречий, казалось бы, наступит тишь, гладь и божья благодать, мир станет безопасней, а наше Отечество тем более, и реформаторов «возьмут в буржуинство». Но реальность показала иное!

Американский политолог Френсис Фукуяма в 1992 году писал о «конце истории», о том, что «Макдональдсы» и видео удовлетворят всех, что идеологий и войн больше не будет.

Всё оказалось совсем не так! Больший риск ядерного конфликта,

чем сейчас, по мысли генсека ООН Антониу Гутерриша, был только во время Карибского кризиса. Поэтому стоит подумать о других проекциях мировой истории, иначе отражающих нынешнюю реальность.

Возможно, XX век историки будущего назовут золотым. За это столетие нас стало почти вчетверо больше на Земле. Антибиотики и технологии родовспоможения увеличили жизнь в большинстве стран, включая развивающиеся, вдвое. Мечта Фауста о второй молодости благодаря науке и технологиям исполнилась!

Прямой синтез аммиака из воздуха снабдил мир азотными удобрениями и отодвинул угрозу голода... Эта же технология позволила производить нитраты и открыла путь к Первой мировой войне. Мы живём в едином мире, в котором работают 6,2 млрд компьютеров, а войны показывают в прямом эфире.

Другой признак единства мира пандемии. На 2 сентября 2022 года COVID-19 было заражено 609 с лишним миллионов человек и умерло 6,32 млн. В 46 крупнейших агломерациях мира численность жителей превышает 10 млн человек в каждой. Эти агломерации расположены в Европе, Северной и Южной Америке, Африке. В метро этих городов сидят люди, уткнувшиеся в свои мобильники или планшеты, не обращая внимания на окружающих. Приближение множества независимо развивающихся цивилизаций не работает. У нас множество общих проблем, которые надо решать вместе.

Учитывая эту реальность, в качестве оси для проекции можно выбрать роль и влияние науки как источника развития общества. Эта работа была выполнена около полувека назад в теории постиндустриального развития, созданной Дэниелом Беллом и во многом опирающейся на марксистские представления. Итог этой теории Белл подводит таким образом:

⁴ Малинецкий Г.Г. Синергетика — новый стиль мышления: Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. — М.: URSS. 2022. — 288 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему, № 165, Будущая Россия, № 35).

«На протяжении большей части человеческой истории реальностью была природа: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести своё «я» с окружающим миром. Затем реальностью стала техника, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его «я», в овеществлённом мире. В настоящее время реальность является, в первую очередь, социальным миром — не природным, не вещественным, а исключительно человеческим — воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях... Поэтому неизбежно, что постиндустриальное общество ведёт к появлению нового утопизма, как инженерного, так и психологического. Человек может быть переделан или освобождён, его поведение — запрограммировано, а сознание изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей. Но не исчезла двойственная природа самого человека — с одной стороны, убийственная агрессивность, идущая от первобытных времён и направленная на разрушение и уничтожение буквально всего, а с другой — поиск порядка в искусстве и жизни, понимаемого как приведение воли в состояние гармонии»⁵.

Иными словами, в традиционной фазе (до XX века) мы исследовали и покоряли природу. На этой волне развивались физика, химия, биология. В этой фазе развития цивилизации

войны велись за территории и за людей, готовых работать на победителя.

В индустриальной фазе создавался и осваивался мир машин и главных среди них — компьютеров. Здесь разрабатывались теория управления, кибернетика, робототехника и множество различных компьютерных наук. Это время войн за ресурсы и рынки сбыта товаров.

В постиндустриальной реальности, в которую мир вступает сейчас, основные возможности, ресурсы и перспективы связаны с человеком, и с ним же — самые серьёзные угрозы и риски. Здесь войны идут за перспективы развития (отсюда и многочисленные санкции), за собственную системную достаточность (широко понимаемый суверенитет), за сохранение своего типа жизнеустройства и проект будущего.

В своё время, в 1980-х годах, российский философ И.Т. Фролов приложил большие усилия, чтобы сделать проблему человека главной задачей академии, а затем и всей советской науки. К сожалению, ему это не удалось. Если бы его услышали и поддержали, то мировая история существенно отличалась бы от нынешней.

Человек живёт в рациональной, эмоциональной, интуитивной сферах. При этом рефлексия, передача смыслов, ценностей, жизнесберегающих технологий в пространстве (из региона в регион) и во времени (от поколения к поколению) — неотъ-

емлемые черты мира людей, а не мира природы. Нам доступны совершенно другие способы самоорганизации.

Увеличение членов сообщества даёт ему совершенно другие возможности. Приведём наглядный пример. Один человек бессилен перед тигром, десяток отобъётся от зверя. Сотня поставит ограду вокруг деревни, 1000 — организует охоту на хищника, 100 тысяч — организуют зоопарк, а миллион, скорее всего, будет озабочен тем, чтобы сохранить тигров в дикой природе.

В 1969 году американские психологи Стэнли Милгрэм и Джеффри Трэверс выдвинули теорию шести рукопожатий. В соответствии с ней, любые два человека на Земле разделены не более чем пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей). У этой теории есть много экспериментальных доказательств, она же верна и для социальных сетей. Например, Facebook, имеющий 1,7 млрд пользователей. Ученые установили, что в 2008 году для любых двух пользователей этой сети в среднем число связей было 5,25, а в 2018-м — 4,74. Мы живём в малом мире! Мы связаны друг с другом гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд! Три века ушло на то, чтобы разобраться с мышлением человека в рациональной сфере, мы немного знаем об эмоциональной сфере и ещё меньше об интуитивной. Здесь есть огромное поле для деятельности, однако мыслить надо именно в этом пространстве.

В постиндустриальной реальности, в которую мир вступает сейчас, основные возможности, ресурсы и перспективы связаны с человеком и с ним же самые серьёзные угрозы и риски. Здесь войны идут за перспективы развития (отсюда и многочисленные санкции), за собственную системную достаточность (широко понимаемый суверенитет), за сохранение своего типа жизнеустройства и проект будущего.

ЯЗЫКИ И ИДЕОЛОГИИ, СТРАНЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Век мой, зверь мой, кто сумеет Заглянуть в твои зрачки И своею кровью склеит Двух столетий позвонки?

О. Мандельштам

Казалось бы, можно следовать императиву кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!» Но не получа-

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. / Пер. с англ. Центр исследований постиндустриального общества. Изд. 2-е.— М.: Academia, 2004. CLXX, — 663 с.

ется — ресурсов не хватает. В сложных системах самоорганизацию дополняет организация — надо поддерживать тех, кто нас защищает, лечит, учит... В первобытно-общинном варианте на всей громадной территории Москвы было место только для 50 семей охотников-собирателей... Может быть, брать всё себе? Не получается. Наш вид требует коллективных усилий, нам нужны альтруисты, готовые поделиться своим жизненно важным ресурсом с другими. Но с кем делиться, как отличить «своих» от «чужих»? В ходе развития человечество придумало множество инструментов для ответа на этот вопрос — мораль, традиция, язык, технологии и многое другое.

Во второй половине XX века в ходе развития кибернетики — теории связи и управления в организме, в обществе, в машинах — большое внимание уделялось информации. Народ разбирался, как и какое число символов можно передать по линиям связи, не вникая в смысл этих символов. Но ведь в мире людей смысл и есть самое главное!

Развивая идеи синергетики, профессор Д.С. Чернавский ввёл понятие

ценной информации и предложил модель, описывающую её распространение в обществе⁶.

Ценная информация — это сведения, которые помогают выжить обладающим ими. Это может быть язык, принадлежность к определённой религиозной идеологии, владение неким ремеслом или технологией, наконец, принадлежность к некоторому цивилизационному проекту. Естественно, между носителями разных типов ценной информации происходит конкуренция. Остаются лучшие из лучших. Например, доля людей, говорящих на самых популярных языках в мире, растёт, а доля тех, на которых говорят немногие, исчезает. Это и понятно - родители стараются обучить своих чад языку, на котором говорит большая и успешная общность. Поэтому модель конкуренции носителей разных видов ценной информации Д.С. Чернавский назвал «моделью языковых войн». Здесь можно вспомнить религиозные войны...

В XX веке одним из важных типов ценной информации была *идеоло-гия* — консервативная, либеральная

или социалистическая. В обсуждаемом контексте под идеологией будем понимать синтез долгосрочного научного прогноза и образа будущего.

Во второй половине XX века важнейшим историческим событием стало соперничество мировой социалистической системы (второй мир) и мировой капиталистической системы (первый мир). Неприсоединившиеся страны (третий мир) выбирали для себя социалистическую или капиталистическую ориентацию, надеясь на поддержку соответственно СССР или США. Однако уже в 1960-х годах выяснилось, что эти заявления плохо согласовывались с реальностью. Страны находились на разном уровне развития и решали совсем другие, свои проблемы. На это настойчиво обращал внимание американский социолог Иммануил Валлерстайн7. Логика развития многих регионов показала, что разрешение противоречий не сводится к выбору между сверхдержавами и военной поддержке конкретных режимов.

Наглядным примером стал Афганистан. Для конкретности приведу фрагмент выступления начальника Генштаба маршала С.Ф. Ахромеева на заседании Политбюро ЦК КПСС 13.11.1986, на котором обсуждался вывод советских войск из этой страны: «Военным действиям в Афганистане скоро семь лет. В этой стране нет ни одного кусочка земли, который бы не защищал советский солдат... Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась. Все дело в том, что военные результаты не закрепляются политическими. В центре власть есть, а в провинциях её нет... Мы проиграли борьбу за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа»8.

Следует вспомнить и недавнее бегство американской армии из Афганистана. Вооружённые силы США были

№ 9 (107), 2022 **79**

⁶ Чернавский Д.С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. — М.: URSS, 2021. — 304с. — (Синергетика: от прошлого к будущему. № 13).

⁷ Валлерстайн И. После либерализма./Пер. с англ. Б.Ю. Кагарлицкого. — M.:URSS, 2018. — 264 с.

⁸ Цит. по: Громов Б.В. Ограниченный контингент. — М.: Яуза-Каталог, 2019. — 254 с.

выведены из этой страны 31 августа 2021 года, что завершило операции «Страж свободы», «Решительная поддержка» НАТО. США и их многочисленные союзники вторглись в страну в 2001 году, после терактов 11 сентября, в результате чего война стала самым продолжительным конфликтом, в котором участвовали США. Логика истории оказалась сильнее амбиций политиков.

Но какова эта логика? Где те носители ценной информации, конкуренция которых определяет историю? Человечество? Оно слишком масштабно и перемены в нём происходят гораздо медленнее тех процессов, которые нас волнуют. Отдельные страны? Читая газеты, невольно вспоминаешь циничную фразу Бисмарка: «Большие государства ведут себя как бандиты, а маленькие ведут себя как проститутки, пытаясь ублажить большие»...

И тут мы возвращаемся к книге Н.Я. Данилевского, который ставит во главу угла культурно-исторический тип, состоящий из четырёх основ религия, культура (наука, искусство, техника), политика, общественноэкономический уклад — и развивающийся подобно живым организмам. Эти типы находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с внешней средой и проходят стадии возмужания, дряхления и неизбежной гибели. Среди более десятка таких типов качественно новым, перспективным с точки зрения истории он считал «славянский тип», наиболее полно выраженный в русском народе.

Книгу Данилевского современники называли катехизисом или «кодексом славянофильства». Она произвела огромное впечатление на современников. Достоевский писал: «Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный приём... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже удивляюсь на иных страницах сходству выводов».

Ключевая мысль книги: Россия и Европа — две различные цивили-

зации: «Что же такое Европа в этом культурно историческом смысле? Ответ на это — самый определенный и положительный. Европа есть поприще германо-романской цивилизации, ни более, ни менее, или по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью, не принадлежит». Он же обращал внимание на двойные стандарты Европы в отношении России: «Откуда же это меряние разными мерами и это вещание разными весами, когда дело идет о России и других европейских государствах?»

Будущее Данилевский видит в создании Всеславянского союза со столицей в Константинополе, состоящего из Русской империи, Королевств Чехо-Мораво-Словакского, Хорвато-Словенского, Булгарского, Румынского, Эллинского, Мадьярского и Цареградского округа.

Данилевский предвидит борьбу с Европой: «Рано или поздно, хотим

или не хотим, но борьба с Европой неизбежна из-за Восточного вопроса, т.е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Цареградом, из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование её исторического призвания... Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только её желанные результаты, как это не раз уже было высказано нами, считаем мы спасительным и благодетельным, ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, заражённый тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейским».

История показывает, что европейская цивилизация вновь и вновь хочет развалить Россию! Великий Лейбниц, немало сделавший для нашего Отечества, писал о России: «Погрязшие в схизме, нетерпеливые, не слушающие требований рассудка, жертвы невежества, хуже, чем турки, создавшие

при этом слишком мощное государство и жёсткую диктатуру». Наполеон, мечтавший покорить «Северного медведя», чтобы этим не пришлось заниматься его наследнику. Гитлер, грезивший о «жизненном пространстве» Третьего рейха и мечтавший дойти до Урала... Наконец, НАТО, планировавшее принять Украину в свои члены и разместить атомное оружие на её территории. Время подлёта баллистических ракет с ядерными боеголовками до Москвы, будь они размещены на Украине, - несколько минут. По сути, нынешняя война на Украине — это «второе издание» Карибского кризиса, имевшего место между нашей страной и США. И может быть, обращаться с теми ребятами, которые там, за океаном, думают, что их «не достанут», придётся так же, как тогда в 1962-м...

Россия в парадигме геополитики — континентальная сверхдержава с логикой земледельца: медленно запрягает и быстро ездит, не нуждается в колониях — со своей землёй бы разобраться. И дух здесь оказывается сильнее крови и почвы, которым ключевое значение придавал Бисмарк, ведь «Не в силе Бог, а в правде», как говаривал Александр Невский.

«Единство — возвестил оракул наших дней, —

Быть может спаяно железом лишь и кровью...!

Но мы попробуем спаять его любовью, —

А там увидим, что прочней», — писал Фёдор Тютчев. По его мысли, Россия «самым фактом своего существования отрицает будущее Запада». Он считал, что «истинный защитник России — это история, ею в течение трёх столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу»⁹.

Запад скорее предстаёт в образе купца, пирата и путешественника,

несущего «бремя белого человека». Вспоминается сэр Френсис Дрейк (1540–1596), грабивший испанские галеры с золотом, совершивший второе в истории кругосветное путешествие, отмеченный в работорговле и возведённый в рыцарское достоинство на борту «Золотой лани» в Детфорде в 1581 году королевой Англии Елизаветой І. По делам награда — «подарок» королеве от Дрейка составил два годовых бюджета Англии.

Западу есть чем гордиться. В начале XV века Западная Европа была убогим захолустьем, измученным антисанитарией, с трудом оправившейся после чумы и погрязшей в войнах, казавшихся бесконечными. И тем не менее последние 500 лет прошли под знаком Запада, который смог обогнать могучий и блистательный Восток.

«Приложения-убийцы», позволившие выиграть поединок с Востоком, по мысли Н. Фергюсона таковы:

- «1. Конкуренция. Европа была политически разгромленной, к тому же в каждой монархии или республике действовали конкурирующие корпорации.
- 2. *Научная революция*. Все главные открытия, совершённые в XVII веке в математике, астрономии, физике,

химии и биологии, были сделаны в Западной Европе.

- 3. Верховенство права и представительное правление. В англоязычных странах появилась оптимальная социальная политическая модель, основанная на частной собственности и участии собственников в работе выборных законодательных органов.
- 4. Современная медицина. Почти все главные открытия в медицине в XIX–XX веках совершили западноевропейцы и североамериканцы.
- 5. Общество потребления. Промышленная революция произошла там, где существовали предпосылки: наличие техники, увеличивающей производительность, и растущего спроса на качественные и дешёвые товары начиная с хлопчатобумажной одежды.
- 6. Трудовая этика. Население Запада первым соединило труд с увеличением нормы сбережений. Это сделало возможным устойчивые накопления капитала.

Таковы ключи к западному господству» 10 .

Но это не последняя серия «исторического фильма», в котором мы участвуем. На первые места сейчас энергично выходят цивилизации Востока. Возможно, большое будущее ждёт и Русский мир. Многое зависит от нас.

История показывает, что европейская цивилизация вновь и вновь хочет развалить Россию! Наполеон, мечтавший покорить «Северного медведя», чтобы этим не пришлось заниматься его наследнику. Гитлер, грезивший о «жизненном пространстве» Третьего рейха и мечтавший дойти до Урала... Наконец, НАТО, планировавшее принять Украину в свои члены и разместить атомное оружие на её территории. Время подлёта баллистических ракет с ядерными боеголовками до Москвы, будь они размещены на Украине, — несколько минут.

⁹ Maлышев B. Читайте Тютчева, господа! Электронный pecypc https://www.stoletie.ru/territiriya_istorii//chitajte_tutcheva_gospoda_289/html

¹⁰ Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. / Пер. с англ. К. Бандуровского под ред. И. Кригера. – М.: Издательство ACT: CORPUS, 2017. – 404 с.

Вспомним Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организацию Варшавского договора, дружбу народов братских стран. Наше недавнее прошлое... Очень многое похоже на прекрасную утопию Данилевского. Ну а потом всё по Достоевскому. Хлопоты на цивилизационном разломе. Стремление славянских стран перебежать к сильнейшему... «Украина — це Европа», «Кто не скачет, тот москаль»... Снос памятников советским солдатам, погибшим при освобождении этих стран.

У Данилевского были оппоненты, сомневающиеся в больших перспективах и славном будущем Всеславянского союза. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский предвидел: «Не будет у России и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными...

России надо серьёзно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своём славянском значении и в своём особом славянском признании в среде человечества. Между собой эти землицы будут вечно ссориться, вечно друг другу и против друг друга интриговать. Разумеется, в минутку какой-нибудь серьёзной беды они все непременно обратятся к России за помощью... России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае...»¹¹

Кто же из них прав — Данилевский или Достоевский? Если не придавать чрезмерного значения переживаемо-

му моменту, а воспринимать историю как море, в котором бывают приливы и отливы, то правы оба.

Вспомним Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организацию Варшавского договора, дружбу народов братских стран. Самое тесное взаимодействие с теми самыми освобождёнными славянскими народами вначале от турок, потом от немецких фашистов. Болгария, Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия... Наше недавнее прошлое... Очень многое похоже на прекрасную утопию Данилевского.

Ну а потом всё по Достоевскому. Хлопоты на цивилизационном разломе. Стремление славянских стран перебежать к сильнейшему... «Украина — це Европа», «Кто не скачет, тот москаль»... Снос памятников советским солдатам, погибшим при освобождении этих стран. Особенно оригинально выглядят поляки, требующие контрибуции и от России, и от Германии и имеющие серьезные территориальные претензии к сопредельным странам. Оказывается, история и география были совсем не такими, как раньше думали.

Похоже на логику Френсиса Дрейка. Геополитическое пиратство Запада: «Было ваше, станет наше!» Совсем не очевидно, что станет. Раньше и Наполеон, и Гитлер полагали, что у них выигрышные карты и что вся Европа им поможет...

ДЕРЕВО ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ

Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной.

Р. У. Эмерсон

На осмысление перспектив и динамики цивилизаций огромное влияние оказала Первая мировая война. Мыслители Просвещения полагали, что развитие рациональной сферы, науки и технологий покажет людям «как надо» и убережет их от социальных катастроф. Война показала, что это не так! Эмоциональная и интуитивная сферы значат не меньше, чем рациональная.

Наглядный пример. Немецкий химик Фриц Габер, предложивший процесс синтеза аммиака из воздуха, необходимого для производства удобрений и взрывчатки, был удостоен Нобелевской премии по химии (1918). Продуктами, выращенными с применением этих удобрений, питается сейчас половина населения Земли.

Вместе с тем он сыграл ключевую роль в развитии химического оружия в годы Первой мировой войны. Он руководил группами, разрабатывавшими применение хлора и других смертоносных газов для окопной войны, и всегда был готов лично содействовать их применению, несмотря на их запрет Гаагской декларацией 1899 года, под которой Германия поставила свою подпись. Под его руководством будущие Нобелевские лауреаты Джеймс Франк и Густав Герц, Отто Ган принимали участие в организации газовой атаки во время Второй битвы при Ипре 22 апреля 1915 года. Кроме того, учёные, работавшие в его институте, создали отравляющее вещество «Циклон Б», которое немецкие нацисты исполь-

¹¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877, ноябрь, гл. 2. параграф III./Полное собрание сочинений в 30т., том XXVI, Ленинград, Наука ЛО, 1984, с.78–79.

зовали в газовых камерах Освенцима и других лагерей смерти. Габер говорил, что «в мирное время учёный принадлежит миру, но во время войны он принадлежит своей стране». Он активно защищал химическое оружие, объясняя, что смерть есть смерть, независимо от того, что является её причиной¹².

Первая мировая война была шоком, она заставила вглядываться в будущее, оглядываясь на прошлое. Около века назад (1918—1922) вышли два тома книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» 13. Логика этой работы во многом напоминает книгу Данилевского. Книга междисциплинарна — рассматривая цивилизации, Шпенглер оперирует теорией чисел, архитектурой, музыкой, философией, религией.

По сути, это проекция мировой истории на ось «эмоции». Шпенглер считал, что «Средство для позна-

ния мёртвых форм — закон. Средство для понимания живых форм — аналогия».

Шпенглер считает, что культура создаёт эпоху. Он рассматривает её как результат самоорганизации, обеспечивающей единство форм мышления, творчества, стилистики, выражающейся в экономической, политической, духовной, религиозной жизни: «У каждой культуры есть собственная цивилизация». Культура растёт, развивается, стареет и переходит в цивилизацию. Этот переход связан с тем, что происходит «омассовление» и появление огромных городов вместо деревни. Горожанин — кочевник и безбожник, предпочитающий деньги и власть героическим мифам и патриотизму. В этой фазе ведутся войны за мировое господство, во главе государства встаёт тиран, и мир оказывается перенасыщен техникой... Шпенглер считал, что фаустовская культура — культура воли — родилась в 1000-х годах и умерла в цивилизации XIX века. Он предсказывал, что Европу в ближайшее время ждёт упадок и гибель на фоне радости юных народов и чужеземных цивилизаций.

Девятой великой культурой, по Шпенглеру, является русско-сибирская, находящаяся на стадии зарождения. Он считал её самой молодой и предсказывал её расцвет...

Политики тоже размышляли о взаимодействии цивилизаций. Первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк писал: «Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских... Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России. Русские, даже

¹² Габер Фриц. Электронный ресурс. Https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Габер_Фриц

¹³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1998. — 663 с.

если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это — неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей». К сожалению, последний век показал, что здравый смысл и история не всегда являются хорошим аргументом для правящих элит.

Теории строятся в расчёте на приложения. И рассуждения, касающиеся цивилизаций, не исключение. Например, Н.М. Ракитянский рассматривает глобальные политические миры. На мой взгляд, это близко к интуитивному измерению политического пространства. По его мысли, парадоксальная реакция правящих элит многих стран определяется разницей их менталитетов: «Концепт «менталитет» является репрезентативным выразителем своеобразия когнитивных качеств,

морально-этических принципов, нравственных, духовных и религиозных ценностей этноса, социальной или культурной группы, отдельной личности»¹⁴.

При этом очень важную роль играет место данной цивилизации в религиозном пространстве. Казалось бы, разделение единого христианства на православную и католическую ветви произошло очень давно, в 1054 году. Однако судьбы церквей удивительным образом различаются. Католичество, с его папами, временами стремившимися стяжать не только духовную, но и мирскую власть, с Реформацией, религиозными войнами, инквизицией, во многом определило духовный строй Запада, его отношение к Богу. С одной стороны, официальный девиз США In God We Trust («На Бога уповаем») печатается на оборотной стороне ныне выпускающихся долларовых банкнот. С другой стороны, храм любого вероисповедания в этой

стране можно снять для вечеринки в свободное от церковных дел время. С третьей стороны, преподавателям выдают список церковных праздников разных религий, чтобы в эти дни не назначать контрольных, которые могут оскорбить чувства верующих. В результате на контрольные остаётся несколько дней. Свой мир.

Реальность после крупнейшей геополитической катастрофы ХХ века крушения СССР — стала иной. Пришла пора определять отношения Запада с другими цивилизациями. С Россией всё просто. «В XXI веке США будут развиваться против России, за счёт России и на обломках России», — говорил американский политолог 3. Бжезинский. Война на Украине показывает, что его слова не расходятся с делами правящей ныне американской администрации. А как быть с другими цивилизациями? Свой ответ предложила книга американского социолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»15.

¹⁴ Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. – М.: Издательство Московского университета, 2020, с. 59.

¹⁵ Хантингтон С. Становление цивилизаций./Пер. с англ. Велимеева Т., Новикова Ю. – М.: 000 «Издательство АСТ», 2014. – 864 с.

По его мысли, на Земле, соперничая, развивается восемь цивилизаций. Основой для самоорганизации в них являются смыслы и ценности (интуитивная часть нашей социальной картины), которые принципиально различны и не могут быть примирены друг с другом. Нынешнее столетие он мыслит как беспощадную схватку этих цивилизаций за тающие природные ресурсы. Нашу цивилизацию он называет «восточно-христианской». Он считает её самой слабой, «расколотой» и предвидит её уход с исторической сцены в ближайшие десятилетия. По его мысли, дело в том, что 10-15% населения, включая правящую элиту, близки ценности Запада, а 70% одобряют советский выбор. Война на Украине активизировала процесс «национализации элиты». Поживем, увидим, посмотрим на результат.

Пример блестящего развития и применения цивилизационной теории даёт работа выдающегося историка XX века Арнольда Тойнби (1889–1975). Дипломат, разведчик, публицист представил своё видение в книге «Постижение истории», в которой рассмотрел расцвет и закат 26 цивилизаций. Журнал «Тайм» характеризовал эту книгу как «самую дерзкую историческую теорию, написанную в Англии со времён "Капитала" Карла Маркса».

Логика его работы проста. В классе господа Бога находятся общества, которым он время от времени предлагает Вызовы — сложные задачи, от решения которых зависит их существование. Эти общества дают Ответы. Если Ответ удачен, то это даёт шанс сформировать или развить цивилизацию и перейти в следующий класс. Если нет, иногда бывает второй шанс. Иначе происходит удаление из исторического пространства¹⁶.

Основным вызовом, определившим формирование мира Рос-

Шпенглер считал, что фаустовская культура — культура воли — родилась в 1000-х годах и умерла в цивилизации XIX века. Он предсказывал, что Европу в ближайшее время ждёт упадок и гибель на фоне радости юных народов и чужеземных цивилизаций. Девятой великой культурой, по Шпенглеру, является русско-сибирская, находящаяся на стадии зарождения. Он считал её самой молодой и предсказывал её расцвет...

сии, Тойнби считал непрерывное внешнее давление. Коммунизм он рассматривал как контрудар, отбивающий то, что было навязано нашей стране в XVIII веке. Он считал, что «на вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик»¹⁷. По его прогнозу, в XXI веке определяющим историю Вызовом станет выдвинувшая свои идеалы Россия, которой будет противостоять Запад, исламский мир и Китай.

Если, следуя Данилевскому, трактовать цивилизацию как некий живой организм, то возникает соблазн использовать для его исследования идеи психологии. По этому пути шёл К. Юнг, вводя понятие «коллективного бессознательного», являющегося общим для социальных групп, их «общим знаменателем». По его мысли, коллективное бессознательное состоит из архетипов (общечеловеческих первообразов), духовные ценности устойчивы и универсальны, так как укоренены в архаических слоях души. Это мостик, связывающий человека с образами культуры. По этому же пути, подчёркивая связь с евразийскими идеями славянофилов, сейчас идёт А.Г.Дугин: «...одна из главных задач современной школы, современной педагогики, современной науки и уж потом современной общественности и современной власти — это перевести национальное самоощущение в национальное самосознание. Это значит понять, как нам перейти от коллективного бессознательного к коллективному сознанию. Как перейти от Юнга к Дюркгейму, от психоанализа, психологии, психоанализа глубин к социологии, к той сфере, где действует социальный логос. Социальный логос — это и есть национальная идея... это совокупность тех рациональных институтов, процессов, тезисов, ценностей, которые народ над собой воздвигает» 18.

Тем не менее стоит обратить внимание на два конструктивных направления, развивающих идеи теории самоорганизации. Следуя логике Данилевского и акцентируя внимание на интуитивных и эмоциональных началах, строил теорию этногенеза Лев Николаевич Гумилёв. Он выделял в обществе пассионариев — людей, готовых штурмовать неизведанное, а иногда и своей жизнью заплатить за воплощение идей; гармоников сочетающих личное и общественное благо, а также субпассионариев, желающих урвать у общества побольше, не внося своих усилий в коллективные проекты. Анализируя развитие множества этносов, Гумилёв пришёл к выводу, что по ходу их развития доля пассионариев в них уменьшается, а субпассионариев растёт. Этот анализ позволил ему построить

¹⁶ Тойнби А.Дж. Постижение истории (сборник). / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М.: Айрис-Пресс, 2002. — 440 с.

¹⁷ Тойнби, Арнольд Джозеф. Электронный ресурс https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Тойнби_Арнольд_Джозеф

¹⁸ Дугин Л.Г. Логос и мифос. Социология глубин. — М.: Академический проект; Трикста, с. 311.

знаменитую гумилёвскую кривую и императивы развития общества в разных фазах. Лев Николаевич не раз говорил, что он не ставит под сомнение экономическое основание развития социальных структур, на котором делал акцент исторический материализм, а показывает, что наряду с этим есть ещё одно важное измерение, характеризующее цивилизацию.

Очень интересен прогноз развития России, сделанный в рамках построенной теории: «Было бы самодеятельностью рассуждать об эпохе, частью которой являемся мы сами. Но если сделанное нами допущение верно, а мы пока не знаем фактов, ему противоречащих, то это означает, что России ещё предстоит перейти инерционную фазу — 300 лет золотой осени, эпохи собирающих плодов, когда этнос создаёт неповторимую культуру, остающуюся грядущим поколениям»¹⁹. Другими словами, теория Л.Н. Гумилёва очерчивает огромные перспективы для нашей цивилизации.

Конечно, рассматривая развитие идей Н.Я. Данилевского, следовало бы сказать о евразийстве, очерчивающем географию и историю нашей цивилизации, и о работах Л. Н. Гумилёва, развивающих это течение: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». Но обращу внимание на иное. На последних страницах своей последней книги «От Руси к России», изданной в год его смерти, в 1992 году, в начале «окаянных 90-х», он пишет о ключевом вопросе — о перспективах взаимодействия России и Запада. Его взгляд таков: «Исторический опыт показал, что пока за каждым народом сохранилось право быть самим собой, объединённая Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман.

К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здравой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами — пытались сделать всех одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения...

Конечно, можно попытаться «войти в круг цивилизованных народов», то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не достаётся даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция»²⁰.

Признак безвременья и мировоззренческого хаоса в нашей системе образования — отсутствие единого школьного учебника истории, рассматривающего XX век. Вопреки просьбе президента создать его, наши ребята учатся по... 86 разным учебникам. Причудливость некоторых из них поражает воображение. Почтенный академик объясняет, что выполнить поручение президента никак невозможно, потому что неясно, какую историю хочет видеть руководство страны. Мы теряем ещё одно поколение, не рассказывая ему о прошлом... Книга Л.Н. Гумилёва «От Руси к России» по-моему, была бы отличным школьным учебником.

Рассказывая о самоорганизации цивилизаций, мы обращали внимание на эмоциональное и интуитивное пространство. Но не менее важно и рацио. И здесь очень важным мне представляется подход, предложенный американским футурологом Элвином Тоффлером: «Мы мчимся к полностью иной структуре власти, которая создаст мир, разделённый не на две, а на три чётко определённые, контрастирующие и конкурентные цивилизации. Первую из них символизирует мотыга, вторую — сборочная линия, третью — компьютер.

Термин «цивилизация» звучит несколько претенциозно, особенно для американского уха, но нет другого термина, достаточно всеобъемлющего, чтобы он охватывал такие разные вопросы, как технологии, семейная жизнь, религия, культура, политика, экономика, иерархическая структура, руководство, система ценностей, половая мораль и эпистология...

Измените все эти социальные, технологические и культурные элементы одновременно — и вы получите не переход, а преображение; не просто новое общество, но начало — как минимум — полностью новой цивилизации.

Однако ввести на планете новую цивилизацию и ожидать мира и спокойствия — это верх политической наивности. У каждой цивилизации есть свои экономические (не говоря уже о политических и военных) требования.

В разделённом натрое мире сектор Первой волны поставляет сельскохозяйственные и минеральные ресурсы, сектор Второй волны даёт дешёвый труд и массовое производство, а быстро расширяющийся сектор Третьей волны восходит к доминированию, основанному на новых способах, которыми создаётся и используется знание.

Страны Третьей волны продают всему миру информацию и новшества,

¹⁹ Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992, с. 291.

²⁰ Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М.: Экспресс, 1992, с. 299.

менеджмент, культуру и поп-культуру, передовые технологии, программное обеспечение, образование, профессиональное обучение, здравоохранение, финансирование и другие услуги. Одной из этих услуг может оказаться военная защита, основанная на владении превосходящими вооружёнными силами Третьей волны»²¹.

Иными словами, есть ещё одно важное измерение в цивилизационном пространстве.

БОЛЕЗНИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ЗАПАД: ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Цивилизация— не состояние, а движение, не гавань, а путешествие.

А. Тойнби

Легко и приятно писать о цивилизациях, имея дело с горизонтом в тыся-

чу или хотя бы в сотни лет. Но сейчас всё меняется гораздо быстрее — события нескольких десятилетий могут «остановить» цивилизацию, а отсутствие Ответа на Вызов стать её тяжёлой болезнью.

Лидером Запада являются США. Внутренние проблемы этой страны, грезящей о «Граде на холме», транслируются на весь мир.

США являются единственной страной, где от COVID-19 умерло более 1 миллиона человек. Представление об эффективной социальной и медицинской системе США оказались блефом...

США лидирует по количеству заключённых в абсолютном выражении — около 2,2 млн человек находятся за решеткой. Это 25% всех заключённых планеты (больше, чем в 35 европейских странах, вместе взятых, и на 40% больше, чем в Китае),

хотя население США составляет 5% населения мира (329 млн человек). Среди заключённых около 72 тысяч— несовершеннолетние. Американская «свобода», даже для своих граждан, оказывается весьма специфичной.

В историю вошли неэффективные военные расходы США. В создание и производство самолёта F-35 было вложено 1,5 триллиона долларов. После этого в машине было обнаружено около 1200 недостатков, из которых несколько сот «весьма серьёзных».

Развал средней школы США возник из-за требований ставить не двойки, а тройки латиноамериканцам и неграм, чтобы избежать расовой сегрегации. Политкорректность — это всё.

«Плавильный котел» американского общества, делающий из людей разных наций «настоящих американцев», не работает. Возникает множество

²¹ Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992, с. 299.

Кажется, что нас, как ненужных кукол, на 30 лет убрали с мировой сцены и спрятали в ящик с нафталином... Больной, бессильный Илья Муромец. Но Запад решил уничтожить Россию. Военное столкновение цивилизаций. И это совсем другой сценарий. Всё как в былине. Нужно разворачивать армию и воссоздавать оборонно-промышленный комплекс. Создавать Ставку Верховного главнокомандования, Госплан, Госкомитет по науке и технологиям. Надо переводить страну на военные рельсы: «Всё для фронта, всё для победы!» Прежняя реальность кончилась, начинается новая.

разных сообществ, негативно относящихся друг к другу. 40% американцев считают возможной гражданскую войну в своей стране в ближайшие годы.

Америка была лидером эпохи модерна с его идеалами — наивность, искренность, разум, надежда, прогресс, ясность. Но сейчас она в море постмодерна, где царствуют ирония, цинизм, симулякр, массовая культура, деконструкция, гей-парады, транссексуалы — признаки волны «нового хаоса». И сейчас Френсис Фукуяма, писавший о величии Америки, сетует: «Какими бы важными ни были материальные интересы, люди руководствуются другими мотивами. И эти мотивы лучше объясняют нынешний хаос».

Америка уже не может быть «шерифом» всего остального мира. При этом США имеют более 700 военных баз (95% от всех баз в мире, вместе взятых), в Германии их более 200, в Японии около сотни. Тем не менее Америка «провинциальна» — её классики Э. Хемингуэй («Прощай оружие»), Дж. Хеллер («Уловка-22») и другие прекрасно описали, насколько чужды американцам дела чужих стран. Их идеал воевать чужими руками: корейцы против корейцев, вьетнамцы против вьетнамцев, а сейчас на Украине русские против русских.

Проект глобализации, продвигавшийся Западом, провалился. И сейчас

в «первой лиге» (США, Европа, Китай) идет совсем другая игра.

Проект Китая «Один пояс — один путь» очень усилил бы и Китай, и Европу и оттеснил бы США на обочину. Это очень нужно Европе — она слишком много «съела» и страны Восточной Европы «переварить» не может.

Умиляет запрет болгарам выращивать болгарский перец, требование контрибуции великой Польши, предъявленные к Германии и России, семинары по партизанскому движению в Эстонии. Лучший способ сорвать китайский проект и «опустить» Европу («Боливар не выдержит двоих») — это военная нестабильность на территории пути из Китая в Европу. Это украинский вариант, созданный США, — чем дольше он будет продолжаться, по мысли их администрации, чем больше русских убьют русские и разрушат заводов, тем лучше.

Наступает новая эпоха. Небо темнее всего перед рассветом.

ДОЛЯ ИЛЬИ МУРОМЦА

Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын. Сиднем сидел тридцать лет.

> Былина «Исцеление Ильи Муромца»

Прошло тридцать с лишним лет со времени Августовской контрре-

волюции 1991 года. И мы опять перед ложным выбором — за белых или за красных, за правых или за левых. Вспомним 100-тысячные митинги людей, желавших перемен, надеявшихся, что у них будет всё, что есть, и ещё много хорошего. Конечно, как и бывает при цветных революциях, их одурачили и лишили необходимого. По-прежнему актуальны стихи Евгения Лукина:

Нам демократия дала Свободу матерного слова. Да и не надобно другого. Чтобы воспеть её дела.

И всё же, чего не хватало? И сейчас не хватает? Неинтересно жить. У человека нет возможности использовать свои возможности, сделать что-то реальное, чем можно гордиться. Мы взяли худшее от советского строя и от периферийного капитализма, рассчитанного на страны третьего мира. Единственная цель бюрократии — помочь людям, а у нас она обычно действует наоборот. Подтверждение тому — миллионы просьб, поступающих на прямую линию с президентом, вплоть до пожеланий починить трубу.

«Некуда жить, вот и думаешь в голову», — сетует один из героев Андрея Платонова. Нет, не думает, а пьет водку или «живёт начерно», или понимает, что перспективы нет. Главное в цивилизации — люди. И с этой точки зрения мы вымираем. Для воспроизводства народа должно приходиться 2,1 ребенка на женщину (суммарный коэффициент рождаемости), а у нас 1,5. Зачем мы обижаем себя? Почему у нас детские вещи очень дороги? Почему испанские дети в возрасте четырёх лет в детских садах уже читают, а у нас нет? Почему у нас миллионы программ, но в 95% школ нельзя получить полноценного образования? Тут не надо высоких технологий, импорта, нужно просто навести порядок. Нужно государство, не имитирующее кипучую деятельность,

а работающее на людей. Неужели при современных-то технологиях мы не можем обеспечить нормальным жильём людей?

У людей нет возможности нормально работать и жить полноценной жизнью. Скучно и перспективы не видно, нет морковки перед носом. На Западе с его культом денег есть — высокая планка вместо нашей глухой стенки. Результаты налицо: «...за тридцать лет ВВП России вырос только на треть и составляет \$4,1 трлн. В то время как за эти тридцать лет ВВП США вырос в 7,7 раза — с \$6 трлн до \$16 трлн, а ВВП Китая — в 35 раз, с \$415 млрд до \$16 трлн. При этом доходы нижних 50% населения России в 1980—2016 гг. снизи-

лись на 26%, в то время как в Европе выросли на 26%, а в Китае на 417%»²².

В начале реформ надеялись на предпринимательство. Но во Франции, известной высокими налогами, с каждого евро надо платить 39 евроцентов налогов, а у нас с каждого рубля 79. Какое уж тут производство?!

Кажется, что нас, как ненужных кукол, на 30 лет убрали с мировой сцены и спрятали в ящик с нафталином... Больной, бессильный Илья Муромец. Но Запад решил уничтожить Россию. Военное столкновение цивилизаций. И это совсем другой сценарий. Всёкак в былине.

Нужно разворачивать армию и воссоздавать оборонно-промышленный комплекс. Создавать Ставку

Верховного главнокомандования, Госплан, Госкомитет по науке и технологиям. Надо переводить страну на военные рельсы: «Всё для фронта, всё для победы!» Прежняя реальность кончилась, начинается новая.

И правы А.Б. Кобяков и М.В. Восканян — тут не до правых и левых²³. Опыт Второй мировой войны показывает, что в СССР, США и Германии действовали похожим образом, организовывая армию и оборону.

И вспоминаются слова Александра Невского — символа нашей цивилизации: «Надо крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет», «Если с нами Бог, то кто против нас?» Действительно, кто против?

Бетелин В.Б. Горизонты цифрового будущего завтра— это модели её экономики и образования сегодня./Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности (3–4 февраля 2022 г., Г. Москва)./Под ред. Г.Г. Малинецкого.— М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2022, с.32.

²³ Кобяков А., Восканян М. Социальный консерватизм. Выход из конфликта левых и правых идей. — М.: Книжный мир, 2021. — 448 с.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ/

Украина: агрессия Постмодерна

ЕВРОПА, ПОСТМОДЕРН И ЕВРОНАЦИЗМ

Вопрос не в том, почему почти все страны, подпадающие под понятие «коллективный Запад» или «Евроатлантика», соединились во вражде к России. В подобном объединении нет ничего особенного, принципиально нового и «эсхатологически предопределённого». И разговор о том, что «Запад всегда ненавидел

Россию», во многом и примитивен, и неверен. Когда-то он против России объединялся, когда-то — разъединялся, когда-то заискивал и вступал с ней в союзы, одновременно восхищаясь её культурой и искусством.

Особенность отношения Запада к России определялась не чем-то мистическим и потусторонним, а конкретным раскладом сложившихся интересов и балансов сил. А Россия почти всегда была источником

и центром силы, и эту силу пытались, с одной стороны, привлечь на свою сторону, а с другой — не дать ей превратиться в начало, явно доминирующее над всеми остальными участниками процесса, - в чём ее всегда подозревали, и очень часто абсолютно безосновательно: как все великаны, она в общем-то всегда была достаточно добродушна, хотя и способна на «ярость благородную».

Вопрос вообще не в том, почему они все объединились против России, вопрос в том, почему все они объединились вокруг Украины, и именно нацистской Украины. Формально наследующая либерализму Евроатлантика в едином порыве встала на защиту нацизма.

И не правы те, кто утверждает, что сама эта цивилизация всегда была склонна к тем или иным росткам расизма и деспотии по отношению к другим народам — хотя и это имело место.

Дело в том, что Европейская цивилизационная зона уже давно рассталась с наполнением той классической Европы, которая опиралась на всё то, что называется конструктом Модерна, от Возрождения до Просвещения с включением как составляющей оси прогресса, гуманизма и антропологического оптимизма. От этого она ушла давно и далеко: пройдя стадию остывающего Модерна, который почти безвольно упал в объятия того, ещё героического, но уже бесчеловечного старого национал-социализма, Контрмодерна, выразившего своеобразный протест против деградационных трендов европейской цивилизации. Тогда Европу спас конструкт Сверхмодерна, воплощённого в проекте Коммунизма.

Сейчас Европа перешла в стадию Постмодерна, такой деградационной ветви развития, когда все стрежневые моменты своей классики превратились в собственную противоположность. Идея Свободы превратилась в идею «всех и всяческих свобод» от любых выработанных цивилизацией ограничений, идея гуманизма — в идею абсолютизации человеческих слабостей, идея Разума в идею поглощающего скепсиса, идея прогресса — в идею благотворности постоянных изменений как таковых. Постмодерн и, соответственно, Евроатлантика стали зоной отказа от признания единства истины, зоной морального релятивизма, отказа от классических ценностей и цивилизационных запретов. Европейский социум, не сумев обеспечить человеку

свободу созидательного развития, предложил ему паллиатив: свободу удовольствий, провозгласив комфорт и наслаждение телом и потреблением высшей свободой животного начала в человеке.

И возникло раздвоение: с одной стороны, Постмодерн Европы обожествил в человеке животное и вызвал тягу к низменности, одновременно породив тоску по животной силе, по наличию той силы, которая сможет стать центром притяжения. С другой стороны, уничтожив моральные и цивилизационные запреты, он снял запреты на зверство вообще и нацизм в частности.

Что такое нацизм? В своей исходной форме, форме этнического национал-социализма Гитлера, — это представление о том, что высшей расе, немцам, достаётся «урезанный социализм», собственность и социальная забота, а порабощение и уничтожение — низшим. Но уже гиммлеровские ваффен-СС вышли за пределы германской этничности, а после 1945 года среди бывших нацистов стало формироваться представление об ошибочности этнического нацизма и создании господствующей нации из разных этносов, в своём объединении признаваемых высшими.

Евросоюз создал своего рода наднациональную общность, евронацию. Создал во многом именно на присвоении произведённого «неевропейцами» — как в самой Европе, так и вне её.

Когда бесноватый Майдан в 2014 году сливал требование «евроинтеграции» с остервенением бандеровцев и лозунгами «Украина превыше всего!», это казалось неестественным, исходя из представлений о несовместимости ни европейского гуманизма, ни европейской толерантности с идеями нацизма. Только противоречие было кажущимся, взятым из прошлой эпохи существования старых классических наций, когда ставился вопрос о превосходстве германской нации над французами и славянами. С точки зрения эпохи Постмодерна и создания евронации противоречия не было: порыв обывателя Украины в Европу был порывом присоединения к новой «высшей нации», также осуществляющей господство над другими, «низшими народами». И откровенные нацисты Украины сливались с украинскими евроинтеграторами в одном представлении: они должны быть среди «высших».

Могло казаться, что это должно пугать и европейских обывателей, и европейских интеллектуалов, и европейские элиты, — но если оно и пугало — только в том отношении, что украинцев они считали слишком диковатыми и некультурными для их высшего сообщества. Но сама по себе идея возрождения нацизма в новой форме, в которой он должен был бы дать смыслы, волю и стержневую силу деградирующей постмодернистской евронации, — вполне

Сейчас Европа перешла в стадию Постмодерна, такой деградационной ветви развития, когда все стрежневые моменты своей классики превратились в собственную противоположность. Постмодерн Европы обожествил в человеке животное и вызвал тягу к низменности, одновременно породив тоску по животной силе, по наличию той силы, которая сможет стать центром притяжения. Уничтожив моральные и цивилизационные запреты, он снял запреты на зверство вообще и нацизм в частности.

№ 9 (107), 2022 **91**

Объективно война, которую сегодня Российская Федерация ведёт на территории бывшей УССР, — святая война. Это вообще не война России с Украиной и русских с украинцами — это война антифашистов с фашистами и нацистами. Речь идёт о том, что Западная коалиция на Украине отрабатывает форму своей будущей жизни, одновременно используя украинских нацистов как свой боевой кулак. Россия вступила в борьбу против определённой мировой тенденции, предполагающей, что сложившаяся «евроатлантическая нация» через «евронацизм» оформляет своё положение господства над остальным миром.

подходила. А запреты на нацизм, установленные трагедией Второй мировой войны, не первый год преодолевались хотя бы на материале Прибалтики, где эксперимент с реабилитацией нацизма уже не вызвал отторжения европейского общества.

То есть европейский цивилизационный конструкт, с одной стороны, нуждался в чём-то подобном нацизму, чтобы дать скрепляющий стержень для обеспечения своего национального господства, с другой — избавился от комплексов и запретов на принцип национальной исключительности и политическое зверство.

Могло казаться неестественным, что Европа не замечает ни возрождения нацистов в Прибалтике, ни откровенных фашистских зверств на Украине. Можно было списывать её терпимость на пресловутую «русофобию» и готовность всегда найти способ нанести вред России. Но всё было и проще, и сложнее.

Запад всё замечал и всё видел. И именно поэтому брал под защиту не Украину, но многообещающий эксперимент возрождения нацизма. Впрочем, антироссийскость здесь тоже имела место: и как стремление ограничения развития России, но ещё больше — как стремление низложить Россию как образ и некое остаточное воплощение советскости, то есть — антинацизма. Борьба совре-

менной Европы против современной России — это, прежде всего, борьба евронацизма и общеевропейского запроса на нацизм против памяти о его разгроме.

Поэтому поддержка Евроатлантикой нынешней Украины и укронацизма — естественна и закономерна, она — продукт Постмодерна и общего процесса евродеградации. Они — их родное и долгожданное.

И задорность, с которой Олаф Шольц посмеивался над геноцидом на Украине, — это бурлящие в нём надежда и ожидание, расчёт на то, что победа украинского нацизма на Украине станет шагом к реабилитации его родного нацизма, немецкого, надежда на то, что если не Германия — то кто-то сумеет взять реванш у России как символа разгрома гитлеризма. Отсюда — и увлечённый порыв на передачу нацистам Украины немецких противотанковых снарядов и «Стингеров».

Отсюда — далеко не умным шагом со стороны России было ставить задачу денацификации Украины (что правильно) под обещание заодно её окончательно «декоммунизировать»: уж либо с нацистами, либо с коммунистами, либо «декоммунизировать», либо «денацифицировать»... А одновременно — это сапоги всмятку могут получиться...

Как бы то ни было, главное: утверждать, что Евроатлантика под-

держала Украину просто назло России, — наивность неофилофейства. Это для Запада было вторичным. Евроатлантика поддержала свою надежду на будущее и своё видение своего будущего.

Первичное — это запрос современной постмодернистской Европы на свою самоидентификацию в идее евронацизма, запрос на возвращение силового мускульного начала как опоры сохранения её господства в мире, на защиту своей укронацистской лаборатории, в которой она с гипнотическим самоувлечением отрабатывает оформление своей сегодняшней внутренней сущности.

И говоря о своей миссии денацификации Украины, Россия должна понимать как то, что рано или поздно она столкнётся с проблемой евронацизма, так и то, что бороться с теми или иными воплощениями нацизма без предложения и Украине, и Европе своего проекта Сверхмодерна — Сизифов труд.

СВЯТАЯ ВОЙНА. ЛЕНИН И ПУТИН

Объективно война, которую сегодня Российская Федерация ведёт на территории бывшей УССР, — святая война.

Эта война святая не потому, что идёт за Россию и русский язык против нынешней Украины — хотя и это важно, но воюющие с другой стороны тоже, в массе своей, говорят между собой по-русски, а русские националисты подчас воюют на стороне киевского режима. И не потому, что, по сути, стала войной за национальную независимость и суверенитет России против агрессии Западной коалиции, начатой против России в феврале 2014 года с захватом Киева. Это вообще не война России с Украиной и русских с украинцами — это война антифашистов с фашистами и нацистами. Речь идёт о том, что Западная коалиция на Украине отрабатывает форму своей будущей жизни, одновременно используя украинских нацистов как свой боевой кулак.

Нация — это не кровь, нация — это определённое социальное сообщество, складывающееся вокруг рыночных отношений. Кровь, история, культура — это всё конструкты, «приводные ремни», используемые для скрепления этого господствующего сообщества в рамках организации многоэтажного человечества. Так что Россия по ряду причин вступила в борьбу против определённой мировой тенденции, предполагающей, что сложившаяся «евроатлантическая нация» через «евронацизм» оформляет своё положение господства над остальным миром, устанавливая внутри себя и для себя определённое подобие социального государства, обеспечивающего свои социальные обязательства за счёт народов и стран, в эту нацию не влившихся.

То есть РФ сегодня ведёт ту же самую войну, которую разрушенный ею Советский Союз вёл в 1941–1945 гг. И она, как и он когда-то, опять прикрывает собой человечество, останавливая экспансию всё того же крупного капитала с его идеей мирового господства.

Для неё это война за самосохранение — но в итоге и за сохранение относительно цивилизованного состояния человечества: защищая себя, она защищает человеческую цивилизацию как таковую, человеческое существование мира как таковое. И в этом святость этой войны, ни проиграть которую, ни пойти на компромисс в которой она себе позволить не может: компромисс будет поражением, поражение будет её уничтожением вместе с уничтожением гуманистической цивилизации как таковой. Поэтому отказ от поддержки этой войны - есть поддержка противостоящих сил, то есть поддержка нацизма. По отношению к стране — это национальное предательство, по отношению к истории и человеческой цивилизации — варварство. Призыв к миру сегодня, обращённый к России, — это варварство. Если Россия проиграет — её растопчут, человечество — закабалят.

Россия ведёт сегодня войну в значительно худших условиях, нежели её

вёл СССР в прошлую войну. И потому, что не имеет накалённой идеологии, не имеет той сплочённости, той автономной экономики и той ясности целей и задач, а ещё — той международной поддержки — как на властных, так и на низовых уровнях, — которую имел Советский Союз. Поэтому её задача — объединять вокруг провозглашаемых целей всех противников нацизма и обеспечивать, чтобы все, кто не является сторонником нацизма на другой стороне, оказывались тяготеющими к ней.

Путин обозначил как цели России на Украине демилитаризацию и денацификацию. Не упомянув почему-то демократизацию и деолигархизацию. Зато, за два дня до этого, добавив к двум названным «полную декоммунизацию» и уничижительно пройдясь по Ленину, обвинив его в том, что тот оторвал от России исконно русские земли и подарил их Украине, пообещал это исправить. То есть выступил враждебно по отношению к тому началу на Украине, которое является основным носителем дружественных России настроений, — не очень активной, но массово значительной просоветской ментальности. Одновременно ударив и по своей собственной опоре в России — советской ментальности и советскому электорату.

Тот немалый массив украинского общества, терроризируемый нацистами и украинской властью в целом, во многом забитый и пострадавший, не имея сил и организации для борьбы, который продолжал праздновать 9 мая и ожидал от России избавления от нацизма и ждал прихода «Красной армии», услышал от Путина обещание и «денацификации», и декоммунизации и увидел армию, идущую под флагами армии генерала Власова. Ясно, что в силу разных обстоятельств Россия, принимая этот флаг, сделала вид, что к власовцам он отношения не имеет, — но он же к ним отношение имеет...

И на фоне обещания «декоммунизации» это составляет некое смысловое единство. Тем более что формально нынешняя киевская власть объявляла всё время, что она и за денацификацию, и за декоммунизацию. Тогда с точки зрения сохраняющегося на Украине «советского украинца» какой смысл с цветами встречать декоммунизаторов под флагом армии Власова и эпохи Егора Гайдара, принимая их власть вместо власти демокоммунизаторов под флагами Петлюры и Бандеры...

И что значит «декоммунизировать» страну, где и так запрещена советская символика и снесены памятники Ленину...

№ 9 (107), 2022 **93**

И на фоне этого у «советского русского путиниста» ведь тоже возникает вопрос: если сегодня объявлен поход на Украину для её «декоммунизации» — хотя уж что в стране с нацистским режимом «декоммунизировать», — то не будет ли после возвращения объявлена «окончательная декоммунизация» уже и в России, где как раз от «советскости» и «коммунистичности» ещё немало осталось...

Да, Путин до сих пор вполне бережно относился к внешним атрибутам советского наследия. Но ведь он когда-то и пенсионный возраст обещал не повышать, и Конституцию под себя не менять... Мало ли что было раньше...

Вроде бы в ряде случаев российские колонны уже начали вместо власовско-гайдаровских триколоров использовать Знамёна Победы. Тем более что официальным знаменем российской армии всё же является Красное знамя. Хотя и непонятно, почему государство, объявившее себя наследником Победы 1945 года и правопреемником и продолжателем СССР, принимает своим флагом флаг армии предателей, вообще мало с чем славным в истории России связанный, и еще к тому же допускает эскапады по поводу «окончательной декоммунизации». Главное — зачем...

Даже если ограничивать понятие «декоммунизация» по отношению к современной Украине одним только «отрезанием исконно русских территорий, подаренных Украине Лениным», для той же ещё широко сохраняющейся «советско-украинской идентичности» это означает отрезание от неё части того, с чем она себя идентифицирует, и создание из неё нового противника — вместо того, чтобы на неё опереться.

Да, Ленин поддержал решение о включении Донецко-Криворожской Советской республики в состав Советской Украины: и для того, чтобы противопоставить во многом мелкобуржуазной и буржуазной массе украинского населения многочисленных рабочих Донбасса, но и для того, чтобы противопоставить возможным

эксцессам украинского национализма заведомо пророссийское население того же Донбасса. То есть создал основу, которая в случае подобных эксцессов не позволила бы оторвать Украину от единого Союзного государства. О том, как это было на самом деле, — стоит говорить отдельно.

Если Украину от России оторвали — то не по воле Ленина и даже не по воле его формальных наследников, зато при поддержке и с подачи руководства России 1991 года. И той России, бесноватые избранники которой в 1990 году первыми заявили о своём суверенитете и отказе подчиняться законам единого государства. Украина только взяла с неё пример.

Только когда в прошлый раз, в начале 1918 года, буржуазная Украина при поддержке Германии заявила о своём выходе из состава России, ни Ленин, ни его преемники не ждали ни тридцать, ни восемь лет, чтобы её вернуть. Менее чем через год Красная армия была в Киеве, а ещё через год на стороне националистов петлюровского правительства выступила Польша Пилсудского, вторгшаяся на территорию Украины и захватившая Киев (причём при поддержке провозглашенной «Русской» триколорной армии Врангеля, нанесшей удар в спину сражающейся с Петлюрой и Пилсудским России). А примерно через полгода, к осени 1920 года, большая часть Украины была воссоединена с Россией. Не будь удара Врангеля воссоединили бы и всю Украину.

Два года потребовалось Ленину для возвращения Украины. Два года —

не тридцать и не восемь... И упрекать его за что-то — некрасиво и нечестно.

Сегодня РФ свою вину 1990-1991 годов искупает большой ценой, в том числе и кровью. И стоит перед выбором: победить или прекратить своё существование. И не нужно ей мешать — ни взваливая на других свои былые ошибки, ни тем более ударами под руку и в спину, криками о любви к миру, деликатным отстранением от принятия на себя ответственности за поддержку военной операции на Украине, бегством из страны, заверениями противостоящей стороны в своей лояльности и прочим изобретением изысканных форм национального предательства.

Россия либо победит — либо будет раздавлена и уничтожена. И либо спасёт цивилизацию от нового нацизма как инструмента власти «железной пяты олигархии», описанного 120 лет назад Джеком Лондоном, — либо пророчество писателя сбудется, и на мир опустится новое варварство.

ХУЖЕ ВОЙНЫ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО СТРАХ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Война — это плохо. И так скажет любой адекватный человек, ему не нужно это объяснять. Если нужно — значит, это неадекватный человек, и объяснять ему, что война это плохо, — бесполезно.

Война — это плохо, потому что одни люди убивают других людей, которые подчас ничего плохого лично им не сделали. Война — это плохо, потому что гибнут не только «люди вообще», но близкие тебе люди, гибнут дети — и просто дети, и солдаты, которые тоже являются чьими-то детьми. Люди убивают людей, уничтожают уже построенное и сделанное, несут горе матерям, жёнам, всем тем, чьи близкие погибают.

Да, кто-то любит войну — потому что является не вполне психически полноценным человеком. Но войны ведут в первую очередь не те, кто их любит, — а те, кто знает, что война — это плохо. И ведут их не потому, что они кому-то нравятся, а потому,

что вынуждены защищать — себя, свою страну, свои интересы.

И если идёт война и над страной нависла угроза, рассказывать, что война — это плохо, значит просто лицемерить. А призывать прекратить войну — это значит звать к капитуляции. Конечно, можно вспоминать курс большевиков, призывавших к поражению и свержению тогдашнего правительства тогдашней России. Кому-то это очень не нравится, и он становится в позу, обвиняя большевиков чуть ли не в национальном предательстве, только это значит, что выдвигающий такие обвинения — либо лицемер, либо невежда: потому что большевики никогда не призывали к поражению России и победе Германии — они призывали к поражению всех империалистических правительств и свержению властей и России, и Германии, и Англии, и Франции — и так далее. И обладали для этого определённым ресурсом. Ещё раз: они не звали к капитуляции своей страны перед другими странами. Поэтому это про другое. Тоже интересное.

При прочих обстоятельствах, если на страну напали, а некто говорит, что воевать не надо, — значит, он ведёт к тому, чтобы страну покорили. Что означает в этом случае «не допустить войны»? — это, значит, не сопротивляться и капитулировать. Мотивируя свою капитуляцию стремлением не допустить гибели чьих-то сыновей, братьев, отцов.

В общем — та же логика, по которой французы в 1940 году сдали Париж, а российские коллаборационисты уже в XXI веке твердили, что в 1941 году нужно было сдать Ленинград.

Конечно, можно сказать, что одно дело — прямое нападение врага, а другое — просто приближение его военных структур к твоей границе, причём после захвата соседней страны. Только утверждать, что установление врагом контроля над граничащей с тобой территорией, откуда будет удобно наносить удары по твоим позициям и твоей стране, не является угрозой для твоей страны, — это точно то же

Когда тебя «петлёй анаконды» окружают силы формально не воюющих с тобой, но враждебных тебе государств, захвативших и подчинивших себе твоих соседей, превращая их в своих наёмников для войны с тобой, — у тебя выбор: ждать атаки либо удушения — или разорвать эту петлю. Вопрос Украины — это не вопрос «имперских амбиций России». Это вопрос имперских амбиций Запада и США.

самое, что говорить, будто захват противником ключевых огневых высот вокруг твоих позиций — исключительно дружественное и миролюбивое дело.

Войны ведутся не потому, что кому-то нравится процесс войны, — войны ведутся потому, что сталкиваются интересы государств и одним государствам приходится оказывать сопротивление другим, пытающимся их себе подчинить. И когда тебя «петлёй анаконды» окружают силы формально не воюющих с тобой, но враждебных тебе государств, захвативших и подчинивших себе твоих соседей, превращая их в своих наёмников для войны с тобой, — у тебя выбор: ждать атаки либо удушения — или разорвать эту петлю.

И когда в этих условиях те или иные, казалось бы, патриоты и генералы начинают призывать свою страну «не допустить войны», становится яснее, почему армия, в которой они служили, и в 1991-м, и в 1993 году предала свою страну. Не попыталась встать на пути ни одного, ни другого переворота и капитулировала, не сделав ни одного выстрела.

Довод «не дать пролиться крови» замечателен. Особенно если она и не льётся. А если она уже льётся, и есть опасность, что её будет больше, остановить её можно, только пролив кровь того, кто её уже льёт.

Вопрос Украины — это не вопрос «имперских амбиций России». Это вопрос имперских амбиций Запада и США, и это вопрос вторжения страны, объявившей Россию своим врагом, на историческое пространство

России, общее у неё с Украиной. Это агрессия против исторического пространства России.

Агрессия на то и является агрессией, что она должна быть остановлена. Агрессия началась много лет назад. По сути, Россия всё время проводила политику умиротворения агрессора. Что и создало реальную угрозу войны сегодня.

Россия не вмешалась в ситуацию в 2004 году, во времена первого майданного переворота.

Россия не предприняла мер по поддержке конституционного строя и законной власти на Украине в 2014 году.

Дело даже не в том, правильны были её действия тогда или нет. Хотя и тогда внезапно из поля «патриотического лагеря» вдруг надрывно зазвучали голоса, призывающие не вводить войска на Украину: то ссылаясь на то, что армия не готова, то уверяя, что Россия рискует попасть под санкции Запада.

Один из любимых доводов «пацифиствующих патриотов», что всё происходящее - провокация Запада и «англосаксов», стремящихся развязать войну «славян между собою». При полном непонимании того, что тому же Западу давно безразлично, кто перед ним: славяне, тюрки, романцы, вьетнамцы, германцы, — им нужно, чтобы перед ними были «покорные». Не славяне с Украины должны воевать со славянами из России - «покорные» и покорённые должны создавать угрозу для непокорных и непокорённых. И понуждать их к покорности.

Угрожая войной украинских славян против российских славян, они решают простую задачу: вынудить Россию к покорности, сделать непокорных покорными. И когда «пацифиствующие великоросские патриоты» начинают пугать руководство и народ России «ужасом межславянского кровопролития» — они объективно присоединяются к игрокам Западной коалиции, по существу делая одно дело: призывая и принуждая Россию к покорности.

Потому что, отказавшись сегодня от противодействия агрессии Запада и давлению с его стороны, Россия и сделает то, чего от неё добиваются: согласится на покорность. А тогда от неё уже можно будет требовать что угодно: любых уступок и любого унижения. Потому что тогда уже точно никто не поверит, что она способна на сопротивление.

Всё это было лукавством — потому что основные ссоры с Западом и все более или менее серьёзные санкции против России были объявлены не после Крыма и даже не после создания республик Донбасса, а после того, как Россия не вмешалась в этот конфликт и признала мнимую законность незаконных выборов и власти Порошенко.

Санкции тогда на Россию были наложены не потому, что она проявила твёрдость, а потому, что она уступила: когда уступаешь в серьёзном конфликте — тебя наказывают, сочтя, что раз ты уступил, то после наказания уступишь ещё больше.

В гибели людей на Донбассе в период с 2014 по 2022 год виноваты не те, кто оказывал поддержку борьбе антифашистов юго-востока Украины, а те, кто отговаривал руководство России от введения войск на Украину.

Если Россия отступит и сейчас — это в недалёком будущем обернётся и новыми санкциями против её граждан и её экономики, но, что важнее, — и новыми жертвами мирных людей в Донбассе. А скорее всего — и большей будущей войной украинского фашизма и его покровителей против России. Войну рождает накопление конфликтности — так на-

зываемого вирулентного потенциала. Чем дольше они копятся — тем в больших количествах накапливаются. Чем в больших количествах накапливаются — тем более разрушительными последствиями оборачиваются.

Война — это плохо. И только сумасшедший может думать иначе. Потому что война — это смерти и разрушения. Но вина в этом не тех, кто вынужден отвечать на угрозы сегодня, — а тех, кто, в страхе перед войной, не решился пресечь эти угрозы вчера.

Хорошо было бы сегодня избежать войны с Украиной. Только войну предотвращает не миролюбивая пропаганда — а готовность к войне, проявление силы и демонстрация противнику уверенности в том, что ты войны не боишься и пойдёшь в итоге до конца.

Война — это плохо. Но хуже может быть только одно: попытка её избежать. Дороже обойдётся.

ПЕРЕГОВОРЫ НА ФОНЕ СМЕРТЕЙ

Андрею Громыко принадлежат (или приписываются) красивые слова: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». И это кажется очень правильным само по себе — если все эти десять лет люди не убивают друг друга. А тем более — звучит солидно и убедительно именно как жизненный девиз ветерана советской дипломатии, создававшего ООН, двадцать восемь лет возглавлявшего МИД СССР и оставившего пост только для того, чтобы занять должность официального главы СССР.

Если вместо того, чтобы начать убивать друг друга, две страны десять лет ведут дипломатические переговоры — это почти замечательно. При двух оговорках: во-первых, если, пока эти переговоры идут, противостоящие стороны действительно не ведут боевых действий друг с другом. И второе: если эти десять лет заканчиваются разрешением конфликта, а не ещё более жестокой войной, для которой все десять лет на самом деле и копится потенциал.

Кстати, тот же Громыко считал, что переговоры хороши только тогда, когда опираются на применение военной силы или угрозу применения военной силы, а без этого цена дипломатии равна «цене чернил, которыми пишутся договоры». Но всё же считал, что длительные переговоры лучше короткой войны.

И может быть, эта его установка и вела его к тем или иным политическим ошибкам, которые у него всё же были: и обосновывал возможность вступления в 1954 году СССР в НАТО, и поддержал государственный переворот 1957 года, выступив против своего покровителя и соратника Вячеслава Молотова на стороне Хрущёва (хотя, осознав ошибку, в 1964 году поддержал смещение последнего).

В 1960-1970-е годы, утонув в стремлении договориться с Западом, пропустил возможности, открывавшиеся, когда Штаты, сотрясаемые системным кризисом, были слабы как никогда и неспособны к противостоянию с Советским Союзом, и увлёкся переговорами и отработкой договоров с ними, вместо того чтобы наращивать давление на них. Тогда СССР практически отказался от активных действий в Европе и не использовал в своих целях ни кризис во Франции, ни революцию в Португалии, ни падение фашизма в Испании и Греции.

Более чем сомнительно выглядит сегодня и Заключительный акт Хельсинкского совещания 1975 года: принцип нерушимости границ был растоптан менее чем через пятнадцать лет после подписания, взаимное обязательство мирного разрешения споров испарилось тогда же, договорённости о согласовании основных сфер сотрудничества в области экономики, науки, техники и защиты окружающей среды на практике так и не были реализованы, ну а так называемый третий пакет — обязательств по вопросам прав человека и основных свобод, в том числе свободы передвижения, контактов, информации, культуры и образования, равноправия и права народов распоряжаться своей

судьбой, определять свой внутренний и внешний политический статус — стал чуть ли не главным инструментом разрушения страны как деградировавшими элитными группами, так и внешними противниками.

По существу, Хельсинкский акт оказался состоящим из двух начал: того, что так и не было исполнено (то есть в нём оказались не прописаны механизмы гарантии исполнения достигнутых договоренностей), и того, что было просто глупо подписывать, поскольку оно создавало инструменты борьбы против СССР.

Кстати, в этом отношении знаменитые Минские соглашения ему вполне могут быть уподоблены: всё написано хорошо, только не сказано, что будет, если киевский режим выполнять их не станет.

Наверное, самой страшной ошибкой, приведшей страну к катастрофе, оказалось продвижение на пост генсека КПСС Михаила Горбачёва: не поддержи его кандидатуру Громыко, страну возглавил бы совсем другой человек. Новый генсек в ответ выдвинул и поддержал тогда избрание Громыко председателем Президиума Верховного Совета СССР, формально президентом страны, но почти сразу же стал оттеснять его от реального влияния на политику. Громыко начал отмечать дилетантизм и не подготовленность Горбачёва уже в ситуации с пресловутой встречей в Рейкьявике, где тот потряс своими шокирующими уступками президента Рейгана, и разговоры генсека и председателя чем дальше, тем больше стали вестись на повышенных тонах. После смерти Громыко обязанный ему Горбачёв не пришёл даже на официальное прощание.

Громыко был великим дипломатом и великим государственным деятелем, но именно так часто заканчивается стремление титанов верить в возможность решения крупных вопросов на пути мирных договорённостей.

А переговоры, тем более десятилетние... Они хороши для того, кто был слабее к моменту их начала и сумел их затянуть, чтобы выиграть

время для накопления сил. И они плохи для того, кто мог победить, если бы не стал тратить время на переговоры.

Стремление Англии и Франции избежать войны с Германией в 1938 году обернулось много более страшной Второй мировой войной.

К Первой мировой войне мир шёл почти двадцать лет: через испаноамериканскую и русско-японскую войны и уже в самый канун 1914 года — через итало-турецкую 1911–1912 гг. и две Балканские войны 1912–1913 гг.

Переговоры — это, как правило, не решение проблемы, а её пролонгация. Переговоры используются тогда, когда обе стороны ещё не решаются пойти на открытую схватку, — и тогда обе стороны ждут момента, когда сочтут себя сильнее оппонента, — либо тогда, когда одна сторона имеет возможность продиктовать разбитому оппоненту свою волю.

Но тогда она должна либо фиксировать в соглашениях своё право на те действия, которые предпримет, если соглашения не будут исполнены, либо устанавливать точные сроки исполнения соглашений, после истечения которых продолжит силовые действия по подавлению противника.

Самое бессмысленное — это заключение соглашения о прекращении кровопролития, не предусматривающего мер по предотвращению такого кровопролития. Минские соглашения по Донбассу — именно такие: они предельно разумны и конструктивны по содержанию, но ничем не гарантированы от того, что вынужденная к их подписанию сторона их исполнит. На это закрывали глаза, объявляя, что главное — достижение прекращения кровопролития. Но именно это и не было ни гарантировано, ни достигнуто.

Что было к моменту их достижения — киевские боевики терпели поражение и были окружены. Не будь соглашения заключены — их формирования были бы уничтожены, и антифашистские отряды получали открытую дорогу на деморализованный Киев и дальше.

Да, кровопролитие не было бы остановлено, но лилась бы кровь взявших в руки оружие нацистов. И в этом не было бы ничего плохого, наоборот, это было хорошо и гуманно: потому что нацист должен быть мёртвым.

Что получилось в итоге заключения и следования Минским соглашениям? Кровопролитие так и не было остановлено, только вместо того, чтобы лилась кровь вооружённых нацистов, — стала литься кровь мирных жителей Донбасса, включая женщин и детей.

Минские соглашения действительно дали ещё не десять, но семь лет переговоров — бессмысленных и бесплодных, только одновременно

они дали и семь лет кровопролития и обстрелов домов тех людей, которые не приняли нацистский государственный переворот в Киеве.

Минский процесс не остановил кровь — просто он сделал так, чтобы не лилась кровь вооружённых нацистов, но зато лилась кровь антифашистов и мирных граждан.

Только если нацисты и антифашисты сошлись в смертельной схватке, проливая кровь друг друга, нелепо ставить задачу «прекратить кровопролитие»: если вы остановите его сегодня, нацисты всё равно придут убивать людей завтра. Ставить нужно другую задачу: уничтожить нацистов.

Россия изначально напрасно возлагала надежды на то, что с Западом в принципе можно договориться и объединиться. В этот раз Запад не просто объединился против России, такое уже бывало. Запад считал Россию капитулировавшей державой и не верил, что у России хватит достоинства и воли быть последовательной в отстаивании своих целей и интересов.

Готовность России к мирному решению вопросов Запад рассматривал как слабость и безволие. Если бы всё то, что Россия сделала теперь, произошло в 2014 году, единство Запада было бы меньшим, но каждый раз его лидеры считали, что требования Российской Федерации — просто слова, которые не обернутся действиями.

Принципиально важнее другое: Запад объединился в защите нацистского режима, в своём ментальнополитическом слиянии с нацизмом. Являющийся постмодернистским и ориентированным вроде бы на любые свободы, в том числе и бредовые, Запад слился с системой, которая не допускает свободы в принципе. И это вопрос цивилизационного кризиса Западного культурно-исторического пространства.

В 1920–1930-е гг. западный проект переживал стадию затухания модерна, и неуправляемость его рождала запрос и желание к установлению тех или иных фашистских режимов. Мало можно найти стран в тот период,

где не было бы той или иной формы не фашистского правления, — это Франция, Британия. Почти во всех остальных — Италии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Испании, Португалии и других — утвердились фашистские режимы.

Не зная, что делать со свободным обществом дальше, страны Запада ждали Контрмодерна, ждали диктатуры — и почти без сопротивления покорялись нацизму: они его ждали и на него надеялись... Сейчас, когда цивилизация вступает в фазу Постмодерна, то есть отсутствия скрепляющих ценностей и отказа от представления об единых понятиях истины, справедливости и пр., Запад внутри себя несёт запрос на то насилие, которое может что-то выстроить и организовать в наступающем хаосе, и постмодернистски сливается со своим антиподом — нацизмом — в нечто невообразимое. Возникает коктейль из явно противоположных явлений.

Этот момент объединения в симпатии к нацизму мы видим в разных проявлениях нынешней западной коалиции. В частности, в заявлении Германии, что она отказывается от признания своей вины и смеётся над понятием «геноцид». Подобное демонстрирует гремучую смесь гей-свобод с нацистским порядком. Очевиден кризис европейской циви-

лизации, утрата ею своих ценностей и некий ментальный хаос, с которым Европа не может справиться. Наступает новая эпоха европейского варварства — и в политике, и в ментальности.

ПЕРЕГОВОРЫ КАК ИСТОК ВОЙНЫ

Остаётся загадкой, зачем, в условиях нынешнего развития событий на Украине, Россия так настойчиво предлагала киевскому режиму вступить в переговоры. И при этом так терпеливо сносила все затягивающие театрализованные сцены и паузы киевских нацистов.

Заявленные цели военной операции — демилитаризация и денацификация Украины. Переговоры предлагается вести с руководством милитаризованной нацистской Украины. Получается, что предполагается договориться, чтобы это милитаризованное и нацистское руководство перестало быть милитаризованным и нацистским и само провело демилитаризацию и денацификацию себя самого.

Попытка убедить людоеда стать вегетарианцем. То есть задача, по сути, нерешаемая.

Любые договорённости с нацизмом означают признание права нацизма на существование и его

сохранение. Сохранение нацизма — означает создание для него возможностей на подготовку новой войны и его агрессию в удобное для него время.

Но даже если надеяться на чудо как таковое, весь предыдущий опыт ведения переговоров с киевскими нацистами показал одно: переговоры для них всегда были только инструментом для затягивания времени, чтобы перегруппироваться и накопить новые силы. Либо в ходе самих переговоров, либо после них, имитируя исполнение формально подписанных договорённостей.

Именно так они вели себя все годы после подписания Минских договорённостей: всё подписали, ничего не исполняли, о приверженности Минску говорили — и собирали силы для новой войны.

Именно так они будут вести себя, если подпишут что-либо сейчас. Но театрализовывать и играть, прежде чем подписать или не подписать, они уже начали. В теории и практике ведения переговоров есть такой приём: постоянный перенос времени и места переговоров. Отчасти он используется для игры на нервах партнёра, но есть более серьёзный смысл: приучать оппонента к согласию на другие правила игры. Не важно, переносится время на 15 минут или на день, — важно приучать, что правила определяешь ты, и ставить оппонента в подчинённое положение. Они этим и занимались: то соглашались на встречу, то её переносили, то соглашались на определённое время — то объявляли о его переносе, то соглашались на согласованное место — то требовали нового. Пытаясь создать внешнее впечатление, что хозяева положения они. И что переговоры нужны не им — а России. То есть что в военных действиях одерживают верх они, и их сюзеренам не нужно списывать их со счетов — а нужно помогать, посылать оружие и наращивать давление на Россию.

Это вопросы игровые — но есть системные.

Россия однозначно обозначила пункты своей позиции. Пять компонентов: признание её суверенитета

Запад объединился в защите нацистского режима, в своём ментально-политическом слиянии с нацизмом. Являющийся постмодернистским и ориентированным вроде бы на любые свободы, в том числе и бредовые, Запад слился с системой, которая не допускает свободы в принципе. И это вопрос цивилизационного кризиса Западного культурно-исторического пространства. Очевиден кризис европейской цивилизации, утрата ею своих ценностей и некий ментальный хаос, с которым Европа не может справиться. Наступает новая эпоха европейского варварства — и в политике, и в ментальности.

над Крымом, признание независимости республик Донбасса, демилитаризация Украины, денацификация Украины, нейтральный статус Украины. Согласие киевского руководства на любую из этих позиций несёт для него смертельный риск и угрозу со стороны тех сил, на которые оно опирается, но которые оно при этом не контролирует. И оно рискует быть уничтоженным ими же в тот самый день, когда такие договорённости подпишет.

Но даже если оно их подпишет и уцелеет, можно говорить о серьёзной значимости только первых двух пунктов — признание Крыма и Донбасса. И только потому, что оно их и не контролирует — у него их нет, в этих вопросах речь идёт лишь о признании уже сложившегося положения вещей.

Третий пункт, демилитаризация, состоит из двух составных. Первая — фактическое разоружение и роспуск нынешних ВСУ, что по факту ещё выполнимо, поскольку в значительной степени может быть осуществлено в ходе самой военной операции. Вторая — запрет на обладание определёнными видами вооружения в будущем, ограничение будущей численности новой украинской армии, демонтаж отраслей промышленности, способной производить запрещённое вооружение, и ещё запрет на ввоз подобного вооружения в страну.

Но исполнение таких пунктов может быть обеспечено только властью и руководством самой Украины. Если это будет нынешнее руководство оно не будет иметь ни силы, ни воли, ни рычагов власти, чтобы данное обязательство исполнить. То есть это должно быть новое руководство — и, подписывая подобные обязательства, нынешнее руководство должно соглашаться на свой неизбежный уход. Но тогда новое руководство самими этими обязательствами оказывается не связано, и если и будет их исполнять - то не в силу данных документов, а в силу своей убеждённости в необходимости демилитаризации. Но при таком руководстве и договорённости с нынешним не нужны нужно только его согласие на передачу власти другим силам.

Четвёртый пункт, денацификация, ещё сложнее. Потому что она не осуществляется одномоментно по воле даже антинацистского руководства. Денацификация — это комплексная программа, предполагающая: 1) выявление и суд над руководителями, идеологами и активистами нацистского режима и лицами, виновными в военных преступлениях и преступлениях против человечности; 2) устранение из системы государственной власти силовых и идеологических структур носителей нацистской идеологии; 3) кадровая ротация во всех культур-

но-образовательных учреждениях и СМИ; 4) изменение школьных программ и, во многом, педагогических кадров; 5) разработка и осуществление культурно-просветительных программ, знакомящих тех же школьников с преступлениями украинского нацизма, создание системы мемориалов, изменение топонимики страны...

Для этого уже недостаточно просто воли и желания антинацистского правительства — для этого нужна массовая политическая сила, обладающая идейным и кадровым потенциалом, для того чтобы не просто принимать антинацистские решения, а вести повседневную политическую работу по денацификации на всех уровнях политической жизни страны.

Даже в зоне влияния СССР после 1945 года в ряде стран — союзников Германии полноценная денацификация не всегда доводилась до конца, как это было в Венгрии. В той же Польше, считающейся первой жертвой нацизма, подчас немецкие нацисты просто замещались нацистами польскими.

Кто на это способен в нынешней Украине кроме республик Донбасса — на сегодня неясно. И этих людей ещё предстоит собирать и организовывать.

И пятый, геополитически чуть ли не самый важный пункт: обеспечение нейтрального статуса Украины. Проблема в том, что он у неё был совсем недавно — несколько лет назад. Она от него отказалась в ходе практически одного парламентского голосования. Отсюда получается, что никакие договорённости и даже конституционные закрепления гарантий подобного статуса не дают.

Значит — нужны некие иные гарантирующие механизмы: от запрещения на обладание вооружёнными силами — до создания внешних контрольных механизмов, обладающих реальными властными полномочиями на территории Украины. А это будет означать ограничение суверенитета страны, что само по себе в итоге будет накапливать чувство вражды и унижения в обществе.

То есть механизмы такого решения искать и создавать нужно, но к вопросу переговоров с нынешним нацистским режимом это отношения не имеет. И потому, что он недоговороспособен, и потому, что даже при желании он ничего подобного выполнить не может.

А своих сторонников в республиках Донбасса и передовых частях Вооружённых сил РФ это может только нервировать. Дончан — потому что им дорого обошёлся Минск. Солдат — потому что сложно идти в бой на врага с сознанием того, что кто-то в этот момент заключает с ним соглашение о прекращении огня, — так и тянет как минимум подождать и посмотреть, чем все закончится.

И вести переговоры можно только об условиях сложения оружия и передачи власти новому руководству страны и личных гарантиях для уходящих.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО: ДЕНАЦИФИЦИРУЮЩАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Нужно учитывать, что в психологическом восприятии заявления «Мы можем сокрушить врага одним ударом, но, во избежание лишних жертв, делать этого не будем» или «В качестве жеста доброй воли мы приняли решение о прекращении огня и отводе войск на расстояние, гарантирующее...» — вне зависимости от того, что на деле имеется в виду, воспринимаются как лицемерно камуфлируемое признание неудачи.

На деле всё может быть наоборот, на деле действительно дело может быть в устремлениях гуманитарного характера — восприниматься будет всё ровно так, как было сказано выше. Правда, есть и точка зрения, что в ходе боевых действий за «гуманитарные устремления» нужно как минимум предавать суду военного трибунала. Может быть, она и неверна...

Строго говоря, из объявленного Путиным перечня целей-требований — признание суверенитета России над Крымом, признание независимости Донецкой и Луганской республик, нейтральный и внеблоковый статус Украины, демилитаризация Украины, денацификация Украины — первые четыре при всей своей звучащей важности сами по себе не столь уж значимы. Самое значимое пятое: денацификация.

Потому что будь на Украине нормальный народно-демократический и дружественный России режим — и Крым мог никуда не уходить, и Донбасс не был бы вынужден начать антифашистское восстание, и вооружённые силы вместе с российскими были бы оплотом защиты суверенитета братских стран, ну а нейтральный статус вообще не был бы нужен, потому что он просто был бы союзническим.

И наоборот, при сохранении нынешнего нацистского режима и власти на Украине никакие другие договорённости — ни по Крыму и Донбассу, ни по нейтральности, ни по демилитаризации — не будут иметь смысла. Потому что не будут соблюдаться, и нынешний либо подобный ему режим откажется от них, как только избежит непосредственной военной угрозы.

Он даже объявит единственным государственным языком русский — и примет закон, утверждающий, что единственный «подлинно русский язык» — «западенская мова».

Он скажет, что на решения по Крыму и Донбассу его вынудили — но время прошло, и всё изменилось, и он от этих признаний отказывается. Он скажет, отправив на слом старую технику и получив от своих хозяев новую, что это и есть демилитаризация. Он скажет, получая помощь от Запада и обучая с его помощью новую армию, что его армия — не армия, а «силы самообороны», имеющие целью поддержание прочного нейтралитета, и что именно теперь у него и есть подлинно нейтральный статус.

Он всё признает, всё подпишет — и ничего не исполнит.

Необходимо простое. Смена нынешнего нацистского режима и проведение процесса денацификации по образцу Германии после Второй мировой войны. Запрет всех националистических организаций, при-

влечение к ответственности всех, кто принимал участие в преступлениях и боевых действиях нацистского режима, запрет для них принимать участие в государственной и политической деятельности.

Полномасштабное расследование обстоятельств государственного переворота февраля 2014 года.

Объявление преступными и роспуск всех политических и военизированных организаций, причастных к преступлениям нацизма. Запрет деятельности общественных организаций, принимавших участие в осуществлении политики нацистского режима с февраля 2014 году по настоящее время.

Замена состава правоохранительных органов, кадров сферы культуры, профессорско-преподавательского состава. Изменение программ школ и вузов, денацифицированные методические рекомендации в сфере культуры, пересмотр экспозиций музеев, выставок, фондов библиотек.

Создание мемориалов в местах массовых захоронений жертв нацизма, местах совершения преступлений. Денацификация репертуаров театров, киносетей, концертных залов. Отстранение от профессиональной деятельности актёров, режиссёров, журналистов и сценаристов, принимавших участие в нацистской пропаганде.

Наконец — привлечение лиц, оказавшихся вовлечёнными в те или иные виды поддержки нацистского режима, к исправительным видам труда на восстановлении объектов жилой и промышленной инфраструктуры, разрушенных в ходе борьбы за освобождение Украины от нацизма.

И ни в коем случае не сохранение за теми или иными остатками нацистского режима какой-либо, пусть урезанной, территории, сохраняющей элементы отдельной государственности.

В целом Украине и украинскому народу должно быть гарантировано сохранение государственности в будущем на тех территориях, которые сохранят желание на обладание такой

государственностью, — и это должно быть исполнено после проведение в течение пяти — десяти лет политики режима денацифицирующей реконструкции, когда управление повседневной жизнью страны будет осуществляться комитетами реконструкции, состоящими из представителей заведомо антинацистских общественных организаций Украины и представителями России, Белоруссии, ЛНР, ДНР и, возможно, других стран СНГ.

Основное звено — денацификация. Будет она последовательно осуществлена — будут решены все иные проблемы. Не будет, будет сохранен любой остаток нынешней государственности Украины — он с неизбежностью станет плацдармом подготовки Западом и украинскими и европейскими нацистами к новой войне.

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ VERSUS «ДЕУКРАИНИЗАЦИЯ»

Одна из главных помех на пути решения задач демилитаризации и денацификации на Украине — подмена целей и задач денацификации декларациями о «деукраинизации».

Эти понятия сущностно противоположны.

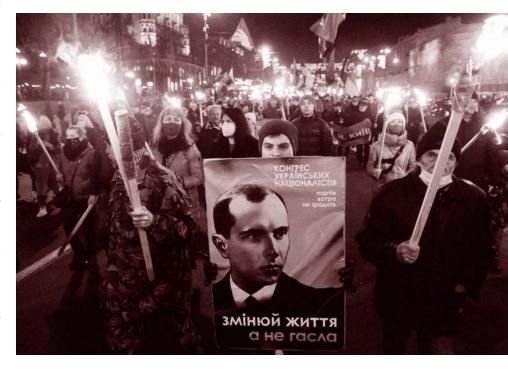
Что такое денацификация Украины — освобождение Украины и украинцев от господствующего в стране нацизма.

Что такое «деукраинизация» Украины — уничтожение Украины ны и как страны, и как государства, и к тому же уничтожение украинской самоидентификации как таковой, как «недостойной» страны и несуществующей нации.

Нацизм не есть творение исключительно украинской нации — нацизм это определённое уродливое состояние национального самосознания. Которому может быть подвержена в определённых условиях любая нация.

Укронацизм — это когда от имени Украины провозглашают «Украина превыше всего», признавая украинцев высшей нацией, а тех, кто не относится к ним, — низшими.

Но когда от имени неизвестно кого провозглашают, что украинской нации не существует, страну нужно покорить, государственность уничтожить, а живущему на данной территории народу запретить называть себя украинцами, то есть провозглашают, что украинская нация недостойна существования, — то это ровно такой же нацизм. Если это говорит

Nº 9 (107), 2022 **101**

русский — это русский нацизм. Если это говорит поляк — это польский нацизм. Если это скажет турок — это будет турецкий нацизм.

Как нацисты, к какому бы этносу они ни принадлежали, они заслуживают одного — денацификации и соответствующего уголовного наказания — ровно так же, как те самые укронацисты, под предлогом борьбы с которыми они предлагают извести «всех хохлов»: с политической точки зрения они — преступники. И поэтому денацификация должна касаться не только наказания совершивших собственно уголовные и военные преступления — но и носителей идей национального превосходства и национальной исключительности. Геббельс такой же нацист и преступник, как Гитлер или Гиммлер. Российский генерал, общественный деятель или комментатор, на общественном мероприятии или в эфире ток-шоу провозглашающий необходимость изничтожения украинцев за то, что они считают себя украинцами, или в иной форме объявляющий некую нацию несуществующей и недостойной существования, — такой же нацист и преступник, как Зеленский, Белецкий, Порошенко, Ярош и прочие.

Унижение и отрицание права на существование одной нации — есть такой же нацизм, как и попытка возвеличивания этой нации над остальными. Если вспомнить слова Сталина, то он называл это «моральной животностью».

Сначала такой генерал или комментатор говорит, что «извести нужно хохлов», потом отнесёт то же к полякам (увы, представители обоих народов провоцируют такие оценки), потом — естественно, евреев, потом — грузин, потом — чеченцев и всех кавказцев вообще — ну и так далее: нацист он и есть нацист, даже если носит на плечах погоны российского генерала.

Но не менее важно и другое: с чисто политической точки зрения он вредитель и враг России уже конкретно в нынешней ситуации.

Потому что, слушая то, что он говорит, абсолютно немайданутый и сохранивший естественные положительные чувства к России украинец ошалевает и говорит уже себе: «Так, значит, наши бесноватые не такие уж бесноватые? Значит, действительно, если придут русские — они заставят нас отрекаться от права считать себя украинцами?» — и в ответ как минимум начинает поддержи-

вать режим Зеленского, а возможно — и записываться в тероборону и нацгвардию, а «Азову» рукоплескать как защитнику Украины как таковой.

Когда-то, в начале XX века, именно так младотурки создавали турецкую нацию: их солдаты приходили в деревни и спрашивали курда или армянина: «Ты кто? Скажешь, что турок — будешь жить, скажешь иначе — вспорем живот». Нынешняя граница Турции — это те рубежи, на которых им хватило сил вырезать тех, кто не хотел признать себя турком.

То есть «деукраинизаторы» вместо того, чтобы объединять силы тех, кого не устраивает укронацизм, и привлекать к себе ту большую часть украинского народа, которая нацистами задавлена, вынуждают каждого, кто считает себя украинцем, объединяться вокруг нацистов, вставая на защиту нацистской власти.

При этом они заявляют: «Да нет такой нации! Откуда она взялась? Нет украинской культуры — покажите мне её!» Но ко второй половине XX века идентификация, связанная с термином «украинец», полностью утвердилась, и десятки миллионов людей стали себя таковыми считать. Кстати, в большинстве как «советские украинцы», а впоследствии очень многие — как «русские украинцы». Вообще, есть несколько «украинских самоидентификаций» тех, кто себя в том или ином контексте украинцами считает и называет. И есть та культура, которую они считают своей и считают украинской, и язык, который ими так называется. Кстати, большинство жителей современной Украины признают своим родным языком украинский, хотя по зарубежным (не российским) исследованиям 80% в быту говорит на русском.

Но являются они украинцами или нет, есть украинская нация или нет — это не требует признания или непризнания со стороны: поскольку десятки миллионов называют себя украинцами — значит, этот народ есть. Точно так же, как можно долго спорить, был ли на деле Иисус Христос или это миф, вопрос не в этом. А в том,

что если сотни миллионов верили и верят, что он есть, и на протяжении двух тысяч лет в своих действиях исходили из того, что был и есть, — значит, христианство есть, и бессмысленно говорить, что его нет.

Точно так же, если те, кто считает себя представителем украинской нации, — есть, то бессмысленно утверждать, что их нет, и пытаться заставить их признать, что их нет.

Вместо того чтобы заниматься конкретным делом и обеспечивать реальную работу по денацификации Украины.

Потому что одно дело решать задачу, чтобы на Украине не было нацистов и нацизма, а другое — пытаться добиться, чтобы на Украине не было украинцев. Одно дело — освободить украинцев и Украину от власти нацизма и нацистов, другое дело — изничтожить украинцев и уничтожить Украину. Первое — антифашизм и освободительная миссия братского народа России. Второе — нацизм и геноцид народа Украины.

И только идиот и нацист может подменять одно другим.

Тот, кто ставит и будет осуществлять задачу денацификации Украины, — тот антифашист и антинацист. Тот, кто пытается подменить эту задачу задачей «деукраинизации» Украины, — тот обыкновенный фашист и нацист, такой же, как нынешние правители Украины.

ОДНА ПОБЕДА. ОДНА НА ВСЕХ...

Побеждает в войне не тот, кто понесёт потери меньшие, чем противник: побеждает в войне тот, кто сломает волю противника.

В 1940 году Франция потерпела поражение в войне с Германией не потому, что понесла большие потери, — а потому, что её военачальники избегали вступать с бой, если он был чреват большими потерями. Когда де Голль, тогда ещё полковник, вступил в командование данной ему бригадой и поинтересовался, почему она отошла с позиций, ему ответили: «Во избежание потерь людей и техни-

Основное звено — денацификация. Будет она последовательно осуществлена — будут решены все иные проблемы. Не будет, будет сохранён любой остаток нынешней государственности Украины — он с неизбежностью станет плацдармом подготовки Западом и украинскими и европейскими нацистами к новой войне.

ки». Он приказал наступать, его попытались остановить словами: «Но тогда у нас будут потери!» Он повторил свой приказ — бригада пошла в бой и отбросила немцев из занятого ими города, а де Голль уже тогда стал национальным героем Франции.

Но это оказалось чуть ли не единственной победой французов в той войне: де Голль был один.

Если считать главным меньшие потери, то войну либо нужно не начинать, либо сдаться сразу после её начала.

Один из главных врагов Победы — переговоры и дипломаты, пытающиеся доказать, что их ведомство важнее армии, и навязывающие, как это было в Сирии, свои услуги в попытке договориться с врагом.

Переговоры нужны — но с теми, кого можно сделать своими союзниками. Переговоры с врагом — это всегда отказ от побед армии.

Тот, кто демонстрирует противнику готовность к переговорам и к достижению мирного соглашения, внушает противнику волю к борьбе.

И увеличивает число его союзников: потому что те рассматривает твою позицию как твою слабость и твою неуверенность в своей победе.

Надпись на шашке древнего восточного полководца гласила: «Без нужды не обнажай, без славы — не вкладывай».

Тот, кто демонстрирует большую уверенность в своих силах и своей победе, — тот увеличивает силы своих солдат, внушает неуверенность в армию врага и увеличивает число своих симпатизантов, потенциальных союзников и тех, кто готов оказывать тебе помощь на случай твоей будущей Победы.

Почему Финляндии и Швеция решились на вступление в НАТО — потому что сочли, что это безопасно. То есть они сочли, что в этом случае со стороны России им ничего не грозит, и российская армия не так сильна, как они думали, — она же отошла из-под Киева.

Они объявили, что операция на Украине внушила им опасение за свою безопасность, которого раньше не было. Только это не правда: они боялись присоединиться к силам, враждебным России, пока опасались России, — и перешли открыто на их сторону, когда опасаться России перестали.

Война — это не спортивное военно-техническое соревнование. Война — это политика. Войны порождаются политическими причинами, ведутся в политических целях и оканчиваются в меру достижения или недостижения политических задач.

Главный критерий войны или отдельной военной операции — её политический эффект, то есть то, какое впечатление создано в ходе боевых действий — как на сражающихся, так и на наблюдающих со стороны: и со стороны масс, и со стороны политических элит.

Вопрос не в том, уничтожены или не уничтожены войска противника, — вопрос в том, лишены ли они, а в ещё большей степени — элиты противника воли к борьбе. И ещё — какое впечатление произведено на тех, кто готов либо не готов оказать той или иной стороне поддержку извне.

Гарантировавшие Польше поддержку Франция и Великобритания не сделали ничего реального для осуществления этой поддержки после начала её войны с Германией — просто

№ 9 (107), 2022 **103**

Война — это политика. Главный критерий войны или отдельной военной операции — её политический эффект. Вопрос не в том, уничтожены или не уничтожены войска противника, — вопрос в том, лишены ли они, а ещё в большей степени — элиты противника воли к борьбе. И ещё — какое впечатление произведено на тех, кто готов либо не готов оказать той или иной стороне поддержку извне. На Украине сегодня нужна сокрушающая победа, ломающая волю не только украинской элиты, но элиты Запада.

потому, что увидели развал польской обороны в первые дни после 1 сентября 1939 года. Нападение Гитлера на СССР было ускорено впечатлением, которое на него произвела выигранная, но затянувшаяся советско-финская война. США и Великобритания стали всерьёз рассматривать вопрос о поддержке СССР — увидев провал блицкрига и жестокие удары РККА по вермахту.

В августе 1941 года Жуков как начальник Генштаба предупреждал Сталина о возможном котле вокруг Киева и предлагал Киев сдать. Сталин назвал его предложение чушью и согласился на отставку Жукова из Генштаба. Битва за Киев закончилась колоссальным котлом в полмиллиона человек, включая гибель командования. Только по итогам сражения Гудериан оценил его итоги как «крупный тактический успех» с сомнительным стратегическим значением — отвлечение войск группы «Центр» от её главной задачи — взятия Москвы.

С военно-тактической и военнотехнической точки зрения Жуков, предлагая оставить Киев, был абсолютно прав. Но Сталин исходил из политических и стратегических задач: он вёл переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля, заверил их в удержании линии обороны от Киева до Ленинграда, и сдать Киев без боя в этой ситуации означало признать поражение РККА и поставить под вопрос поддержку будущих союзников. Киев сдали, потеряв полмиллиона человек, но, с одной стороны, подтвердив способность к жёстокому сопротивлению, с другой — оттянув на юг ударные силы группы «Центр». В свою очередь это, с одной стороны, сорвало на тот момент удар на Москву и дало возможность подготовить её к обороне, с другой — продемонстрировало всем, что немецкие группы армий уже неспособны без поддержки соседей решать поставленные перед ними задачи.

Настояв на почти безнадёжной обороне Киева, Сталин сорвал наступление Гитлера на Москву.

Проигранная и жестокая битва за Киев, срыв немецкого наступления на Москву, контрудар под Ельней показали будущим союзникам, что СССР будет сражаться, несмотря ни на что, и ему имеет смысл помогать.

В принятии таких решений всегда сказывается произведённое впечатление — которое может быть и отражением реальности, и её искусной интерпретацией.

За ходом сражения кроме основных интересантов всегда наблюдает масса политических гиен, выбирающих политическую сторону для присоединения. Почему в начале кампании на Украине в феврале и марте 2022 года Зеленскому приходилось жаловаться, что кроме политических солидарностей никто ему не хочет помогать — потому что российские войска стремительно продвигались вглубь Украины. Почему он стал стревисса помогать — потому что российские войска стремительно продвигались вглубь Украины. Почему он стал стре-

мительно наглеть в апреле и мае — потому что некие анонимные генералы в руководстве российской армии добились отвода российских войск из-под Киева.

Ровно в силу этих же причин Швеция и Финляндия колебались в вопросе вступления в НАТО в начале марта — и объявили о решении вступить в НАТО в мае.

У решения отвести войска из-под Киева, Чернигова, Сум, из-под Харькова могла быть тысяча военно-технических и военно-тактических причин, и в этом плане этот отвод может быть тысячу раз оправдан и правилен — как и предложение Жукова Сталину в 1941 году сдать Киев без боя и сохранить войска.

Только если одна сторона отводит войска от столицы противника, чем бы это ни было вызвано на самом деле, политически этот отвод воспринимается как крупнейшее поражение — и с неизбежностью замершие в нерешительности союзники противника бросаются ему на помощь, гиены из колеблющейся нейтральности переходят на сторону врага, а твои собственные потенциальные союзники начинают впадать в задумчивость...

Такой отвод войск, объявленный перегруппировкой и переброской сил на другой участок, может быть политически компенсирован крупным успехом там, куда, как считается, их перебрасывают — если они переброшены быстро, а успех оказывается стремителен.

Более того: отведя войска из-под Киева, те, кто это придумал, оставили на расправу киевским нацистам всех тех, кто проявлял лояльность и сочувствие этим войскам. Жертвы Бучи — на совести тех генералов, которые увели из Бучи российскую армию. Хотя, может быть, на это у них и были свои, академические резоны.

Российская сторона говорит о том, что бережёт жизни и российских солдат, и мирного населения Украины — и поэтому затягивает свои операции. В результате сторонние наблюдатели не верят в первое, а второе объявляют и воспринимают как неудачи.

Режим Зеленского прикрывает своих боевиков своими мирными гражданами — и создаёт впечатление страдающих от войны невинных жертв. Режим Зеленского бросает под огонь российских войск необученных резервистов — создаёт впечатление отчаянной борьбы народа «против агрессии». Заодно рассчитывая на повышенный расход боеприпасов российской армии.

Россия говорит, что она медленно и неотвратимо перемалывает военные ресурсы нацистов, - и, весьма вероятно, что это правда. Только нацистскому режиму Киева, в отличие даже от нацистского режима Гитлера, — это вполне безразлично: Гитлера, пусть и в рамках его бесчеловечной идеологии, всё-таки интересовала Германия и немцы, которым он обещал мировое господство. Зеленского интересует его медийная роль: чем больше будет погибших украинцев — тем на большее сочувствие к себе он рассчитывает, чем больше будет сожжено военной техники и разрушено инфраструктурных объектов — тем большую компенсацию и помощь он надеется получить от Запада. Гитлер был субъектен и вёл реальную войну, Зеленский — масочен: ему не важны ни победа, ни поражение, ему важна роль и то, что можно с неё получить.

Россия занимается военно-техническими и военно-тактическими задачами — они для победы необходимы, но они для победы недостаточны: для победы необходим политический, а значит — и морально-психологический, то есть публично существующий результат.

С военной точки зрения — наступать нужно тогда, когда всё готово к наступлению и потери окажутся минимальными. С политической точки зрения — наступать нужно тогда, когда это даст максимальный политический выигрыш. И если наступление к нужному сроку может оказаться неготовым — значит, нужно собрать в кулак волю и его к политически нужному сроку подготовить. С военной точки зрения города нужно брать тогда, когда это потребует минимума

усилий и обойдётся минимальными потерями. С политической точки зрения города нужно брать тогда, когда это даёт больший политический эффект: и для морально-политического восприятия своей армии и своего народа, и для деморализации армии противника, и для удержания от вмешательства недоброжелателей, и для обеспечения наибольшей поддержки союзников.

Вопрос не в том, чтобы понести меньшие потери в сражении (при всей важности этой задачи), — вопрос в том, чтобы добиться такого политического эффекта, который позволит решить политические задачи войны — и, в частности, минимизировать возможные потери в будущем.

Когда в 1942 году армия Паулюса в Сталинграде была плотно окружена, а попытки её деблокады — подавлены, генералитет предлагал Сталину не ликвидировать котёл, а, минимизировав потери и усилия, плотно его блокировать и высвобождающиеся войска бросить в наступление на Запад, оставив немцев мёрзнуть и голодать в развалинах Сталинграда.

Сталин отказался: психологически ни армия, ни народ, ни союзники не считали бы победу полной и завершённой, если бы 6-я армия вермахта не была добита. Хотя с военной точки зрения резоны были — можно было отсечь отходящие с Кавказа войска

немцев, не только взять, но и удержать Харьков и т.д. Но это с военной точки зрения — с политической и моральнопсихологической важен был разгром: полный, бесповоротный, ввергающий в шок врага и погружающий Германию в траур и показывающий всему миру несокрушимость РККА и СССР.

На Украине сегодня тоже нужна сокрушающая победа, ломающая волю не только украинской элиты, но и элиты Запада. И рождающая поток перебежчиков на сторону России — именно из числа сегодня недружественных стран и мировой элиты, а не просто текущие военно-тактические успехи.

О чём, собственно, и пелось в культовой песне: что нужна одна Победа, «одна на всех, мы за ценой не постоим».

Потому что Победы заслуживает только тот, кто готов не постоять за ценой, которую за неё придётся платить.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ГОТОВНОСТЬ К АВТАРКИИ

2022 год актуализировал проблему суверенитета России.

Национальный суверенитет не возникает по желанию. Хотя без воли и желания им обладать — он тоже не возникает.

Вопрос о национальном суверенитете — это вопрос государственно-

№ 9 (107), 2022 **105**

политического суверенитета нации. Суверенность внутри страны — это вопрос о том, чья воля на территории страны является высшей. Суверенность в международных отношениях — это независимость в международных отношениях.

Идея суверенности страны утвердилась в Вестфале в 1648 году, после Тридцатилетней войны, потрясавшей Европу с 1618 года. И означала юридическое право монарха и правительства каждого отдельного государственного образования не подчиняться ни власти императора Священной Римской империи германской нации, ни Римскому папскому престолу.

Сначала это была суверенность правителя, воспринимавшегося как абсолют, с развитием идеи суверенитета народа — на место абсолюта монарха пришёл абсолют народа, последовательно один за другим заменившие идею абсолюта бога. Таким образом, последовательно утвердился принцип суверенитета нации, из которого позже и выросла идея права нации на самоопределение в тех или иных желаемых ею формах.

Формирование нации может идти разными путями. Основной западноевропейский тип формирования нации шёл путём выделения языковых общностей из прежней религиозноцивилизационной — обслуживая интересы складывающихся рыночных общностей, того, что стало национальными рынками и современными европейскими государствами.

То есть принцип государственной суверенности и права нации на самоопределение стал лишь принципом политического выражения и защиты интересов национального рынка, и как принцип объединяющий он был принципом прогрессивного развития общества, ко всему прочему защищающего самобытные национальные языки и национальную культуру.

Проблема в том, что национальные рынки, развившись и укрепившись в рамках национальных государств, стали перерастать их границы, частью вступая в конкуренцию друг с другом, частью осваивая те экономические и географические зоны земли, где такие рынки ещё не возникли.

В результате принцип национального суверенитета утратил своё прежнее наполнение принципа единства национального рынка.

В той степени, в которой к концу XX века сложился единый мировой рынок (хотя ещё и не до конца сложился) и в которой складывается единый мировой хозяйственный комплекс, национальный суверенитет стал тормозить развитие мирового рынка. Сама национальная общность оказалась лишена своего внутреннего единства: культурно-языково-историческое единство в заметной степени сохранилось, экономически-рыночное — в заметной степени утратилось.

Национальные экономики, объединяясь в мировое пространство, подчас даже выигрывая по сравнению с прежним состоянием — но часто еще и проигрывая, — в любом случае оказались во взаимно неравном положении. Более сильные стали доминировать, относительно более слабые — оказались подчинёнными. Подчинённый уже не может претендовать на суверенность — то есть в этих условиях восстанавливается система «суверен— вассал».

Вассалы могут быть более влиятельными или менее влиятельными, суверен может считаться с одними больше, с другими меньше, но доминирует даже не тот, кто с традиционной экономической точки зрения более силён — кто имеет более сильное производство, кто выпускает лучшие или более дешёвые, либо более необходимые товары, даже не тот, кто имеет более современные технологии, — а тот, кто удерживает в своих руках линии коммуникации и управления этой объединённой экономикой.

Страна-нация, которая в эту систему управления не входит, не сможет войти в объединённую экономику на равных основаниях и сохранив свой национальный суверенитет. Если её экономика слаба, она должна будет подчиниться не только правилам, но интересам более сильных, рассчитывать в мировой экономике на заведомо вспомогательную роль, на исполнение воли хозяев этой системы.

Но даже если эта экономика существует в рамках своего хозяйственного комплекса как достаточно сильная вне сложившейся мировой системы, она сможет войти в систему, лишь подстроив под неё свой хозяйственный комплекс, отказавшись от тех отраслей, которые стали сильными именно потому, что работали по правилам и стандартам, отличным от правил и стандартов внешней системы. Если она не выдержит конкуренцию с субъектами мировой экономики, её экономика будет разрушена, потому что не сможет дать мировому рынку то, что востребовано на нём. Если окажется, что она выдерживает эту конкуренцию, — значит, она будет нести ущерб тем, с кем ей удалось конкурировать, и она будет разрушена более старыми, утвердившимися и имеющими мощный потенциал принуждения к покорности экономическими субъектами этого рынка.

Отсюда, в конечном счёте, простая дилемма: либо национальный суверенитет, либо включение в мировой рынок — нельзя быть политически суверенным при установке на экономическое подчинение. И нельзя эконо-

мически вписаться в мировой рынок, отказавшись от подчинения его правилам. Точнее, можно — но только вне этого рынка, став экономически более сильным, чем весь этот рынок. Что, наверное, возможно, но проблемно и пока для России не просматривается.

В ответ на это заключение естественно напрашивается вопрос о допустимости или недопустимости автаркии, которым сторонники экономического коллаборационизма пугают сторонников политического суверенитета.

Автаркию на сегодня принято считать недопустимой, невозможной и неэффективной, хотя на деле это утверждение сегодня и не доказано, и не опровергнуто, — это лишь доминирующая точка зрения, скорее носящая характер прижившегося штампа. Однако вопрос в другом.

Вопрос не в автаркии и не в самоизоляции, хотя если нация живёт в больном внешнем окружении, которое каждые шесть — восемь лет сотрясают кризисы, то у нее оказываются три возможные варианта судьбы: 1) сотрясаться внешними кризисами и страдать в унисон с соседями, 2) пытаться принудительно вылечить соседей, которые лечиться не хотят, 3) отгородиться от них непроницаемой для носителей инфекции преградой, безжалостно изолируя на своей территории тех, кто сам оказался подобным носителем.

Вопрос в том, что для обеспечения политического национального суверенитета нужно создать экономический национальный суверенитет. То есть экономику, которая не будет зависима от мирового рынка, сможет удовлетворять потребности общества на своей собственной основе и обеспечивать для общества тот уровень материального благосостояния, который на данном этапе общество будет воспринимать как достаточный и обоснованно оправданный. Эта экономика либо должна быть выстроена под национальный рынок, автономный от мирового рынка, либо вообще, что лучше, должна выйти за рамки рынка, стать нерыночной, над-рыночной, пост-рыночной ровно так же, как любая гигантская корпорация, действующая в мировом рынке, внутри себя крайне далека от собственно рыночных отношений. И именно потому, что хочет оставаться субъектно-суверенной в мировом рыночном пространстве.

Это не означает требование ухода из мировой торговли — просто она должна, если нация хочет сохранять свой суверенитет, рассматриваться не как основная хозяйственная деятельность, а как приработок, подработка, то, что даёт незапланированные дополнительные средства, а не как основная статья доходов.

В любом случае приходится выбирать: либо национальный (политический, культурный, экономический) суверенитет, либо экономический коллаборационизм и подчинение требованиям мирового рынка. И, соответственно, что важнее, национальная суверенность либо выгоды роли вассала в мировом рыночном пространстве.

Для обеспечения политического национального суверенитета нужно создать экономический национальный суверенитет. То есть экономику, которая не будет зависима от мирового рынка, сможет удовлетворять потребности общества на своей собственной основе и обеспечивать для общества тот уровень материального благосостояния, который на данном этапе общество будет воспринимать как достаточный и обоснованно оправданный.

№ 9 (107), 2022 **107**

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ/

Нацпроект «Славянская письменность»

овременному человеку сложно понять, как в истории культуры было возможно такое: язык есть, речь есть, а записать, зафиксировать их нечем. Современному человеку кажется, будто письменность,

славянская азбука досталась нашим предкам даром, будто она была всегда, с первого произнесённого слова. Но в действительности это духовный подвиг святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, это

прозрение, позволившее соединить звук и смысл в знаке, в букве, это то, что лингвисты называют «идеографией», «алфавитным письмом».

Славянская азбука — нечто большее, чем система, фиксирующая

108 Изборский клуб

словесную информацию. Это культурное ядро, которое с веками обрастало охранительными оболочками. Мало было только записать, важно было записать правильно, по выработанным нормам — так возникла орфография. Мало было написать разборчиво, важно было написать красиво — так возникла каллиграфия. Письмо оказалось творчеством, требующим дара художника: известно, что Феофан Грек был не только вдохновенным иконописцем, но и книжным оформителем, искусным изографом. Письменность стала священна: до поры надписание имени на иконе мог делать только архиерей, и это являлось элементом освящения.

Азбука — русло истории, мерило мудрости, силы и смирения каждого поколения. В грозовое время письменность из области языкознания неминуемо перемещается в область социологии и политики. Вопросы, связанные с письменностью, в эпоху перемен охватывают и Россию, и славянский мир, касаются нашего извечного противостояния с Западом. На протяжении последних ста лет подобные вопросы вставали и продолжают вставать особенно остро.

«Революционное кривописание», нанёсшее русскому языку множество «орфографических ран», — так оценивал Иван Ильин уже из эмиграции Реформу русской орфографии 1918 года, которую, задуманную ещё при Николае II, не вполне объективно теперь называют «большевистской». Русская эмиграция и сегодня часто сохраняет в своём правописании ять, фиту и і десятеричное.

Священник Павел Флоренский в 1933 году в трактате «Предполагаемое государственное устройство в будущем» размышлял, в том числе, и о языковой политике, о наднациональном объединяющем статусе русского литературного языка, уделяя при этом особое внимание «церковнославянскому шрифту»: «Специфическим русским шриф-

том может считаться не гражданский, а церковнославянский, причём для [этого] следует в РСФСР названия железнодорожных станций писать не только по-русски, но и по-церковнославянски».

Кириллица — то немногое, что продолжает единить православные славянские народы, - сегодня с усилием сдерживает натиск латиницы. О солунских братьях вспоминают лишь в дни их памяти. В официальных документах и книгах сербы, болгары и македонцы не изменяют общей азбуке, но на торговых вывесках и в гостиницах латиница всё же основательно её потеснила. Такова цена пресловутой глобализации. До недавнего времени подобное было и у нас, но СВО с её главными символами V, Z наполнила иным смыслом эти латинские буквы, почти заставила западный мир отречься от них. И это уже не та латиница, что шла крестовым походом на кириллицу, а интербригада, воюющая в наших языковых рядах.

И всё же сейчас обозначилось ещё более острое противостояние: письменной и бесписьменной (а точнее, безалфавитной) цивилизации. Это не футурология или конспирология: всё явно и явственно. Мы пренебрегли всеми культурными достижениями, что обороняли нашу письменность веками.

Мы уже давно не осознаём кириллицу как эстетический феномен: искусство осталось в далёком прошлом: в рукописных книгах, на кончике пера древнего летописца и изографа. Мы отказались в школе от уроков каллиграфии: чистописание — якобы пережиток прошлого, по поводу которого теперь всегда готовы сказать «у компьютера почерк хороший». Художники, много лет занимающиеся наставничеством, говорят, что из-за этого потеряно уже не одно поколение живописцев и графиков, потому что главная изобразительная тренировка для юной руки — образцовое написание букв.

Грамотные корректоры по нынешним временам стали редкостью. А те из них, кто трудится в газетах, поражаются количеству орфографических правок, которое приходится вносить в тексты журналистов — казалось бы, тоже словесников, убеждённых в том, что прежде всего — оперативность, а грамотность — это изыск и роскошь.

И что самое страшное, под угрозой уже ядро письменности: та самая идеография, ради которой и создаётся любой алфавит. На наших глазах происходит цивилизационный откат к пиктографии, к изъяснению с помощью картинок. Картинка стала доминировать над текстом. Поэтому был так популярен теперь запрещённый в России инстаграм. Поэтому любой мессенджер, не успел ты ещё набрать слово, выдаёт картинку. Экран смартфона всё сильнее уподобляется пещере с наскальными рисунками эпохи первобытности.

В такой ситуации подвижнических усилий школьных учителей и вузовских преподавателей недостаточно. Нужна государственная воля, государственная политика. И если уж на этом уровне привыкли мыслить национальными проектами, то следует создать долгосрочный нацпроект «Славянская письменность», в рамках которого в первую очередь надо осуществить три действия: организовать периодическую орфографическую переаттестацию для тех, чья работа связана со словом; вернуть в школы, и не только в начальные классы, уроки каллиграфии; ввести на гуманитарных факультетах дисциплину, связанную с искусством книги и историей славянской азбуки.

Несколько лет назад в беседе академика Олега Николаевича Трубачёва и писателя Юрия Михайловича Лощица прозвучала мысль, что «алфавит — такой же символ государственности, как герб, гимн, знамя; алфавит — святыня державного значения». Сбережение святыни алфавита требует от нас теперь особой мобилизации.

№ 9 (107), 2022

Юрий ТАВРОВСКИЙ. Украинские угрозы для Пекина. — М.: Книжный мир, 2022. — 170 с.

Член Изборского клуба, руководитель Экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Юрий Вадимович Тавровский в своей новой книге исследует важные аспекты политики КНР в украинском кризисе. Взвешенная позиция Китайской Народной Республики, отказавшейся принять участие в антироссийских санкциях вокруг специальной операции

Российской Федерации на Украине, вызывает раздражение на Западе. Китай исходит из своих национальных интересов, видя их в развитии стратегического партнёрства с Россией в условиях холодной войны Запада против двух наших стран. В то же время в Пекине видят сходство развития негативных тенденций на Украине с обстановкой на Тайване и в Гонконге.

Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ. Цифровая революция. Преимущества и риски. Искусственный интеллект и интернет всего. —

М.: Книжный мир, 2022. – 616 с.

Технологические достижения меняют жизнь как в положительную, так и в отрицательную сторону. Любая сверхсовременная технология может использоваться в тройном назначении: во-первых, государством и обществом — для социального и экономического развития; во-вторых, военными структурами, правоохранительными органами и спецслужбами — для повышения эффективности боевого потенциала армии, обеспечения общественной

и государственной безопасности. И это во благо. Но есть и третья сторона. Достижения современной науки используются также криминальными и террористическими структурами — для совершения преступлений, нанесения ущерба государству, обществу, личности. Есть ли способ защититься от кибератак злоумышленников? Какая страна сегодня может называться кибердержавой? И каково место России в этой гонке?

Валентин КАТАСОНОВ.

Новая экономика России. Экономика Сталина или экономика колоний. Алгоритм и исторический опыт выхода из-под санкционных ударов. —

М.: Книжный мир, 2022. – 442 с.

Выдающийся экономист профессор Валентин Юрьевич Катасонов анализирует ситуацию, сложившуюся в российской и мировой экономике после начала Специальной военной операции Вооружённых сил РФ на Украине. Развязанная коллективным Западом санкционная война против России не достигла цели. Преодолев временные трудности, наша страна успешно диверсифицирует финансовые потоки, укрепляет

альтернативные торговые и экономические связи. В то же время англосаксонский мир во главе с США и доселе процветавшие государства Западной Европы оказались ввергнуты в глобальный финансовый и экономический кризис, пошатнувший основы мировой капиталистической системы. На основе анализа исторического опыта автор предлагает рецепты построения новой суверенной экономики России.

Хронология мероприятий клуба

Август 2022 года

20 августа на Можайском шоссе под Москвой в результате теракта (взрыв автомобиля) погибла 29-летняя Дарья Александровна Платонова (Дугина), философ, политолог, журналист, дочь Александра Гельевича Дугина. Изборский клуб единодушно осудил это убийство, многие члены клуба высказались по этому поводу в российских и зарубежных СМИ.

Принося глубочайшие соболезнования и разделяя с Александром Дугиным его боль, члены Изборского клуба выступили на страницах газеты «Завтра» и нашего журнала (№ 8 за 2022 год). Цикл этих выступлений получил название «Время Дугина».

10 сентября 2022 года

В конференц-зале «Москва» московской гостиницы «Измайлово» прошла публичная научно-просветительская конференция «Сверхновая Россия. Какая ты будешь?». Конференцию провело издательство «Наше Завтра» при информационной поддержке каналов «День-ТВ», «Наше Завтра», «Книжный день» и газеты «Завтра». Жанр мероприятия был достаточно новым — нечто среднее между научной дискуссией и открытыми лекциями с возможностью аудитории задавать вопросы и затем общаться с докладчиками в ходе автограф-сессий.

В центре конференции были доклады членов Изборского клуба Александра Проханова, Виталия Аверьянова, Андрея Фурсова. Среди докладчиков были также — Борис Марцинкевич, Константин Сивков, Федор Лисицын и другие. Вел конференцию руководитель издательства «Наше Завтра» и канала «День-ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра» Андрей Фефелов.

16-21 сентября 2022 года

16 сентября состоялся мозговой штурм Изборского клуба «Военное время. Катастрофа или Победа», посвященный выработке единой клубной позиции в непростой для нашего государства ситуации. Результатом мозгового штурма стало обращение клуба под названием «Изборское слово», над которым еще несколько дней продолжалась работа. «Изборское слово» было опубликовано на сайтах Изборского клуба и газеты «Завтра» 21 сентября, в день обращения президента Путина по поводу проведения референдумов в Новороссии и объявления частичной мобилизации в России. Позднее оно также вышло на страницах нашего журнала (№8 за 2022 год).

20 октября 2022 года

Члены Изборского клуба приняли активное участие в VII Научно-практической конференции аналитиков России, проходившей в ИНИОН РАН в Москве. Среди участников пленарного заседания, выступивших с развернутыми концептуальными докладами, постоянные члены клуба В.В. Аверьянов и А.И. Агеев, а также целый ряд экспертов клуба.

27 октября 2022 года

На пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» состоялся диалог между председателем Изборского клуба Александром Прохановым и Президентом России Владимиром Путиным. Задавая вопрос Президенту, Проханов отметил, что справедливость лежит в основе русской цивилизации, Россия сегодня борется за справедливость, и спросил Путина, не стоит ли сделать российскую идеологию «религией справедливости». Пре-

зидент РФ Владимир Путин в шутку ответил, что для России четырёх религий достаточно, пятой — религии справедливости как специально оформленной государственной идеологии — не требуется.

Путин при этом отметил патриотическую позицию Проханова. «Я слежу за вашими работами, за вашим творчеством, когда время есть — с удовольствием читаю то, что вы пишете, говорите. Конечно, я знаю, что вы настоящий российский патриот в самом добром, хорошем, широком смысле этого слова», — сказал он.

4 ноября 2022 года

На телеканале «Россия» состоялась премьера нового документально-публицистического фильма Александра Проханова «Код Рус**ской Победы**». В фильме писатель размышляет об образе будущего страны, подробно рассказывает о своем видении русских цивилизационных кодов. В центре произведения — образ-идея народа, который преодолевает трудности и преобразует тяжелые времена на пути к своей мечте — на пути к Победе, и тем самым возрастает, становясь народом-великаном. Краткий девиз России, по Проханову, — «Один народ. Одна судьба. Одна Победа».

В конференц-зале «Москва» московской гостиницы «Измайлово» во время публичной научнопросветительской конференции «Сверхновая Россия. Какая ты будешь?»

№ 9 (107), 2022 **111**

Илья КИРИЛЛОВ: **Я, должно быть,** чувствую вину...

ИЗ ГРОЗНЕНСКОЙ ТЕТРАДИ

Так, должно быть, едут на войну: сеет дождь, и лязгают колёса, тяжкий гул чугунного колосса над рябой и чёрной гладью плёса гонит эха встречную волну.

В заливных лугах, как в старину, ряд за рядом клонятся колосья. Как со дна глубокого колодца, из окна взираешь на страну.

...Я, должно быть, чувствую вину, я, должно быть, с совестью в раздоре, раз на жёлтом глиняном просторе сеет дождь, куда я ни взгляну.

Нам скорбеть, должно быть, не с руки. Все падём: вы — в том, мы — в этом веке, но невольно вздрагивают веки, лишь повеет холодом с реки.

Нам ведь тоже боязно в окно бросить взгляд и выглянуть наружу: чёрным дымом мир заволокло, рвётся дней льняное волокно. Нас ведь тоже призовут к оружью и мобилизуют на войну...

Я, должно быть, чувствую вину. Я, должно быть, чувствую вину...

Сжигают листву по предместьям. Натянут канатом витым, каким-то неясным предвестьем возносится к облаку дым.

Ваш ровня по слову и делу, по взору и духу — родня, в родные до дрожи пределы вступаю, как в область огня.

Объятый мучительным жаром, минуя ряды бочагов, как по пламенеющим мшарам, вдоль зыбких иду берегов.

Не глину в печах обжигают, не жгуче цветёт сухоцвет — то, Родина, путник шагает на твой очистительный свет.

И Родина всеми тылами тому, кто охвачен в кольцо, сквозь пепел и жёлтое пламя вдруг пристально смотрит в лицо.

— Скитаясь по чуждым пределам в сиянии чуждого дня, о сыне мой, словом ли, делом ты не отступил от меня?

<u> ВИФАЧТОИТ</u>

Илья Николаевич КИРИЛЛОВ

Родился в 1981 году в Оренбурге. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Русское эхо», «Парус», «Бийский вестник»; альманахах «День поэзии. XXI век», «Гостиный двор»; коллективных сборниках «Оренбургская заря», «Здравствуй! Это — я!»; антологиях «Внуки вещего Бояна»,

«Друзья, прекрасен наш союз!..» и др. Автор книги стихов «Дни ледостава» (2015). Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка», Оренбургской региональной премии имени П.И. Рычкова, премии альманаха «Гостиный двор» для молодых поэтов «Чаша бытия», дипломант Православной литературной премии имени свт. Макария (г. Бийск).

— Встречавшимся разным пройдохам о разном далёком трубя, о матерь, ни взором, ни вздохом я не отступил от тебя!

И вновь на разбитой дороге, подобный приблудному псу, свои вековые ожоги как знак благородства несу.

КНЯЗЬ ГЛЕБ

Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит... «Сказание о Борисе и Глебе»

У того оврага ветер травы косит, сух простор бесхозный и бездомен путь. Здесь никто не встретит, ни о чём не спросит, только стрепет крикнет и не даст уснуть.

Что́ им сердце, что́ им пламенный осколок, у престола мира недозрелый плод! Каково вам слушать ночи напролёт ветер от Смядыни?..

Тёмен лог и долог. Чуть мерцают звёзды сквозь туманный полог. Сладко ль спится, княже, меж гнилых колод?

- ...И рассвет по-лисьи проступает в небе.
- Горе мне, Борисе!
- Горе, горе, Глебе!

К Муромской заставе поспешает вестник.

- Горе, Ярославе!
- Горе, горе, крестник! Направляясь к месту, натяни поводья: днесь твои убийцы режут сыр и хлеб и необозримый, точно половодье, зной в степи осенней вырос и окреп.

Задержись, помедли на речном пороге: днесь крамола рыщет, из родимых мест пламень погребальный в раскалённом роге как дурное семя разнося окрест.

Сгинь же, затеряйся в гибельных просторах. Клевер да гречиха твой укроют путь. Стрепетиных крыльев неотвязный шорох мне ночами, брат мой, не даёт уснуть. * * *

Дымят окраины. Незряче столица кличет сквозь туман. Прошёл отряд, хмелён и мрачен, роняя головы в бурьян.

Нас много спряталось под своды от гроз и бури, но гляди: лишь ночь — и подступают воды к моей расслабленной груди.

Обвили стебли повилики всё тело мне, лишили сил.

— О перехожие калики! — в сердцах я криком возгласил.

И вот, склонив сухие лики, с мольбою в выжженных очах, они рекут — и вес великий уже я чувствую в плечах.

Коснусь утёса — и заплачет, и тень опустится на дол. Уже Господь лица не прячет, садясь хозяином за стол.

Уже, гружённые в вагоны, хлеба на риги свезены, дурные граяли вороны под вечер у Березины.

И мирным злакам, травам сорным кладя поклоны на лугу, уже я выставлен дозорным на левом нашем берегу.

ОСЕННИЕ СТАНСЫ

Тускнеющих небес тоскующая даль, скудеющий запас не греющего света родят в душе печаль острее, чем хрусталь, древнее пирамид и Ветхого Завета.

От молодых ногтей в урановый наш век предчувствие зимы так холодит загривок, что, не смыкая век, хлопочет человек над утепленьем рам и выбором наливок.

№ 9 (107), 2022

Над родиной моей столетия подряд враждебный поднят серп для беззаконной жатвы, но люди говорят, мол, ангелы парят — и меч затуплен вновь, враги к земле прижаты.

Не оттого ли здесь осеннею страдой, когда перед дождём ложится тень на плечи, рокочет козодой как бы перед бедой и тыкву волокут, как голову Предтечи?

УСПЕНИЕ

Скорой осенью веет. Деревенский народ на Успенье говеет, лишку в рот не берёт. Проку пить, если вялый, неустроенный вид не язвит, как бывало, но, как прежде, трезвит?

Сквозь сады-огороды выйди в голую степь, где ветра-нищеброды рады в дудку свистеть, где и дуб не напрасно, если днесь не зачах, подымает пространство на могучих плечах.

Вновь полны буераки лебедою на треть, что дрожит в полумраке так, что больно смотреть. Приглядись и послушай: как дымок по золе, бродят тёмные души по вечерней земле.

Им позволено было за последней чертой бурый цвет чернобыла заплетать с чередой; города и деревни обходя стороной, слушать ветер над древней, над осенней страной.

Дай же, сердце, вглядеться, перед тем как уйти, в край, где резвое детство воду пьёт из горсти, где нечаянный вечер беспечален и мглист и для памяти вечен каждый сброшенный лист.

О, куда же нам деться, если крылья простёр этот вяжущий сердце горемычный простор, этот тракт нелюдимый так разумно молчит, этот воздух сладимый так полынью горчит!

* * *

Как оголились за ночь пашни! Семь туч, семь грозовых предтеч с утра ползут по-черепашьи и над водонапорной башней грозятся ситничком протечь. Пора великого ущерба! В рябой канаве на меже ветрами крученная верба себя не различит уже. Как одиноко! И до срока пройдусь по тёмному двору. Пусть ошалелая сорока клюёт сухарик на юру. Её занятья не нарушу, согласный в этот час и в ней почуять родственную душу, к великой радости своей.

Как много их, тех, без которых, наследством не обременён, ты в родовых своих просторах как будто не укоренён, всему как будто посторонний, неразличимый вдалеке, под ветра свист и грай вороний стоишь с сухариком в руке...

О Боже, в этой смертной дрожи объемли облаком меня. Нет ничего милей и строже Тобой распахнутого дня. О, никогда мой бедный разум постичь не в силах тот объём всего мне явленного разом в едином выдохе своём.

Но погляди: по всем приметам, Ты сам среди цветущих трав когда-то хаживал по свету, по-птичьи голову задрав. Был окоём лучист и светел, но, чист и светел, Ты один им любовался. И свидетель Тебе вдруг стал необходим.

Тот, на кого, закрыв полнеба, падёт туман и сны падут, и тот, над кем склонится верба, Тобой поставленная тут, кто по негласному зароку живёт как в поле будыльё... Дорога. Радуга. Сорока... Прими свидетельство моё!

114 Изборский клуб

АВВАКУМ

...и видев вашу пред собой темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоят простерты...

«Житие протопопа Аввакума» Солнце облаком затмится, истомится сердце, веря, на восьмой страстной седмице распечатаются двери.

Четверых, как по ступеням, поведут по снегу рано.
Край небесный тучей вспенен — след вечернего бурана.

Восприми молитву, Отче! Будь со мною, Епифаний! Воздух полон мглы сорочьей и весенних упований.

Так диковинно зевакам видеть зарево за далью. И возносится Аввакум над страной и над печалью.

Сколько скорби в дальнем эхе! Сколько боли в красках стёртых! По Руси костры, как вехи, к небесам стоят простёрты.

На Руси сызмальства всякий обретает радость муки. Сколько света в зодиаке! Сколько нежности в разлуке!

Сколько гордости и грусти под упрямый звон кандальный изольёт душа, как в устье, в речи злой, исповедальной!

Принимай, душа, подарки: сплошь морошка да кислица. Но и рай тебе, бунтарке, не затем, чтоб веселиться.

КАТЕНИН В ШАЁВЕ

Нынче, печатью забытый, не пишет, даром вдали от общественных бурь давней обидой по-прежнему дышат редкие письма его в Петербург.

Впрочем, хулу и опалу изведав, знает он, не с кого взыскивать долг: сгинул Бестужев, убит Грибоедов, Вяземский сломлен, и Батюшков смолк.

...За полночь в доме скрипят половицы. Вновь за помин непорочной души некогда отнятой отроковицы горькую пьёт он в наследной глуши.

Годы ли минули — легче не стало, но среди пагубы жизни такой прежде лишь слово его и спасало и возвращало и сон, и покой.

Вспомнит Евдор о судьбе Феокрита — сердце займётся, и в мыслях разброд... Глянет в окно, а окно-то открыто, майское утро стоит у ворот.

Топкое, тяглое, гиблое время! Треск на реке. Дуновенья с болот. Хватит с него! Он становится в стремя. Любо скакать ему день напролёт.

Любо умчаться, траву приминая, вон со двора и под лай кобелей вдоль по равнине лететь, поднимая чёрные стаи с озимых полей...

Конь ли оступится на мелководье (о непреложная тяжесть примет!) — всадник отпустит устало поводья и возвратится. А дома-то нет.

Есть лишь погост со следами погрома, дичь сосняка да истлевший мосток. Тяжко спесивцу подняться из гроба, легче лежать головой на восток.

Легче таиться со мстивой тоскою: ночью нечистой, вином залитой, некому дать его сердцу покоя, нечем навеять и сон золотой.

№ 9 (107), 2022 **115**

* * *

Вновь самум задувает с востока, и на западе порох и дым. Ты, я вижу, обманут жестоко, что зовёшь это время худым.

По душе тебе дом у дороги и слепое круженье листа, но растущее чувство тревоги не врачуют родные уста.

И покуда оно не окрепло, губы алы, глаза голубы, — злое облако пыли и пепла оседает на спящие лбы.

И, как эхо, звучит над тобою, долетев с пограничных застав, сказ о том, как вернулся из боя, ни семьи, ни страны не застав...

Пробудиться, вскочить запоздало!.. Ночь как ночь, только дали тесны. Только привкус огня и металла отравляет поэмы и сны.

* * *

Осядет дом, падёт ограда, зачахнет яблоня в саду, сухой воланчик шелкопряда я в волосах твоих найду.

И станет ясно, меж речами, что жизнь прошла, что много лет мы делим здесь одни печали, одни глаза глядят нам вслед.

И те глаза до сумасбродства таким сиянием полны, что все картины неустройства для нас значенья лишены.

В денёк какой-нибудь погожий придёт на ум в канун зимы, что этой радости, похоже, ничем не заслужили мы. Что средь тоски и мироедства, которым мучима страна, нам эта нежность, как в наследство, передана. Передана

вот эта тихая отрада, тех дней медлительный финал, когда живого шелкопряда я с головы твоей снимал.

РУССКОМУ СОЛДАТУ

Над Украиной вой сирен. Воздушный бой за Иловайском. В твоём саду, когда-то райском, цветёт последняя сирень.

Когда разрушен общий дом, лишь ты один за всё в ответе. Недаром грудь в бронежилете и Русь - под ядерным щитом.

Пусть над Европою давно не светит солнце всеславянства, но живо отчее пространство и бродит новое вино.

Так пусть не тяжек будет твой окопный труд в огне и саже и вновь архангел в камуфляже ведёт сквозь дым пороховой.

Ведёт. Зачем? Всё раздарить во имя братства и соседства и снова общее наследство, как хлеб, со всеми разделить.

116 Изборский клуб

